

Евгений ШУМАХЕР

ЛЕТО

Повесть

Часть 1

Глава 1

Дневная жара начала спадать. Вернее, жарко было по-прежнему, это заставляло прохожих время от времени поднимать головы в надежде увидеть маленькое белое облачко. Теперь жар шёл снизу: от раскалённых каменных и бетонно-панельных стен зданий, от асфальта улиц и даже, казалось, от травы газонов...

– Ну что, посидим? – кивнул Саша на скамейку, мимо которой они проходили по одной из аллей центрального парка. – Пекло...

После, не дожидаясь ответа товарищей, сбросил с плеча на скамейку спортивную сумку.

– Давайте посидим, – согласилась Марина.

Витька ничего говорить не стал, просто плюхнулся на скамейку рядом с Сашкиной сумкой и полез в нагрудный карман рубахи за сигаретами.

– Да, славные каникулы, – подвёл Саша итог прожитому дню, устраиваясь рядом. – Пока ясно одно: бежать надо из города.

– Очень своевременная и интересная мысль, – согласился Витька, прикуривая. Просто качественная мысль, – добавил он, выпуская дым и блаженно жмуря глаза.

– Смотри, Марин, у него сегодня сигареты есть, – заметил Саша, наблюдая за началом процесса поглощения Витькой порции никотина. – Чудеса! Дай закурить.

– Нахал ты, Захаров, – заметил Витька, приоткрыв на мгновение глаза и протягивая товарищу пачку «Аэрофлота». – У кого что болит, тот о том и говорит. Халява.

Саша принялся разминать сигарету, и друзья на какое-то время замолчали: жара не располагала даже к дружескому трёпу.

– Интересно, как там сейчас Ольга? – прервала Марина затянувшееся молчание. – В Куйбышеве такая же жара?

– Жара, наверное, такая же, – пожал Саша плечами. – Ольгу же, скорей всего, родители откармливают домашними пирожками, а школьные подруги водят на старый самарский пляж.

При Сашиных словах о школьных подругах Витька отчего-то заёрзал, открыл глаза, после поморщился и кинул в урну недокуренную сигарету.

– Богатый бычок, – заметил Саша. – Меня всегда поражало твоё пристрастие к роскошной жизни, но в последнее время оно переходит всякие границы...

– А, – махнул Витька рукой, – не наэкономишься...

– Ну что, не пора ли нам начать покорять Европу? – поинтересовался он у друзей секунду спустя.

– На Волгу захотелось? – поинтересовался Саша. – Да, Ольга обрадуется... Но – деньги?..

– Вот! – засмеялась Марина, хлопая себя ладошками по коленям. – Так обычно всё и начинается. Чувствуется, что мы с Ольгой вас чему-то научили.

– Учёного учить – только портить, – пожал Витька плечами. – Я, например, всегда был авантюристом, о Захарове вообще говорить не хочу...

Саша в ответ на Витькины слова подтверждающе улыбнулся. Автор же, избавив себя от необходимости дальнейшего изложения дружеской пикировки, перейдёт наконец к более обстоятельному знакомству читателя с героями.

Марина. Стройная высокая девушка с короткой стрижкой и мягкими, почти округлыми движениями. походка у Марины тоже мягкая, плавная, до тех пор, пока девушка не начнёт волноваться. В минуты волнения движения её принимают угловатые черты, девушка непроизвольно повышает голос и начинает грассировать, что выглядит немного забавным. Глаза у Марины серые. И поскольку сама она считает, что в каждой женщине должна присутствовать тайна, именно в её серых глазах эта тайна и наблюдается.

Марина студентка третьего курса филологического факультета Н-ского пединститута. Впрочем, извиняюсь, уже четвёртого курса. Срок обучения в институте – четыре года, так что нынешнее лето для Марины – последнее лето студенчества. Началось оно с сессии, продолжилось в деревне, куда Марина ездила инструктором фольклорной экспедиции первого курса, то есть непосредственным начальником долговязого Сашки и шушлого до миниатюрности Витьки.

Первый после окончания школы успел около года поработать на заводе, поэтому при случае не упускает возможности подчеркнуть своё «рабочее происхождение». Второй пересел на студенческую скамью

прямо из-за школьной парты, так что в разговорах с однокурсником имеет возможность сослаться на свою «исключительную талантливость».

В общем, Сашка с Витькой абсолютно стоят друг друга, и просто бессмысленно гадать сегодня о том, кому первому в голову пришла мысль о предстоящем путешествии.

Однако идея зародилась, и нужно было приступить к её осуществлению.

Глава 2

В прихожей зазвонил телефон. Саша, отложив в сторону перевернутую обложкой вверх книгу, сбросил ноги на пол и довольно засмеялся, оттого что удачно попал ногами прямо в тапочки. Звонил бывший одноклассник, Вовка Котельников. Просто так, без дела. Вовка учился в другом институте, летние каникулы, как правило, проводил с матерью на даче и в город приезжать не любил. Но приезжать время от времени всё же приходилось: на рынок или в домоуправление, например, как сегодня.

– Изнываешь? – поинтересовался Саша, послушав пару минут Вовкину болтовню в трубке.

– Изнываю, Сашка, изнываю, – признался, вздохнув, Котельников. – И как только вы все живёте в этой душегубке? У нас бы смеситель в ванной не бежал – я бы до осени в городе не появлялся. Пойдём, что ли, пива купим: я вяленых окуней привёз. Слесарь только что ушёл.

– Пойдём, – Захаров улыбнулся невидимому собеседнику. – Бери банки и выходи. – Вовка жил в соседнем доме. – Я сейчас подойду.

...Пиво только что закачали, и возле пивного киоска, на противоположной стороне проспекта, в ожидании отъезда пивной машины выстроилась небольшая очередь. Потолкавшись минут десять, друзья оказались напротив окошка.

– Жарко... – пожаловался Саша работнику советской торговли, выставляя банки и протягивая в окошко деньги.

– Жарко, – согласился работник. – Так на то и лето. Полные?

– Лей полные, – кивнул Саша. – Гулять – так гулять. Правильно?

Продавец равнодушно пожал плечами.

– Ну что? К кому пойдём? – спросил Захаров бывшего однокашника, когда спустя некоторое время друзья подошли к подъезду Вовкиного дома. Вовка молча пожал плечами, потом, помолчав, спросил:

– Рыба-то у тебя?

– Вот чёрт, я с этой жарой совсем тронулся, – заметил Саша.

...Четверть часа спустя бывшие одноклассники, устроившись за кухонным столиком, чистили высыпанных Котельниковым на расстеленную газету вяленых окуней, потягивали купленное пиво и разговаривали «за жизнь».

– Ну что я тебе могу посоветовать? – говорил Вовка, впиваясь зубами в спинку очищенного окуня. – Воровать и торговать ты не будешь, значит, заработать можно только грузчиком.

– Где? – поинтересовался Саша, наклоня банку с пивом над опустевшей кружкой.

– Проще всего – на мелькомбинате, – пожал Вовка плечами. – Фу ты, чёрт, – добавил он, неожиданно икнув.

– Давай-давай, рассказывай, – поторопил Захаров.

– Не суетись, – посоветовал Вовка. – Рассказывать особо нечего. Я с тобой сам съезжу.

Комбинат находился по дороге в Сашин институт, рядом с пивбаром, в котором постоянно отирались прогуливающие занятия студенты. На студенческом жаргоне пивбар назывался «Яма». На самом же мелькомбинате Саша никогда не был. Поэтому, пройдя с Вовкой через проходную, он удивился, что их пропустили просто так, без документов, и, видимо, просто так выпустят.

– Хм, – хмыкнул одноклассник. – А что ты пронесёшь? Динамит? Тоже мне террорист. Да и вынести отсюда, кроме горсти пшеницы, нечего. С мелькомбината, милый, воруют машинами, и тем, кто ворует, охрана честь отдаёт...

...Пройдя немного в глубь территории, друзья свернули к небольшому одноэтажному каменному строению. После Котельников, чуть оттеснив друга, потянул на себя дверь и первым шагнул через порог. Строение оказалось диспетчерской, и одноклассника здесь знали.

– Вот, нового кадра вам привёл, –

представил он Сашу трём немолодым тёткам.

Те добродушно покивали. Потом, сидящая за крайним столом (Саша решил, что, наверное, из троих старшая), спросила Вовку:

– Ну, Володя, ты сам всё объяснишь?

– Конечно, – улыбнулся тот. – И объясню, и даже помогу для начала...

– Вот и хорошо, – кивнула женщина. – Тогда идите на площадку: сейчас вагоны подадут.

Вовка повернулся к выходу и потянул Захарова за собой.

Обойдя домик-диспетчерскую, бывшие одноклассники некоторое время молча шагали по довольно-таки грязной территории комбината, время от времени обходя лужицы – следы ночного ливня.

– Ну всё, пришли, – неожиданно сообщил Котельников, останавливаясь возле металлического помоста с торчащей над ним трубой, на которую была надета металлическая рубашка.

Сразу за помостом протянулся дорожный состав с открытыми дверями товарных вагонов.

– Слушай и учись. Видишь щиты? – Вовка ткнул рукой в сторону стопки лежащих чуть поодаль деревянных перегородок. – Тебе нужно затащить в вагон два щита, установить их напротив дверей, а щели заткнуть бумагой вон из того рулона. Дело несложное, особого ума не требует, но пахать придётся. Ну что, начали?

Саша молча кивнул, и ребята, подняв крайний щит, понесли его к вагону.

– Вдвоём здесь делать нечего, – говорил Вовка, протаскивая щит в вагон. – Тащи бумагу.

Саша, подчиняясь Вовкиному требованию, вернулся обратно и принялся разматывать рулон.

– Ну вот, полдела сделано, – сказал одноклассник, заткнув бумагой щели между установленным у противоположного дверного проёма щитом и вагонной стенкой. – Пошли за вторым.

Когда с другой дверью и вагонными окошками, которые Вовка предусмотрительно закрыл, было покончено, Котельников отправился в голову состава, переговорил с машинистом и вернулся к Саше на площадку.

– Давай! – махнул он рукой высунувшемся в окошко машинисту.

Состав дёрнулся, лязгнув буферами, и пополз к металлическому помосту.

– Стой! – подал следующую команду Котельников, когда установленный накануне щит, закрывающий половину входного вагонного проёма, оказался на одном уровне с металлической рубашкой трубы.

После Вовка, подойдя к столбу с телефоном, снял трубку, назвав номер вагона, опустил её обратно и вернулся к Саше.

– Ну всё, курим, – сообщил он, присаживаясь на край помоста. Два с полтиной заработали.

В этот момент труба загудела, металлический пол начал вибрировать, и в вагон посыпалось зерно.

Глава 3

Минут через двадцать гудение в трубе стихло, вибрация пола прекратилась, Котельников же, спрыгнув на землю, молча зашагал к щитам, Захаров также молча двинулся следом. Всё опять повторилось: щиты – бумага – машинист – телефон...

– Ну, всё понял? – спросил Вовка, когда с погрузкой очередного вагона было покончено.

Захаров в ответ пожал плечами, после, улыбнувшись, махнул рукой:

– Ладно, ты иди – дальше я сам как-нибудь.

– Ну, давай, – кивнул одноклассник. – Желаю трудовых побед.

После достал из нагрудного кармашка расписание движения пригородных пассажирских теплоходов и принялся негромко вычислять время своего «убытия в загородную резиденцию». Наконец, пришёл к выводу, что «Ракета» на 14:30 – как раз то, что нужно.

– Ну что, обойдёмся без поцелуев? – поинтересовался он, засовывая расписание обратно.

– Ладно, иди, – буркнул Саша. – Не мешай работать...

Вовка одобрительно хмыкнул, протянул руку к висящей на решётке ограждения штормовке и, перебросив её через плечо, зашагал к проходной. Саша же, оторвав от стойки очередной деревянный щит, взвалил его на спину.

Таскать одному щиты было не то что-

бы тяжело, а просто неудобно. Львиную долю времени, ухидившую на подготовку вагона к погрузке, щиты и отнимали. Саша и на спине их носить пробовал, и кантовать. Но нести щит на спине было неудобно, кантовать – долго. Поэтому в конце концов новоявленный шабашник просто махнул рукой и начал чередовать эти два способа доставки груза: до тех пор, пока хватало сил, тащил щит на себе, после опускал его на землю и начинал переворачивать с одного ребра на другое. Как бы там ни было, к концу рабочего дня результаты «непосильного физического труда», как впоследствии характеризовал Саша свою мелькомбинатовскую шабашку, были налицо: к двум загруженным с одноклассником вагонам добавилось ещё семь штук. Саша гордо посмотрел на результаты своего труда, попрощался по телефону с диспетчером и, напившись из автомата бесплатной газировки, направился к проходной.

...Добравшись до дома, герой трудового фронта довольно долго плескался в ванной под душем, после обтёрся махровым полотенцем и, пройдя в свою комнату, рухнул на кровать.

– Есть будешь? – ласково спросила, заглядывая в комнату, мама.

В ответ Саша молча махнул рукой: есть и говорить не хотелось. Больше того: в Самару тоже больше не хотелось.

– Таня! – позвал отец из большой комнаты. – Не трогай студента, пусть в себя придёт!..

...Через пару дней Саша предпринял ещё одну попытку заработать деньги на мелькомбинате. Однако на этот раз трудового энтузиазма хватило только на три вагона. Затащив щиты в последний, Саша почувствовал, что выдохся. Даже не то чтобы выдохся, а просто устал от однообразия выполняемой работы. В будущем он научится, подойдя к порогу однообразия, перешагивать его. Именно тогда у работающего человека открывается второе дыхание, а действия становятся полуавтоматическими. Но преодолевать порог однообразия могла научить только постоянная, каждодневная работа, а не периодические, раз в полгода, «сессионные авралы». От сессии же до сессии, как известно, живут студенты весело...

Так что, получив через неделю при-

читающуюся ему зарплату – тридцать рублей, – со своей трудовой деятельностью Саша решил на какое-то время закончить. Впрочем, на какое – ему самому хорошо было понятно: до осени, когда большинство студентов пускаются на поиски свободного места сторожа...

– Вот сколько я Захарова знаю, столько его дома только на кровати и вижу, – сообщил Виктор, перешагивая порог Сашиной комнаты. – Вставай, я с дамой! И здорово, что ли!

– Дама – это я, – сообщила Марина, выглядывая из-за Витькиного плеча. – Да ладно, пусть лежит.

– Спасибо, – проговорил Саша с деланной признательностью в голосе, по-прежнему продолжая лежать, но, отложив в сторону журнал, который до этого читал, разулыбался.

– Устраивайтесь, где хотите, – добавил он, видя, что Марина ищет глазами, куда бы сесть. – Садись, Маринка, за стол – единственный приличный стул в комнате.

В дверь заглянула мама.

– Саша, я ухожу, – сообщила она. – Иди закрой. Кстати, ты хоть бы поднялся...

– Этот вопрос мы только что обсуждали, – сообщил Александр, садясь на кровати и сбрасывая ноги на пол.

– Не попал, – добавил он, нащупывая ногой недостающий тапок.

– Это я виноват, – признался Виктор от окна. – Я, чтобы не мешал, его под кровать запихнул...

– Тут ты в корне неправ, – заметил Саша, нагибаясь. – Ты, мам, иди, я сейчас закрою.

Обувшись, Саша прошёл к входной двери, щёлкнул замком, после, вернувшись в комнату, сел обратно на кровать и, весело оглядев друзей, предложил:

– Ну что, подведём предварительные итоги?

– Да мы, собственно, для того и пришли, – пожал плечами Витя.

– Итак... – Захаров, открыв стоящий у стола дипломат, вытащил из него тонкую ученическую тетрадку, после выдернул из подставки для настольного календаря шариковую ручку с зелёным стержнем и положил обе вещи на стол перед Мариной.

Глава 4

Бухгалтерией Марина заниматься отказалась. Сдвинув на край стола выложенные Сашей предметы, она посмотрела на хозяина чуточку насмешливо и заметила, что его педантизм и страсть к упорядоченной жизни сделают честь любому бухгалтеру или домашней хозяйке.

– Вот-вот, – поддержал Витька, – Приход-расход и тапочки не трогай...

Саша хотел было обидеться, но после, махнув рукой, засмеялся:

– Всё! Сделали! Чаю хотите? Пойду поставлю.

– Поставь-поставь, – согласился Колесников. – Хотя, сам знаешь, чай – не водка, много не выпьешь...

– А я много и не дам, – заверил Александр по пути на кухню. – Заварка кончилась.

Долив воды в чайник и поставив его на плиту, Захаров вернулся к друзьям в комнату и, остановившись в дверях, предложил:

– Знаете что, пойдёмте на кухню. Пока чайник греется, там обо всём и поговорим.

– Пойдёмте, – согласилась Марина.

На кухне каждый постарался устроиться с максимальным удобством. Марина присела на стульчик возле покрытого синим пластиком кухонного стола, Саша, сидя на другом стульчике, привалился спиной к холодильнику, Витька же взгромоздился на подоконник.

– Смотри, в окно не вылети, – предупредил Саша. – Второй этаж, но костей не соберешь.

– Я буду падать внутрь, – заверил юноша.

– Ладно, чёрт с тобой, – согласился Саша, – Падай, куда хочешь, но в Самаре тебя не дождутся.

– А нас что, там ждут? – улыбнулась Марина.

– Не ждут, – согласился Саша, – но это ровным счётом ничего не меняет.

– Ладно, хватит трепаться, – предложили с подоконника. – Давайте, что ли, о делах?

– Ну, наконец-то, – вздохнул хозяин.

Когда на плите зафыркал закипевший чайник, друзья заканчивали обсуждение

текущих финансовых и организационных вопросов.

Выключив плиту, Саша достал с посудной полки чайные чашки, блюдца, сахарницу и заварочный чайник. После, открыв духовку, выдвинул из печки противень с манником.

– Только угощать я вас не буду, – предупредил он гостей, – самообслуживание.

После, подавая пример, хозяин налил себе в чашку чаю и отрезал солидный кусок пирога.

– А, что от тебя ждать? – пожал плечами Колесников, протягивая в свою очередь руку к заварочному чайнику.

– Только за чаем – никаких разговоров, – предупредила Марина.

– Как скажешь, – друзья почти одновременно пожалы плечами.

– Хотя какие могут быть разговоры, – улыбнулся Саша. – Вроде уже всё обсудили. И цель, и средства... Молчу-молчу, – поспешил он тут же добавить в ответ на укоризненный Маринин взгляд.

За те несколько минут, которые требовались, чтобы вода в чайнике на печке закипела, а из его носика повалил пар, ребята действительно успели рассказать друг другу массу интересных вещей.

Десять дней, минувшие после их последней встречи, у всех троих оказались насыщенными событиями. Причём жизнь их все эти дни в большей или меньшей мере была посвящена одной общей цели – добыванию денег, необходимых для задуманного посещения города Куйбышева.

Витька, в отличие от Саши, вступил на иное, хотя для него также новое поприще. Студент Колесников часть своего летнего отдыха посвятил... торговле. И, как все студенты, являясь человеком находчивым, изобретательным и нетрадиционно мыслящим, добился в этой сфере «обслуживания населения» значительных успехов. Достаточно просто перечислить реализованный им товар.

Для начала Витька, оправдывая себя тем, что «потомки его поймут и простят», спихнул спекулянтам бабушкину наследственную реликвию – золотое обручальное кольцо, оставшееся после смерти дедушки и подаренное старушкой внуку с тем, чтобы тот потом надел его на палец своей невесты. Вторым объектом продажи явилось ведро виктории с семейного дачного участка, потому что

«всё равно друзья, приезжая в гости на дачу, больше съедают». И, наконец, уже скорее по инерции, чем с целью получить финансовую прибыль, Витька, возвращаясь домой с рыбалки, продал на вокзале два килограмма только что пойманных карасей.

Саше с Мариной, выслушавшим его рассказ о «проделанной работе», осталось только в молчании развести руками. А что можно было сказать, если деньги, заработанные Сашей и выпрошенные Мариной у родителей, после Витькиного рассказа как-то и деньгами было назвать неловко. Однако факт оставался фактом: главная, финансовая проблема была решена, и дело оставалось за немногим – билетами на поезд. Впрочем, и эта проблема с Витькиной подачи была решена почти сразу.

– Сейчас время отпусков, поэтому билеты на запад – бо-о-о-ольшая проблема, – совершенно логично рассудил он. – Знаете что, поехали зайцами: с проводником мы с Сашкой как-нибудь договоримся...

На том и порешили. Немного посоветовавшись, друзья назначили место и время сбора – через три дня у Захарова, уже с вещами и расписанием движения поездов в западном направлении. Поскольку же на этот день была назначена свадьба Мариной подруги, на вокзал решено было ехать прямо со свадьбы, на минуту забежав домой к Саше за сумками.

Глава 5

– Иду-иду! – громко сообщил Саша после повторного звонка в дверь. – Ма-тушка как-то предлагала дверной глазок поставить, – продолжал он уже на полтона ниже, открыв дверь и посторонившись, пропуская в прихожую Витю с Мариной, нагруженных дорожными сумками. – Так я отговорил – зачем? И так ясно, кто звонит. Так – только Колесников.

– Мне ведь тоже с обратной стороны двери никакого глазка не нужно, – доверительно сообщил Витька, поставивший свою сумку возле двери в ванную и принявшийся развязывать шнурки на туфлях. – Я и так знаю, что Захаров в это время дня или спит, или читает, или «думает», конечно, лёжа...

– Ножницы дать? – сочувственно поинтересовался Саша, наблюдая Витькину возню с обувью.

– Спасибо, я уже справился, – заверил тот, наконец разувшись. – Куда?

– Прошу, – отозвался Саша, открывая дверь в большую комнату.

Друзья, последовав Сашиному приглашению, оказались в полумраке зала. В комнате вдоль одной из стен расположились книжный шкаф и секретер с посудой, которую Витька время от времени называл «мещанский хрусталь». В углу – тумбочка с телевизором. У стены напротив стоял небольшой диванчик «для гостей» с двумя креслами по краям. Между диванчиком и шкафами у окна – большой обеденный стол чёрной полировки. На подоконнике были расставлены цветы в цветочных горшках, украшенных когда-то Сашиной бабушкой красивым белоголубым орнаментом, по краям оконного проёма свисали жёлтые (цвет измены) шторы, напротив окна стояла раздвинутая родительская софа, над ней на стене висел большой тонкий ковёр.

Однако самой замечательной частью комнатного интерьера была люстра с многочисленными пластмассовыми подвесками. Замечательной, потому что благодаря своей конструкции люстра висела довольно низко, и Саша время от времени забывал о её существовании, задевал головой, чертыхался под дождём сыпавшихся подвесок, начинал собирать их с пола и вешать обратно. Впрочем, люстры для долговязого Саши были извечной проблемой, так же, как и для его родителей – постоянный полумрак в комнате из-за раскинувшихся за окном деревьев, бывших когда-то невинными прутиками-саженцами...

Пройдя в комнату, гости расположились в креслах, Саша же, опасливо покосившись на люстру, присел на краешек родительской софы.

– Значит так, – открыл Витька «планёрку». – Вот расписание поездов, следующих на запад.

Сунув руку в нагрудный кармашек рубашки, он вытащил и развернул сложенный вчетверо тетрадный листок.

– Ну, с поездом пока определяться не будем, – возразила Марина. – Нам сейчас на свадьбу идти... Разве что предварительно.

– Давайте предварительно, – кивнул Саша. – Что там у нас на утро?

– Так, – Витька принялся изучать свои

записи. – Завтра у нас двадцать седьмое?

– 27 июля 1981 года, – уточнил Саша Захаров.

– Поезд Владивосток – Москва. По нечётным дням. Время прибытия – 6 часов 57 минут, время местное. Стоянка 20 минут.

– Ну вот, с него и начнём, а там видно будет Итак?..

– Ты давай собирайся, – посоветовал Витька.

– Да, Саш, собирайся, – поддержала Марина. – Регистрация в 13:30, времени у нас чуть больше часа. Пока доедем...

– Да мне собраться – только брюки вместо трико надеть, – сообщил хозяин. – Вот чёрт!..

Последняя реплика относилась к дождю посыпавшихся подвесок из задетой головой люстры.

Свадьбу готовились справлять в одном из сохранившихся ещё в городе частных домов, в трёх автобусных остановках от Саши. Впрочем, «в одном из сохранившихся» в данном случае будет звучать неверно. В этом районе города частные дома выстроились по обеим сторонам улицы. Едва друзья, выйдя из автобуса, приблизились к ограде одного из них, навстречу шагнул не очень пожилой улыбающийся мужчина.

– Ну, наконец-то, Марина, – с лёгким упрёком приветствовал он несколько припозднившуюся гостью. – А то мы уже было волноваться начали...

– Заходите, хлопцы, – мужчина, шагнув к воротам, приоткрыл калитку, пропуская гостей вперёд.

– Здравствуйте, дядя Коля, – улыбнулась Марина. – А что волноваться-то? Вот она я. Вы же знаете – пока доедешь...

В ограде дома толпились гости, ожидающие приезда молодых.

– Ну что, покурим, что ли? – предложил Витька.

– Давай покурим, – согласился Саша. – В доме все равно пока делать нечего.

– Вы, ребята, покурите, – поддержала Марина. – А я пойду с тётёй Катей поздороваюсь...

– Иди, тётя Марина, иди, – махнул Витька рукой, доставая спички и присаживаясь на корточки возле ограды.

Дядя Коля улыбнулся, приобнял

Марину за плечи и повёл в дом. Саша, проводив их взглядом, опустился на корточки рядом с Витькой, тоже достал сигарету и прикурил от Витькиной. Через минуту, выпустив дым и продолжая рассматривать стоящих во дворе небольшими группками гостей, Саша несколько смущённым голосом неожиданно признался другу в том, что они оказались в весьма неловком положении: не знают даже имени невесты.

– Глупости, – заверил Витька, сплёвывая и пытаясь попасть в невесту откуда взявшегося воробья. – Нас-то она наверняка видела: ты с Маринкой приходишь, я вообще довольно заметная личность. Короче, – добавил Витька, снова сплёвывая, – поменьше забивай себе голову разными тонкими материями.

– Перестань плевать, верблюд, – посоветовал Саша. – Тонкими материями...

– Я тебя не оскорблял, – заметил однокурсник.

– Вот, похоже, молодые приехали, – добавил он, слыша хлопанье за оградой автомобильной дверцы и видя, как зашевелились присутствующие. – Ладно. Прощаю.

Калитка на воротах приоткрылась, пропуская во двор жениха и невесту, которых, оттерев в сторону свидетеля со свидетельницей, сразу окружили толпившиеся во дворе гости. Со всех сторон послышались поздравления; какая-то тётка, утирая несвоевременные слёзы, расцеловала вконец смутившуюся невесту.

– Оксана, дочка, и ты, Володя! – говорила тётка между поцелуями, – Будьте счастливы!

– Ну вот, – подвёл черту Витька, – Теперь даже плакаты на стенах можно не читать: невесту зовут Оксана, жениха – Володя.

В этот момент из дома показались родители молодых, и дядя Коля, стараясь перекричать собравшихся гостей, громко пригласил всех присутствующих к столу.

– Так, а где... – Саша принялся было вертеть головой, отыскивая пропавшую Марину.

– Здесь, Саша, здесь, – послышался откуда-то сбоку Маринин голос.

– Ты, Маринка, давай не теряйся, – попросил стоящий рядом Витя Колесников. – Где тебя потом искать?

– Ладно, не буду, – пообещала девуш-

ка. – Вот только Оксану поздравлю – и больше в сторону ни ногой. За столом рядом будем сидеть.

И Марина начала протискиваться к растеряннo-смущённой невесте.

Глава 6

Поздравив Оксану с одним из самых замечательных дней в её жизни, Марина вернулась к друзьям, выполняя своё обещание, больше не оставляя их. Поэтому в дом вошли все вместе, втроём, и за столом устроились все вместе.

Саша, правда, пресёк Маринину попытку сесть за стол между ним и Витькой.

– Водку будем пить или разговаривать? – поинтересовался он.

– И то, и другое, – пожалла плечами девушка.

– Тогда сделаем так, – решил Саша, усаживаясь за стол между друзьями, – водку мы будем пить с Витькой, а разговаривать с тобой.

Витька одобрительно засмеялся, усаживаясь на скамейку справа от Саши, Марине же оставалось только пожать плечами и сесть с другой стороны.

Наконец гости расселись за столом, разобрались с посудой и на какое-то мгновение в комнате возникла выжидательная тишина: вроде бы пора пить водку, а команды ещё не было.

– Затишье перед бурей, – шепнул Саша соседке.

– Это для тебя, – заметила в ответ Марина. – Для Оксаны, я думаю, отсрочка перед прыжком в омут.

– Хм, – усмехнулся Саша, – ну и сидела бы в девках, если воды боится.

Возникшую паузу прервал дядя Коля.

Поднявшись со своего места возле молодых, он произнёс короткую проникновенную речь, суть которой была ещё короче и укладывалась в три слова: «Совет да любовь». Непривычное многословие дядю Колю, видимо, утомило, поэтому, заканчивая своё обращение к молодым, он приподнял руку в зажатой в ней рюмкой, приглашая гостей поддержать его, выпил, после чего удовлетворённо крякнул, опустился на своё место и крикнул: «Горько!» Свадьба началась.

Современная русская свадьба мало отличается от обычной рядовой гулянки «по поводу». Пожалуй, основное отличие

– количество людей, усевшихся за столы, и количество этими людьми выпитого и съеденного. В деревнях поэтому свадьбы принимают более широкий размах: продукты всё-таки свои, а за водкой (если не хватит) можно и в соседнюю деревню на стоящем возле дома тракторе съездить.

В городе свадьбы проходят скромнее: разве что родители молодых откупят ресторан или кафе на вечер, а потом, на следующий день, гости догуливают уже у них дома, в коммунальной квартире.

В целом же деревенская и городская свадьбы мало отличаются. Пока гости ещё управляемы, приглашённый за деньги тамада пытается организовать свадебное действо (дикую смесь народных традиций и обычаев привнесённых). Потом, как правило, тамада машет на организацию праздника рукой, и свадьба идёт сама собой, иногда не без эксцессов, которые, впрочем, быстро устраняются присутствующими.

...На свадьбе, на которую оказались приглашёнными наши друзья, тамады почему-то не было. Кроме того, она с самого начала проходила в доме невесты. И не потому, что родителям Володи и Оксаны жаль было денег на казённое ресторанное пиршество (продукты как раз и были из ресторана), просто с жилищной площадью вопрос не стоял так остро, как в коммуналах: часть гостей разместилась за столами, поставленными прямо во дворе. Вернее, стол с женихом и невестой во главе, начинаясь к комнате, заканчивался в ограде. Благо, погода стояла летняя...

Друзья, расположившись за столом, довольно быстро освоились. То есть почувствовали себя по-домашнему легко и свободно. Настолько легко, что во время случайной паузы между торжественными речами присутствующих, заканчивающихся традиционным призывом выпить, Саша громко, на весь стол, разразился криком «горько», Витька же, используя возникшую заминку – пока гости дружно скандировали Сашин призыв, пока молодые поднимались из-за стола, пока жених обнимал переставшую уже смущаться невесту – сполз со своего сиденья и начал под столом, нагтыкаясь на ноги присутствующих, пробираться к невестинной туфле. Надо заметить, что кража у невесты туфли или попытка её украсть – один из неизменных атрибутов

современной свадьбы (а может быть, и не только современной). Если похищение удаётся, туфля потом женихом у похитителя выкупается, свидетель же, главный друг и защитник молодожёнов, за слабую бдительность принуждается к питию водки, наливаемой в туфлю до краёв.

В последние годы некоторые девушки – то ли из хитрости, то ли из сострадания к ближнему – надевают на свадьбу босоножки. Однако я сам как-то принуждён был убедиться в том, что наличие неудобной для возлияний обуви от этих самых возлияний не освобождает. В подобных случаях просто используется крупная столовая посуда...

Однако на Оксаниной свадьбе ни выкупа похищенной туфли, ни последующего спаивания свидетеля не было. И не было потому, что бдительная охрана молодожёнов вовремя заметила похитителя. Невеста, завизжав, взобралась с ногами на банкетку, на которой до этого сидела. Жених же со свидетелем устроили на охотника за женской обувью настоящую охоту, сопровождаемую ощутимыми ударами в бока и плечи. Добравшись, наконец, обратно до своего места, Витька, откинув скатерть, вылез из-под стола и устало плюхнулся на скамейку. Некоторое время спустя он, горестно вздохнув, вытянул пальцы на правой руке, покачал головой и, взяв бутылку со стола, наполнил свою и Сашину рюмки.

– Ладно, давай лучше выпьем, – подвёл Витька итог неудачному предприятию. – Хрен с ним, с туфлем. Мне ноготь сломали – жених какой-то брыкастый...

– Ну, давай выпьем, – согласился Саша. – Ты, Вить, особо не переживай, не вышло – и чёрт с ним. Не били же... Так, пнули два раза. Будь здоров, – добавил он, чокаясь с товарищем.

Глава 7

Первый свадебный день подходил к концу. На праздничном столе, по словам барда, воцарилась, «как положено, куча мала», гости начали потихоньку расходиться, и Саша с Витей, наконец, решили, что им тоже пора «до дому». Марина оставалась ночевать в доме невесты.

– Ну, пойдём, до остановки нас проводишь, – предложил Саша поднявшейся из-за стола Марине.

– Вы меня подождите во дворе, – попросила девушка. – Я мигом: только Оксане пару слов скажу.

– Давай, ждём, – кивнул Захаров. После незаметно осмотрелся по сторонам – народ сгруппировался в одном конце стола, возле молодых, к которым сейчас подошла и Марина.

– Ну-ка, прикрой меня, – попросил Саша друга. После повернулся к нему спиной, подхватил со стола бутылку водки, засунул её за пазуху и застегнул пиджак.

– Всё? – поинтересовался Витька.

– Всё, – кивнул Саша, поворачиваясь к другу. – Как в аптеке...

– Жулик ты, Сашка, – уважительно констатировал однокурсник.

– От жулика слышу, – парировал тот. – Терпеть не могу похмелья... У меня вот нет никакой гарантии, – продолжал Саша развивать свою мысль, – что Марина Сергеевна, во-первых, догадается попросить с собой бутылку, и во-вторых, что бутылка найдётся.

– Хотя это я, конечно, зря, – добавил он спустя минуту, – бутылка, конечно, найдётся, но ведь девка... Ладно, пойдём на улицу.

Через минуту вслед за ребятами во двор выпорхнула и Марина.

– Ну всё, идёмте, – махнула она рукой. – Я предупредила, чтоб меня не теряли.

– Идёмте, – кивнул Витька и открыл калитку.

– Бутылку не разбей, – прошептал он входящему следом Саше.

– Издеваешься? – поинтересовался товарищ. – Да я лучше себе что-нибудь сломаю...

– Вот этого не надо, – попросил Колесников. – Нам завтра в Саратов, тьфу, в Самару уезжать.

– О чём это вы там? – поинтересовалась чуть приотставшая Марина.

– Так, разрабатываем план действий, – уклончиво ответил Саша.

– Кстати, – добавил он, обращаясь к девушке, – во сколько там бишь поезд из Владивостока?

– Без пяти семь.

– Ну вот, как ни крути, а в шесть часов тебе нужно быть у меня. Автобусы ещё ходить не будут...

– Пешком дойду, – Марина махнула рукой.

– Ребята, автобус! – воскликнул Колесников. – Побежали! Пока, Маринка!

И первым бросился преодолевать оставшиеся три десятка метров до остановки.

Глава 8

Пробуждение, как и предполагалось, было тяжёлым. Мужественно переждав трескотню будильника, умышленно не поставленного хозяином возле кровати, Витя Колесников, наконец, подал голос от стенки.

– Вставай, – горестно посоветовал он Саше. – Ты с краю...

Саша молча вздохнул, откинул одеяло и сел на софе. Затем, секунду помедлив, резко поднялся на ноги, поморщился от приступа головной боли, произнёс слово «кошмар» и поплёлся в ванную умываться. После уступил место другу, прошёл на кухню, с решительным лицом достал с посудной полки пару рюмок и потянул на себя дверцу холодильника.

– Ты особый-то пир не устраивай, – посоветовал Витька, выходя из ванной и останавливаясь в проёме кухонной двери.

– Закусить-то надо чем-то, – возразил хозяин, выкладывая на тарелку квашеную капусту из трёхлитровой банки. – Ты садись, не маячь, как кобра...

– Сам ты... кобра, – проворчал Витька, подвигая к столу табуретку.

– Господи, как её люди пьют?! – добавил он, косясь на выставленную на стол бутылку. – Ты, Сашка, не знаешь?

– Не знаю, – признался Саша. – Будем экспериментировать методом проб и ошибок. Ты не сиди – наливай, скоро Маринка придёт.

Витя послушно взял в руки бутылку, поискал глазами на столе нож и, не найдя его, распечатал водку зубами. Затем наполнил рюмки и, прикрыв бутылку пробкой, отставил её в сторону.

Саша с приготовлением закуски тоже закончил и теперь сидел за столом, глядя на рюмки загнипнотизировано и с некоторым отвращением. После, обречённо вздохнув, поднял одну из них, поднеся ко рту, залпом выпил и принялся закусывать только что выложенной на тарелку квашеной капустой. Колесникову оставалось только последовать его примеру.

Через некоторое время Витька опять потянулся к бутылке, по новой наполнил рюмки и уже без внутреннего содрогания, приподняв свою над столом, подмигнул товарищу:

– Ну. За наше здоровье!

– Будь здоров, – кивнул Саша.

Снова выпили, и Саша потянулся за сигаретами на хлебнице. Достав из пачки две штуки, одну протянул Витьке. Затем чиркнул спичкой и, прикурив сам и дав прикурить товарищу, бросил огарок в подставленную тем пепельницу.

Помолчали. После Саша, взяв в руки бутылку, в очередной раз разлил водку, отряхнул пепел с сигареты, прищурился и предложил:

– Ну что, друг мой, сейчас докурим, ещё раз усугубим и займём стартовую позицию: через две минуты после Маринкиного появления нам нужно будет выйти из дома. До вокзала транспорта ходит много, но ехать нам минимум минут двадцать.

– Ну, прямо к поезду и приедем, – заметил Витька. – Если Сергеева, конечно, не опоздает.

– Вот-вот, – кивнул Саша.

– Да не опоздает поди, – пожал Виктор плечами. – Мы же с тобой как-то проснулись...

– Да уж, как-то, – усмехнулся Саша.

– Ладно. Давай выпьем и вещи – в коридор, – добавил он, гася в пепельнице сигарету.

Спустя некоторое время раздался звонок в дверь, и Саша, взглянув на часы, висящие на кухонной стенке, удовлетворённо улыбнулся и, поднявшись, поспешил к входной двери.

– Нет, Маринка всё-таки молодец, – заметил он по дороге, – без пяти шесть...

После, подойдя к двери, щёлкнул замком.

– Заходи, – пригласил он стоящую на пороге девушку.

Марина, перешагнув через порог, поставила на пол сумку, которую до того держала в руках, и громко поздоровалась с друзьями.

– Ну, вы готовы? – весело поинтересовалась девушка.

– Почти, – отозвался Витька из кухни.

– Ты проходи, подождёшь пять минут, – пригласил Саша. – Да не разужайся, всё равно уезжаем.

Марина, следуя Сашиному приглашению, прошла на кухню, чуть задержавшись в дверях, из которых скептически осмотрела кухонный стол с тарелкой квашеной капусты и остатками водки в бутылке.

– Пьянствуете, Захаров? – поинтересовалась девушка, проходя к окну и поворачиваясь к нему спиной.

– Это, милая, не пьянство, а всего лишь курс лечения, – заметил Витька, разливая остатки водки. – Тебе налить?

– Нет, не нужно, – отказалась Марина. – Мы на вокзал-то поедем?

– На вокзал мы поедем, – ответил Саша в тон, поднимая рюмку. – Давай, Витя, вздрогнули.

Выпили, и Саша, сполоснув рюмки, поставил их обратно на полку, к остальной посуде. Затем убрал в холодильник недоеденную капусту, остатки хлеба – в хлебницу, покосился в очередной раз на стенку и подал, наконец, решительную команду:

– Всё, Витя, обуваемся!

Глава 9

Город просыпался. Транспорт уже ходил, но магазины были ещё закрыты, поэтому народу на улицах пока что было не особенно много. Утренний час пик тоже ещё не начался: в большинстве городских квартир в этот час только начинают звонить будильники, и их хозяева, часто плохо выспавшиеся и потому раздражённые, выйдут на городские улицы и запрудят их чуть позже.

...Саша любил свой город в этот утренний час. За что? Он и сам бы, наверное, не смог толком объяснить. Быть может, за то, что раннее городское утро подобно чистому листу на писательском столе, и каждый горожанин в этот час сродни садышающему за стол писателю. А может, за то, что все треволения и суета минувшего дня позади, а новые ещё не наступили. Как знать. В это утро Саша с друзьями сам шёл навстречу суете и треволениям, причём шёл добровольно и во многом по собственной инициативе.

...Перейдя по переходу на противоположную сторону проспекта, прорезанного вдоль трамвайной линией, друзья очутились на остановке пассажирского транспорта. Подошёл пока ещё полу-

пустой, сыплющий искрами троллейбус.

– Поехали? – предложил Витька.

– А ну его к чёрту, – махнул Саша рукой. – Того и гляди, током уьёт. Сейчас автобус подойдёт.

Действительно, не успел троллейбус, лягнув закрывающимися дверями, отойти от остановки, из боковой улицы показался идущий до вокзала автобус.

– Видишь, Марин, – заметил Саша, – выходит, ты зря пешком шла, вполне могли в автобусе встретиться.

– Могли, – согласилась Марина, – но тогда вам пришлось бы ждать именно этот номер. Кто бы первый ругаться начал?

– Ладно, поехали, – оборвал Витька начавшую было разворачиваться дискуссию, – фантазировать будете по дороге...

...По утреннему городу автобус шёл быстро, почти не задерживаясь на остановках, но переставшие уже мигать жёлтыми огоньками светофоры время от времени это движение сдерживали: на красный свет автобус замирал перед пустыми пешеходными переходами. Так что несколько остановок до вокзала действительно, как и предсказывал Саша, заняли минут двадцать.

Обогнув вокзальную площадь, автобус остановился, ребята вышли на тротуар и, оглядевшись по сторонам, направились к зданию вокзала.

Транссибирская магистраль – единственный железнодорожный путь, соединяющий Зауралье с европейской частью страны – была перегружена: на восток шли составы с сельскохозяйственной техникой, товарами народного потребления и горючим. Навстречу двигались цистерны с сырой нефтью, вагоны с углём и платформы с лесом.

Пассажирские поезда в этом встречном потоке как бы отходили на второй план, а потому часто часами простаивали у красного огня семафора, дожидаясь, пока проследует состав, необходимый для дальнейшего развития народного хозяйства. Ночью потерянное за день время навёрстывалось – пассажирские набирали скорость и шли напроход, позвякивая чайными ложечками в стаканах на вагонных столиках.

Поезд Владивосток – Москва тоже опаздывал, но опаздывал не намного, на 40 минут.

– Ладно, подождём, – согласился Саша таким тоном, что могло показаться, будто он, обладая большим выбором, делает железной дороге одолжение.

– Марин, ты карауль вещи, – велел Витька спутнице, помогая ей устроиться у колонны напротив табло, показывающего график движения поездов. – Мы с Сашкой пойдём пока на улицу покурим.

– Только, мальчики, недолго, – попросила девушка.

– Да нет, – пообещал Саша, опуская на пол свой рюкзак, – одна нога здесь, другая там. Пошли, – добавил он, обращаясь к однокурснику.

Выйдя из вокзальных дверей, друзья некоторое время стояли, глядя, как один за другим разворачиваются на площади пришедшие на конечную остановку автобусы. Затем, побросав сигареты, вернулись к Марине в зал ожидания.

Несколько минут спустя по радио сообщили о прибытии на четвёртый путь нужного поезда, и все трое, подхватив сумки, заторопились по направлению к подземному переходу.

Глава 10

Пройдя по бетонному тоннелю, проложенному под железнодорожными путями, друзья вышли на перрон. Владивостокский поезд только что подошёл, и проводники, суетясь у дверей вагонов, готовились начать высадку и посадку пассажиров.

Пройдя вдоль состава два или три вагона, Саша, наконец, не выдержал.

– Что, до Куйбышева пешком пойдём? – поинтересовался он у спутников. После сплюнул себе под ноги и направился к стоящему у ближайшего вагона парню-проводнику.

Не доходя до последнего несколько метров, Саша остановился, на всякий случай посмотрел по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, наклонил на бок голову, улыбнулся и поинтересовался у проводника приглушённым голосом:

– Пассажиров возьмёшь?

Проводник в свою очередь огляделся, после, оценивающе посмотрев на Сашу, поинтересовался:

– Сколько и куда?

– Трое, до Куйбышева, – встрял в разговор подошедший вслед за Сашей

Витька. – Пятьдесят рублей сразу, ещё полсотни – когда Волгу переедем...

Проводник секунду подумал:

– Садитесь.

Витька махнул Марине рукой, подзывая девушку, затем, подавая пример, первым шагнул к вагону...

...Пропустив первыми «зайцев», проводник ещё раз огляделся и поднялся следом.

– Посидите пока здесь, – то ли попросил, то ли скомандовал он, открывая ключом дверь служебного купе. – Отъедем от города, тогда с местами разберёмся...

Друзья послушно расселись на нижней полке, и дверь в купе захлопнулась.

Несколько минут спустя громкоговоритель за окном сообщил, что до отправления поезда Владивосток – Москва осталось две минуты и попросил провожающих выйти из вагонов на перрон.

– Ну, наконец-то, – вздохнула Марина. – Сейчас, кажется, поедем.

– А что, имелись какие-то сомнения? – поинтересовался, улыбаясь, Саша. – Поедем, милая, ещё как поедем!

Словно в подтверждение его слов тепловоз в голове состава тронулся с места, вагоны дёрнулись, и за окном медленно поплыли люди, остающиеся на перроне, здание вокзала и привокзальный скверик.

– Ну вот, поехали, – будто констатировал Витя Колесников. – Сейчас шеф-проводник появится...

Поезд набирал ход. Дверь купе открылась и снова закрылась. Проводник, остановившись на пороге, некоторое время молча рассматривал левых пассажиров, после сообщил, что третьё купе свободно, и опять замолчал...

– Ну, давай, Маринка, башляй, не томи человека, – пихнул Витька ногой спутницу.

Марина понимающе улыбнулась, расстегнула молнию на кармане сумки и, достав деньги, отсчитала проводнику пять обещанных червонцев. Проводник, засунув деньги в задний карман, улыбнулся, раскрыл дверь и чуть посторонился, выпуская ребят из купе.

Пройдя к своим местам, путешественники некоторое время занимались распределением полок (Вите с Мариной достались нижние, Саша забрался этажом выше) и рассовыванием сумок по

багажным отделениям. После друзья устроились у окна за вагонным столиком, на котором выросла горка продуктов, которыми молодые снабдили Марину в дорогу.

Поезд, не задерживаясь, проходил знакомые остановочные платформы электричек, как бы даже не обращал на них внимания... Так что друзья волея-неволей начали ощущать весь масштаб своей авантюры. Ну, а чем, если не авантюрой, можно было ещё назвать их предприятие – поездку в чужой город за тысячу километров, да ещё и без билетов на поезд дальнего следования?!

– Нет, пропадёте вы со мной, – сокрушённо вздохнул Саша некоторое время спустя. – Как пить дать пропадёте...

– Смотри, ты с нами не пропади, – медленно откликнулся Витька.

Словно иллюстрируя его реплику, в купе заглянул проводник, занятый проверкой билетов.

– Садитесь, – друг мой, – приветствовал его Витька.

– Так, с вами мы разобрались, – сообщил проводник, на минуту задержавшись в проходе. – До Волги... Приходите за постелями.

– Придём, – пообещал Саша. – Как тебя звать-то?

– Шура, – сообщил проводник, направляясь в соседнее купе.

– Так, ещё один... – констатировал Витька.

Глава 11

Через некоторое время, покончив с проверкой билетов, проводник Шура со своей напарницей занялись выдачей постелей, и Марина с Витей пристроились в хвост образовавшейся у купе проводников очереди. Саша сходил покурить в противоположный тамбур, вернувшись, снова устроился за столиком у окна и некоторое время лицезрел проплывающую за окном сибирскую природу. Потом, порывшись в лежащих на столике пакетах, нашел яблоко, поискал глазами, чем бы его обтереть, не найдя, потёр о рукав рубахи и надкусил.

– Держи, – протянул Саше стопку постельного белья вернувшийся в купе однокурсник.

– Смотри-ка, влажное ещё, – заметил тот, откладывая на столик надкушенное

яблоко и раскатывая на своей полке свёрнутый в трубку матрас.

– А, всегда так, – прокомментировал снизу Витька. – Когда у нас всё было так, как должно быть?

– Ну что вы, ребята, в самом деле?! – вмешалась Марина в разговор. – Не успеваешь бельё просохнуть: это же поток, конвейер...

Саша, знакомый с конвейером по заводу, подтверждающе кивнул; затем протянул руку к лежащему на столике яблоку, откусил солидную часть и, поскольку рот оказался занят, решил участие в разговоре временно прекратить...

...С яблоком и постелью покончено было почти одновременно и, чтобы не мешать друзьям, продолжающим застилать свои полки, Саша вышел из купе. Пройдя в конец вагона, юноша остановился возле титана, служащего для приготовления чая и пока не растопленного, потом перевёл взгляд в окно.

В это время дверь служебного купе сдвинулась в сторону, и на пороге показался Сашин тёзка, на ходу застёгивающий спортивную кофту.

– Стоишь? – задал он ни к чему не обязывающий вопрос, задвигая за собой дверь. – Из купе выгнали?

– Сам ушёл, – признался Саша. После пояснил: – Все постели стелют, суется. Слушай, Шура, далеко вагон-ресторан?

– Да нет, – мотнул головой проводник. – Четвёртый вагон от нас к голове поезда. – Пойти водки выпить?

– Там с тебя три шкуры сдерут, – проводник изучающе посмотрел на Сашу. – Покупай у меня.

– Сколько? – перевёл Саша разговор в деловое русло.

– Червонец, – назвал проводник цену, испрашиваемую за бутылку ночью городскими таксистами.

Купить ночью в городе водку у таксистов не составляло особого труда. Саше это приходилось проделывать не единожды: достаточно было дождаться на улице зеленого огонька таксомотора. Таксисты, уважая советские законы, при пассажирах водку не продавали. Впрочем, огульно обвинять в торговле спиртным всех водителей машин с шашечками на дверцах тоже нельзя. После окончания школы, когда Саше, собственно, и было дома позволено пить водку в открытую, его с

подгулявшими товарищами два или три раза очень далеко послали пожилые водители свободных машин... Но в одиночку Саша покупал левое спиртное впервые...

– Ладно, давай, – согласился Саша с предложением проводника, памятуя, что из двух зол выбирают меньшее. После засунул руку в задний карман брюк, вытащил десятку и молча протянул её работнику железнодорожного транспорта.

Последний принял протянутую купюру, с написанным на лице глубоким удовлетворением положил её в нагрудный карман, снова открыл дверь в купе и исчез в нём. Минуту спустя, появившись в вагонном коридоре, проводник, улыбаясь, протягивал Саше газетный свёрток.

– Держи.

– Держу, – Саша согласно наклонил голову, потом второй раз за последние сутки засунул бутылку за пазуху и застегнул пиджак. В заключение операции путешествующий студент вздохнул, вытащил из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет и направился было в сторону тамбура.

– В этом тамбуре нельзя курить, – остановил его участник только что совершившегося акта купли-продажи. И, как бы извиняясь за вынужденный запрет, пояснил: – Здесь пожароопасно...

Студент, вытаскивая сигарету из пачки, усмехнулся, после, взглянув в лицо проводника, с деланной вежливостью осведомился:

– И все-таки, Саша, можно я покурю?

– Нежелательно, – признался проводник.

– Саша! – настойчиво повторил новосибирский «подкидывш». – Можно, я покурю?!

В просьбе «подкидывша» звучало напоминание и о только что совершившейся сделке, и о том, как он, собственно, оказался в вагоне, и о длительности предстоящего пути, так что проводник, наконец, сдался. «Позорно сдался», – отметил про себя Захаров.

– Ладно, – качнул головой железнодорожник. – Через час разбудишь...

– Вот и разошлись пути-дороги вдруг, – пропел Саша, глядя на закрывшуюся за проводником дверь купе. Затем, пройдя в тамбур и наконец раскурив сигарету, юноша усмехнулся, додумывая мелькнувшую было мысль: «А сволочь всё-таки

ты, Шура. Потому и пойдёшь далеко, что сволочь. Даже из нарушения инструкции выгоду извлёк... Нет, Захаров, ты перед Шурой сопляк, зря Витька сравнивал...»

Глава 12

Проводниками двенадцатого вагона поезда Владивосток – Москва, который вёз наших друзей к новым европейским приключениям, были студенты третьего курса Московского политехнического института. По окончании третьего курса многие студенты вузов страны проводили летние каникулы в стройотрядах. Однако общесоюзное движение «Вузстрой» не вполне соответствовало своему названию, как, впрочем, и составные части «Вузстрой» – строительные отряды.

Бригадами, созданными из находящихся на каникулах студентов, затыкали дыры разваливающейся советской экономики, поэтому далеко не все школяры использовались собственно на строительстве. Хотя некоторая часть, конечно, использовалась. Например, на «стройке века» – Байкало-Амурской магистрали – или на сооружении коровников в колхозах-миллионерах, способных без труда рассчитаться за выполненные работы. Большинство же строительных отрядов являлись строительными только по названию: из студентов формировались бригады, занимающиеся разделкой рыбы на Дальнем Востоке, обслуживающие пассажиров поездов дальнего следования, благоустраивающие вузы... С одной из бригад «Вузстрой» и свела судьба наших героев. Проводник Шура со своей напарницей Наташей решили посвятить летние каникулы зарабатыванию денег. Саша с Витей, преодолевая сопротивление Марины, деньги как «элемент мещанства» тратили. Вернее, только начали тратить...

Войдя в купе, Саша окинул взглядом уже застеленные полки, потом присел на Витькину, покосился на горку пакетов с остатками свадебной снеди на столе и, подняв глаза на Марину, задал sacramентальный вопрос:

– Скажи мне, радость моя, а выпить тебе с собой в дорогу совсем ничего не дали?

– Да, скажи-скажи! – поддержал Витька, стоявший в проходе между полками

и при Сашиних словах опустившийся рядом с другом.

Ответ Марины был достоин ответа отважной подпольщицы, допрашиваемой врагами: «Знаю, но не скажу».

– Дали, – призналась девушка. – Бутылку водки.

И тут же, опережая радостно-возмущённые возгласы, добавила:

– Но дали для дела. Через неделю будет «Артековский день», тогда и разопьём...

Что такое «Артековский день», Саша выяснять не стал, как не стал выяснять и другой вопрос, а именно: хорошо ли бывшим пионервожатым в этот день в разных географических точках огромной страны пить водку. Сообщив, что поскольку для него с Виктором Сергеевичем предстоящее «артековское пьянство» – пир на празднике чужом, и настоящие фольклористы пьют не когда нужно, а когда можно, Саша вытащил из-за пазухи свёрток, развернул его и водрузил на стол приобретённую у тётки-проводника бутылку.

– У тебя стакан или какая-нибудь кружечка есть? – немедленно задал Витька деловой вопрос спутнице.

– Колесников, Захаров, – взмолилась девушка, – пусть хоть одна кружка водкой не воняет. Сейчас будут чаем поить...

– Вот это правильно, – Саша отставил бутылку к окну. – Подождём, пока стакан принесут...

...Ждать пришлось около часа. Пока Шура-проводник растопил титан напротив своего купе, пока вскипела залитая в титан вода, пока, наконец, начали разносить чай по вагонам, друзья успели перепробовать массу занятий, как то: нарезка пластиками хлеба и ветчины и эстетичное их расположение на разорванном целлофановом пакете, игра в карты на разделенные предварительно яблоки (причём Витька умудрился проиграть не только свои, но и два Марининых) и, наконец, попытка создания совместного литературного произведения. Попытка, прямо скажем, неловкая и ничего, кроме общего конфуза, не принеся, хотя Марина и пыталась уверять, что созданное друзьями восьмистишие отличается удивительно точными рифмами. Внимательно выслушав спутницу, Саша тяжело вздохнул, сказал, что читатель-

ской жалости им с коллегой не нужно, и скомкал исписанный тетрадный листок. В этот-то момент и появился в проходе между купе Сашин тёзка...

– Чай пить будете? – поинтересовался он, выглядывая откуда-то из-за верхней полки и окидывая оценивающим взглядом приготовленную на столе закуску.

– Будем, – почти одновременно отозвались друзья-студенты.

– Три стаканчика, – уточнила Марина, приветливо улыбнувшись.

У Шуры в наличии имелось только два, и пассажиры согласились, что третий стакан они получат чуть позже.

Шура поставил стаканы с чаем на столик, выложил положенный сахар и, пообещав чуть позже зайти ещё раз, вышел.

– Ну, давай свою кружку, потребовал Витька, протягивая руку к девушке. – Что-то пауза затянулась...

Перелив чай в предоставленную посуду, он некоторое время скептически рассматривал стакан на свет, затем, вытащив из-под подушки полотенце, протёр его, после чего, наконец, поставил на стол, посмотрел на Сашу и произнёс вопросительно-побудительное:

– Ну?!

Глава 13

Сцену последующего застолья и постепенного уничтожения приобретённого Сашей алкоголя автор пропустит. И пропустит потому, что просто устал от описания бесконечной пьянки. А уж если даже автор устал, читатель легко может представить, как устали его герои.

Собственно, и застолья-то никакого не было. Выпив за пару заходов граммов по 100 водки, друзья пришли к обоюдному решению, что настало время отдохнуть, после чего Саша взгромоздился на свою полку («ловко запрыгнул» в данном случае никак не скажешь), Витька же растянулся на своей.

Минуту спустя путешественники уже спали под мерный перестук колёс. Марина, решив, что ничего более умного ребята просто не могли придумать, навела порядок на столике, сдвинула в сторону недопитую бутылку и, порывшись в сумке, вытащила недочитанный сборник фантастики...

...Марина вела полубродячий об-

раз жизни давно, уже три года, с того момента, как увидела свою фамилию в списке абитуриентов, успешно сдавших экзамены, прошедших конкурс и зачисленных на первый курс филологического факультета пединститута. Впрочем, бродяжничество началось, пожалуй, даже несколько раньше, а именно в день заселения абитуриентки Марины Сергеевой в институтское общежитие. Чуть позже абитуриентка, став студенткой и изменив свой статус, перебралась на жительство в соседний корпус, два этажа которого занимали студенты её факультета.

Постоянное проживание в студенческом общежитии – с периодическим отсутствием денег, с совместной же подготовкой к экзаменам во время сессии – скоро приучили Марину к полупоходной общинной жизни, так что в фольклорных экспедициях с их армейской дисциплиной – подъём, отбой – и обязательным трёхразовым горячим питанием девушка просто отдыхала.

С Витькой, прошедшим тот же путь от абитуриента до студента филфака, Марина была знакома ещё до совместной поездки в экспедицию. Сашу, как горожанина, девушка знала плохо, хотя не знать вовсе из-за принадлежности его к противоположному, редкому в институте полу просто не могла. С Ольгой, учившейся на курс младше, Марина до фольклорной экспедиции встречалась в общежитии обычно на кухне. Причём Ольга, как правило, чистила картошку, а Марина щипала какую-нибудь курицу (сказывалось расстояние до дома). Позднее на деревенской завалинке Марина как-то призналась подруге, что при кухонных встречах у неё постоянно возникало ощущение, что видит она Ольгу в последний раз – такой у неё был взгляд...

...Через некоторое время девушка, почувствовав, что глаза в самом деле закрываются, отложила книжку на столик и, отвернув лицо к дощатой вагонной перегородке, задремала.

Из забытья её вывели возня спускающегося с верхней полки Саши и ворчание последнего по поводу задвинутых кем-то под стол тувель... Убедившись, что без помощи рук ему не обойтись, Саша заворчал громче, спустился, наконец, на пол, присел на Маринину полку и, продолжая ворчать, принялся обуваться.

В заключение обозначенной процедуры юноша для чего-то притопнул правой ногой, затем поднялся и, вытащив из кармана висящего на крючке пиджака пачку сигарет, вышел из купе.

– Марина, времени сейчас сколько? – поинтересовалась хрипловатым голосом соседняя полка.

Девушка, улыбнувшись, поднесла к глазам руку с часами.

– Четверть четвёртого, Витенька, – чуть нараспев сообщила она обладателю популярной в студенческой среде хрипотцы. – Выспался?

– Выспался, – сообщила полка уже нормальным Витькиным голосом.

– Сашка, Саш! – позвал он секунду спустя.

– Нету Сашки, – отозвалась Марина. – Курить пошёл.

– Пойти тоже отравиться? – Витька откинул простыню и сел на постели. – Пойду. Заодно умоюсь. Кстати, где моё полотенце?

– Под подушкой посмотри, – посоветовала девушка. – Ты им стакан вытирал...

Витька, чертыхнувшись, сунул руку под подушку, затем, порывшись в сумке, вытащил мыльницу и, отчего-то вздохнув, вышел в коридор.

У проводничьего купе Саши не было, и Витька, оценив взглядом очередь в туалет, подался в другой конец вагона.

Здесь народу не было вовсе, и Витька, беспрепятственно умывшись и приоткрыв дверь в тамбур, увидел, наконец, друга, который, сидя на корточках у стены с надписью «место для курения», вывондил на полу горелой спичкой какие-то кабалистические знаки.

– Проснулся? – поинтересовался он, не прекращая своего занятия. – Заходи, присаживайся.

Витька прикрыл за собой дверь, однако Сашиному предложению не последовал, а прислонился плечом к зарешеченному окошку и прикурил вытащенную из кармана сигарету.

– Что, с ума сходим? – поинтересовался он у товарища.

– Сходим... – подтвердил товарищ, не прекращая своего занятия.

– Ну, сходите, – согласился Витька. – А я вот покурю и пойду водку допивать: что-то состояние...

– Немного дикое, – подсказал Саша,

поднимаясь на ноги и растирая ногой выведенные на полу каракули.

– Я тут, Витька, вот о чём подумал, – принялся он объяснять смысл своего напольного творчества. – Очень интересная штука получается. Допустим, существуют два мира – реальный и ирреальный. Реальный – это я, ты, Маринка, поезд; ирреальный – лешие, русалки, домовые... Так вот, знаешь, чем мы, оказывается, занимаемся?

– Изучаем факты взаимопроникновения двух миров, – немедленно декларировал однокурник. Но давай так договоримся – все умные мысли после; сейчас – борьба с похмельным синдромом. Пошли водку допивать.

– Ладно, пошли, – согласился новоиспечённый теоретик. – Всё равно обедать пора.

Глава 14

В купе Марина, глядя в карманное зеркальце, расчёсывала спутавшиеся волосы. Повернув голову на Сашины шаги, она улыбнулась, затем спрятала расчёску с зеркальцем в карман сумки и, застёгивая молнию, посетовала:

– Не успела красоту навести...

– Ничего, Маринка, – утешил Витя, выглядывая из-за плеча друга, – мы тебя с Сашкой и так любим.

И тут же, опускаясь на свою полку, без перехода предложил:

– Ну что? Тихий час кончился, давайте пойдём?..

Витькино предложение Марину чрезвычайно развеселило.

– Витенька, – с трудом проговорила она, подавляя приступ смеха, – с твоей комплекцией и такой аппетит... Куда только что девается?

Витька сделал загадочное лицо, посмотрел девушке в глаза, после таинственно зашептал:

– Тебе одной, как другу...

Секунду помолчав, решительно махнул рукой и, наконец, открылся:

– Всё идёт в голову!

Саша от неожиданности поперхнулся корочкой хлеба, которую до того между делом отправил себе в рот, закашлялся и спустя некоторое время выдал из себя:

– Никогда бы не подумал...

– Да, представьте себе, – Колесников,

похоже, не собирался отказываться от предложенной версии, – в голову... Так давайте поедим, – добавил он, возвращаясь к исходной теме.

– Всё, убил, – призналась Марина. – Пообедаем? – повернулась она к Саше.

– А куда деваться? – пожал юноша плечами. – Колесников, вон, похоже, уже на грани сумасшествия...

– Но-но-но! – подал Витька голос от окна. – Попрошу не утрировать!..

– Ладно, не буду, – махнул Саша рукой. – Давай стели газеты, будем на стол собирать.

– Вот, давно бы так, – удовлетворённо проворчал Витька, заставляя стол разорванной «Литературкой».

– А куда у тебя водка идёт, ты мне потом расскажешь, – угрожающе прошептал он другу, расправляя газетную страницу, – штрейкбрехер.

– Марина, хлеба порезать?

– Да там, Витенька, всё уже порезано, – откликнулась девушка.

– Всё, пустите, – распорядилась она, отстраняя в сторону парней. – На стол я сама накрою.

– Ладно, мы пока с Сашкой в вагон-ресторан сходим, – согласился Витя. – Хоть минералки купим, не в сухоматку же. Чаю, похоже, не дождёшься.

– Чай вы с Саней проспали, – сообщила Марина. – Заходил Шура, посмотрел на вас на спящих, съел огурец из нашей банки, после согласился, что будить вас не стоит, и даже назвал товарищами.

– Вот козёл! – заметил Саша. – Вечером я пойду просить у него второе одеяло, пойдём со мной. Возьмёшь книжку, будешь меня конспектировать – я скажу речь...

– Ладно, идите за минералкой, – махнула рукой Марина, – сами есть просили.

– Слушай, Вить, а может не пойдём? – неожиданно предложил Саша. – Что-то состояние не того, а тут ещё по вагонам прыгать.

– Смотри, как скажешь, – пожал плечами однокурсник. – Можно, конечно, и у Шуры кипятка попросить.

– Нет, – заупрямился Захаров, – лучше пойдём за минералкой, не царское это дело – кипяток у проводников просить... Знаешь что, – Сашу внезапно осенило, – давай примем на дорожку граммов по 50.

– Во-о-от, – одобрительно протянул

Витька. Затем взял в руку бутылку и распорядился: – Давай посуду...

– Мальчики, – попыталась было возразить Марина.

– Нам что? Помереть? – возмутился Саша. – Голова лопается.

– Лопается, – как эхо откликнулся Витька.

– Алкоголики, – девушка обречённо махнула рукой, – пейте и убирайтесь, я хоть на стол спокойно соберу.

– Будет сделано, – заверил Саша, беря в руки стакан. Подсел, поморщившись выпил и, отправив в рот кусок сыра, подождал, пока то же самое проделает Колесников.

– Ну всё, пошли. Тут идти-то – три вагона, дольше собираемся.

– Пошли, – пожал плечами однокурсник.

...Автору никогда не было понятно пристрастие части его знакомых к посещению кафе, баров, ресторанов и других зланных мест. Может быть, потому что после визита в подобное заведение у автора, как правило, долго не было денег на следующее «культурное мероприятие», а может, раздражал меркантилизм, к которому обязывает поход в ресторан, наглое хапужничество официантов и развязность соседей по столику.

Обстановка в вагоне-ресторане поезда более упрощена, но с тем же общим для всех кабаков духом общепита. Поэтому он, автор, даст возможность своим героям приобрести в буфете пару бутылок газировки и отправит их обратно. Тем более что за время их отсутствия и Марина уже успела на стол собрать, и Шура-проводник, проходя мимо, в купе заглядывал...

Глава 15

– Ладно, наводим резкость, и – в завязку, – сообщил Саша, выставляя на столик купленные бутылки «Буратино».

– Прошу, – приглашающе указал он Колесникову на сервированный Мариной вагонный столик.

Отец Витьки работал в райцентре директором мясокомбината, так что удивить того различными мясными деликатесами было трудно. Однако с тем, что поесть на свадьбе у Мариной подруги можно было неплохо, Сашин однокурсник был

согласен. Ну, а так как взятые Мариной в дорогу продукты Саша называл не иначе как свадебным рецидивом, поздний обед или ранний ужин в вагоне поезда Владивосток – Москва получился вполне приличным, хотя и не содержащим ненужных излишеств.

– Всё, давай по последней, – предложил Саша, прикидывая на глаз количество оставшейся в бутылке водки и подвигая к себе чайно-водочную тару. Выпьешь немного? – предложил он Марине. – Водки больше нет, и на водку у меня нет...

– Ну, плесни чуть-чуть, – согласилась девушка.

Саша, выполняя Маринину просьбу, наклонил бутылку над стаканом, затем поставил его перед спутницей.

– Ладно, водку выпьем – пойдём покурим, – сообщил он Витьке. – Состояние блаженное – самое время подумать о судьбах мира и человечества... Возьмёшь тетрадь, будешь конспектировать.

– Трагедия человечества в том, что ушло детство, и к нему уже нельзя вернуться, – задумчиво сообщила Марина.

– Слушай, Сенек, – усмехнулся Витька, – ты стакан не держи... Да, водка. Её не нюхать, а пить нужно, – добавил он, поясняя: – Чтобы было тепло в животе и легко в голове.

Наконец, с выпивкой было покончено, остатки продуктов собраны и уложены в Маринину сумку, а по вагону начали медленно растекаться вечерние сумерки.

– Пора бы уже и свет включать, – заметил Саша.

– Да ты знаешь, я уже намечал, – откликнулся Витька.

– Кстати, – неожиданно вспомнил он, – ты одеяло пойдёшь просить?

Саша в ответ отрицательно покачал головой, затем, махнув рукой, полез на свою полку.

– Ну их к чёрту, – раздался сверху его голос. – Во-первых, и так жарко, во-вторых, настроения нет. Завтра видно будет.

– Ну, завтра – так завтра, – согласился Колесников. – Вот, давно пора, – заметил он по поводу загоревшихся на потолке ламп. – Сашка, слазь в карты играть...

– С тобой? – насмешливо поинтересовался Саша, свешивая голову. – Реваншист...

– Сам ты жулик, – огрызнулся Витка. – Слазь. Всё равно спать рано.

– Ладно, чёрт с тобой, – согласился Саша. Только играть будем втроём, – предупредил он, спускаясь с полки, – пусть Маринка тоже делом занимается. А то, понимаешь, хотят некоторые свою образованность показать. Ну-ка, убирай книжку!

– Подожди, дай хоть страницу запомнить! – Марина судорожно вцепилась в раскрытую на столе книгу.

– Ничего, по содержанию найдёшь, – заверил Саша, захлопывая томик Ремарка и отодвигая его на противоположную сторону стола. – Держи, Витька, писать на ней будешь. Если правда, что зайца можно научить спички зажигать, то Маринку в преферанс – сам Бог велел...

– Вот эти две полки занимайте, а утром разберёмся...

Услышав сквозь сон голос Шуры-проводника, Витя, приподняв голову над подушкой, увидел двух новых пассажиров, которых проводник устраивал на боковые места в купе.

– А эта полка тоже свободна? – поинтересовался один из пассажиров, останавливаясь напротив. – Тогда я лучше здесь лягу.

– Как хотите, – махнул проводник рукой. – Постели брать будете? Тогда пойдёте.

Купе опустело.

– Что, попутчики появились? – поинтересовался сверху Саша. – Куда приехали-то?

– А чёрт его знает, – признался Витька, отодвигая занавеску на окне. – Крупная какая-то станция, минут десять уже стоим.

– Ладно, стоим и стоим, я спать буду, – проворчал Саша, отворачиваясь к стене. – Утром посмотрим, на ком это Шура опять деньги зарабатывает.

Витя ещё секунду полежал с открытыми глазами, размышляя, не сходить ли в тамбур покурить, затем, следуя Шашиному примеру, отвернулся к стене и закрыл глаза.

Через пару минут состав дёрнулся, послышалось хлопанье закрываемых проводником дверей, и поезд, постепенно набирая ход, покатился дальше на запад, унося в одном из своих купе студентов

Витю, Марину и Сашу, бича Ваньку, бывшего зэка Вовку.

Глава 16

Открыв утром глаза, Саша увидел на соседней полке спящего мужчину лет сорока пяти. Мужчина лежал лицом к проходу, до подбородка укрывшись полученным ночью у проводника тонким «солдатским» одеялом. Лицо соседа было изборождено глубокими морщинами, тонкие губы во сне насмешливо поджаты. Почувствовав Сашин взгляд, мужчина заворочался и отвернулся к вагонной перегородке...

Второй ночной пассажир расположился на нижней боковой полке. Приподнявшись на локте, Саша некоторое время изучал внешность невесть откуда взявшегося попутчика. Внешность, надо заметить, вполне заурядную и абсолютно ничем не примечательную. Наконец, юноша в результате своих визуальных наблюдений пришёл к выводу, что второй подобранный ночью проводниками «заяц» лет на двенадцать моложе первого, однако род его занятий на глаз определить не представляется возможным. В это время сосед по полке вместо приветствия негромко кашлянул, Саша, повернув голову, встретился с умным, пронзительным взглядом серых глаз и понял, что его тоже уже изучили и предлагают познакомиться.

– Доброе утро, – приветствовал юноша соседа, не придумав ничего более умного. Затем, спустившись вниз, протянул руку к откидной полочке, на которой были сложены туалетные принадлежности и, собрав их, вышел из купе.

Через полчаса, отстояв утреннюю очередь в туалет и расплескав под умывальником остатки сна, посвежевший Саша вернулся к своим спутникам.

За время его отсутствия обстановка в купе разительно переменилась. Витька, Марина и второй новенький больше не спали, а, сидя на своих полках, вели предварительную прощупывающе-ознакомительную беседу. Причём Марина полулежала, откинувшись на подложенную под спину подушку, Витька сидел, опустив ноги на пол, Сашин же ночной сосед устроился на полке возле и, начиная говорить, перемезжал каждое слово своей

речи характерным движением пальцев.

– О, вот и Саша вернулся! – воскликнула девушка. – Сейчас я вас познакомлю.

Новые обитатели купе обошлись, впрочем, без Мариной помощи, а самостоятельно рекомендовались Владимиром и Иваном. Причём очень скоро Саша понял, что объединяют их не общие интересы, а общее негативно-авантюристическое отношение к окружающей действительности: первый оказался бывшим заключённым исправительно-трудовой колонии усиленного режима, второй – человеком, не обременяющим себя постоянно пропиской и многолетним трудом на одном предприятии...

Как ни странно, оба попутчика имели родной дом. Иван – под Житомиром, со старушкой-матерью на скамеечке у ворот, Владимир – в райцентре под Краснодаром, без матери на скамеечке, но зато с сожительницей, которой, кстати, дом и принадлежал. По домам, не утруждая себя покупкой билетов, оба и ехали.

«Ну, Шура! Ну, бизнесмен! – усмехался Саша, идя по вагону впереди «заячьей кавалькады», отправившейся покурить в пожароопасный тамбур. – Какую компанию собрал! Не захочешь – водки выпьешь! Шура сам и принесёт – только деньги плати. Но... облом, тёзка, облом, уж ты извини...»

Добравшись до тамбура, безбилетники расселись на корточках вдоль стен, словно обитатели мест не столь отдаленных вокруг горящего костра, и, раскурив сигареты, возобновили давешнюю светскую беседу.

Как это обычно бывает, разговор прежде всего коснулся отсутствующего члена коллектива.

– Слушай, Саш, – поинтересовался Иван, – ты на подруге как, жениться собираешься?

Саша отметил про себя психологическую прозорливость собеседника и, стряхивая пепел, убеждённо и авторитетно (что немедленно заставило Витьку закашляться до слёз) сообщил:

– У нас ещё, может, дитё будет...

– Будет или намечается? – немедленно конкретизировал Иван (Ванька-бич, как его назвал про себя Саша).

– Намечается, – сообщил студент, решив особенно не перебирать. – Ну что

ты, в самом деле? – повернулся он к однокурснику. – Не в то горло, что ли?

– Ну-ка дай я по спине похлопаю, – предложил молчавший до сих пор Володя (Вовка-зэк, по Сашину определению).

Наконец, общими усилиями Витьку привели в чувство. От приступа кашля он весь сделался красным, однако сигарету не бросил.

– Эк тебя, – заметил Саша, – даже кровь к лицу прилила. Ну ничего, пройдёт, зыбанешь пару раз и опять пожелтеешь.

Витька, покосившись на друга, промолчал. После затянулся, выпустил дым и ехидно предупредил:

– Маринка родит – на крестины позовёшь?

– Нет проблем, – согласился Саша.

– Слушай, Вить, – неожиданно предложил Вовка-зэк, – давай полками поменяемся...

Предложение прозвучало спокойно и не унижающе хозяина привилегированного в купе места, однако возможности от него отказаться не оставляло. В действие вступал неписанный закон зоны, закон силы. И, согласно этому закону, Вовке и Ваньке принадлежали в купе нижние полки, Вите и Саше – верхние. Марина как женщина тоже оставалась внизу, что вполне соответствовало романтично-уголовному восприятию мира и что, впрочем, не помешало бы её переселению наверх, имейся в наличии третий кандидат на нижнее место. Кстати, Витька, впоследствии как-то разоткровенничавшись, признался Саше, что Вовку-зэка он просто боялся и что по сию пору убеждён в том, что правильно делал. В ответ Саша только молча пожал плечами: его-то полками меняться не просили...

Глава 17

Теперь купе, занятое безбилетниками, выглядело следующим образом. На бывшей Витькиной полке, сложив ноги по-турецки, восседал, словно пахан в тюремной камере, Вовка-зэк. Склонив на плечо голову, он молча созерцал проплывающие за окном поля, которые отделяли от железной дороги насаженные вдоль полотна берёзовые колки. Саша с Иваном расположились на своих местах.

Саша – с книжкой, Иван – с купленной в день перед отъездом газетой, в предпосадочной суете не прочитанной. Витька, воспользовавшись отсутствием ушедшей умыть Марины, растянулся на её постели, заложив руки за голову и упершись ногами в железную перекладину, на которой держалась откинута верхняя полка.

Соседи по купе молчали, и Витька, как и все лёжа в безмолвии, прислушивался к разговору расположившихся по соседству старухи и молодой женщины, которая подробно излагала попутчице историю семейного конфликта своей соседки.

– Вот с Вадимом-то она и сошлась, – донеслась из соседнего купе кульминационная фраза рассказа.

Старуха в ответ неодобрительно вздохнула, помолчала некоторое время, после, применив к себе описанную ситуацию, категорично высказала своё отношение к только что услышанной истории:

– Я бы такому мужу не изменяла...

– Везде разговоры о проституции, – вздохнул Витька, протягивая вытасченную из-под головы руку за лежащим на столе помидором.

– Такова жизнь, философ, – засмеялся Саша, откладывая в сторону книгу и садясь на своей полке, свесив вниз ноги.

– Готовься, сейчас тебя на своё место выгонят, – добавил он, видя возвращающуюся Марину.

– Да ты что это, как дома, устроился?! – воскликнула, входя в купе, девушка. – Пришёл в гости, так хотя бы хозяйке место оставь. А то куда ни помотришь – сплошной Колесников.

Марина расстегнула замок на кармане стоящей на полке сумки.

– Сашка, убери ноги, – попросил Витя однокурсника. – Я хочу ей в глаза смотреть...

– Весёлые вы ребята, – отложил газету Иван. – Вот слушаю вас – всё шутите и шутите...

– Весёлые, – согласился Витька. – А вообще, Вань, мы с Сашей два очень скромных мальчика.

– Концептуальных, – вернула Марина иностранное слово.

– Правильно, – согласился Витька. – Концептуальных. Знаешь, Вань, что это такое?

И тут же, без перехода, слыша шум

в тамбуре по поводу влажных постелей, поинтересовался:

– Что, Саше-проводнику пистон вставляют? Правильно, нечего мокрые простыни подсовывать...

Однако дело, видимо, простынями не ограничивалось. Минуту спустя в купе заглянул плотный мужчина в железнодорожной форме с петлицами, оставшимися с довоенных времён, на кителе.

– Ребята, вы проводники? – поинтересовался железнодорожник, обращаясь к стоящей ближе к выходу Марине. Ревизора, а это был он, видимо, информировали о том, что вагон обслуживается бригадой «Вузстрой», состоящей из парня и девушки.

– Нет, – отверг Витька свою причастность к железнодорожному транспорту, – мы студенты.

– А-а-а, – понимающе протянуло инспектирующее лицо и продолжило своё дальнейшее движение по вагону, неуклонно приближаясь к эпицентру разгорающегося скандала.

Через некоторое время лицо к эпицентру приблизилось, и шум в тамбуре стих, Витька же, доев помидор, убрал ноги с перекладины, давая Марине возможность присесть, потянулся и, снова заложив руки за голову, горько посетовал:

– Ребята, помирать пора – молодость кончается!

Стройный ход Витькиных мыслей нарушил возникший откуда-то Шура-проводник. Пробегая по вагону, он на какой-то миг остановился возле купе, ни с того ни с сего воскликнул, что дело не в молодости, а в том, что нужно иметь совесть, и побежал дальше.

Шурино восклицание до такой степени Витьку ошеломило, что он, спустив ноги на пол, сел. Даже Вовка-зэк не смог проигнорировать странное поведение проводника.

– Ой, мама моя! Ну почему так строго?! – воскликнул он с горестным удивлением, отворачивая лицо от окна и обращаясь к тому месту, где только что находился проводник.

– Заболел, наверное, – прозвучала сверху Сашина версия происшедшего. – Или ревизора испугался: такие, как он, о совести только со страха вспоминают.

Вовке-зэку прозвучавшее предположение, судя по всему, понравилось.

– Саня, – предложил он, поднимая голову и подмигивая обитателю верхней полки, – давай организуем банду...

«Ни фиги себе», – подумал Саша, секунду помолчал и отказался от лестного Вовкиного предложения, сохраняя максимум собственного достоинства.

– Нет, не могу, – заявил он, придав лицу выражение деланной досады. После пояснил: – Я в Куйбышеве выхожу.

– Да нет, – засмеялся бывший уголовник. – Какой из тебя бандит? Давай организуем музыкальную банду!

Саша, не имеющий от рождения ни слуха, ни голоса, сделал вид, что обдумывает поступившее снизу предложение. Выручила Марина.

– А вы в кино часто ходите? – поинтересовалась с улыбкой девушка у Сашинного собеседника. Потом, представив на секунду Сашу «музыкальным бандитом», засмеялась.

– Да нет, – махнул рукой Вовка-зэк, принимая Маринино веселье на свой счёт, но не обижаясь. – Какое в тайге кино?

– А как к грузинским фильмам? – задала девушка следующий вопрос, и Саша понял, что Маринка начала «работать», поскольку демонстрация и обсуждение со старухами фильмов Чхеидзе и Оселиани входило в задачи их фольклорной экспедиции.

Однако Вовка-зэк, судя по всему, оказался от киноискусства действительно далёким человеком.

– Дурость, – вынес он безапелляционный приговор «Грузии-фильму». – Терпеть не могу. Да даже Муслима взять, – ни с того ни с сего в Вовкиной голове всплыл портрет Магомаева, не имеющего к грузинскому кино ровным счётом никакого отношения, – я его стойку козлячью не переносу...

«Все, пора кончать, – подумал Саша, – договорились...»

– Мужики, пошли курить, – предложил он в следующую секунду, прыгивая с полки на пол.

– Если про кого кино показывать, так это про Шуру-проводника, – наставительно говорил он Марине, принимаясь формировать очередную «заячью кавалькаду».

Глава 18

Поезд Владивосток – Москва, как и большинство пассажирских поездов, опоздал, и чистые домики пригорода Куйбышева замелькали за вагонным окном только к вечеру. В купе заглянул Шура-проводник.

– Через сорок минут будем в Куйбышеве, – сообщил он, – так что, друзья-товарищи, собирайтесь, сдавайте постели и... помните, как договаривались...

– Марин, отдай деньги, – распорядился Витька, начиная стягивать со своего матраса простыню. – Заработал человек – ну и нечего резину тянуть...

– Какой ты строгий, Витенька, – засмеялась бывшая Витькина начальница, подвигая к себе набитую вещами сумку. – Ты собирай, собирай постель, деньги мы и без тебя сосчитаем.

– Правильно, Шура? – повернула она голову к стоящему в ожидании проводнику.

– Да это, как говорится, третий лишний, – осклабился Шура, принимая из Марининых рук стопку червонцев.

– Ну, всё? – поинтересовалась девушка, пряча остальные деньги обратно в сумку и застёгивая молнию.

– Всё, – пожал плечами Шура. – Приносите постели.

Проводник двинулся по направлению к собственному купе. Через минуту Марина понесла следом собранные постельные комплекты, оставив друзей сидящими на своей нижней полке со свёрнутым в трубку и сдвинутым в сторону матрасом.

– Ну что, хлопцы, прощаться будем? – предложил Вовка-зэк, сидящий на своей полке в обычной позе, в которой, видимо, сидел не один год, отдыхая после работы на таёжном лесоповале...

– Давайте попрощаемся, – кивнул Саша, поднимаясь на ноги и протягивая бывшему зэку ладонь. – Всё-таки целые сутки вместе прожили.

Обменявшись рукопожатием с соседом по купе, юноша шагнул к другому спутнику, сидящему на своей нижней боковой полке, как на выселках.

– Ну, Вань, удачи, – произнёс он, пожимая протянутую руку попутчика.

– Спасибо, Сашка, – растроганно улыбнулся бывший интеллигентный человек. – С попутчиками вот уже повезло.

– Пойдёмте покурим напоследок, – предложил Колесников, – всё быстрее приедем...

– Пошли, – согласился Вовка, спуская ноги с полки.

– Мы покурить, девочка, объяснил он возвратившейся в купе Марине. – Время до Куйбышева ещё есть, что зря сидеть?

...Через несколько минут после того, как последняя «заячья кавалькада» вернулась из тамбура, за вагонным окном начали мелькать жилые кварталы города.

Пока шёл традиционный (и бесполезный) обмен адресами, поезд принялся тормозить, собравшиеся в проходе между купе пассажиры зашевелились, и друзья, подхватив свои вещи, пристроились в хвост очереди прибывающих к месту назначения. Через минуту три студента Новосибирского государственного педагогического института стояли на перроне вокзала города Куйбышева.

– Ну и куда? – поинтересовался Саша, оглядываясь по сторонам и доставая из кармана блокнот с Ольгиным адресом. – Где эта улица Королёва, где этот дом номер двадцать?

– Пошли в вокзал, – кивнула Марина в сторону возвышающегося за железнодорожными путями здания вокзала, – может, карту города в киоске купим.

– Интересная мысль, – согласился Саша. – Пойдём, Витька.

– Пойдём, пожал плечами Колесников, – вот переход.

Путешественники гурьбой двинулись по перрону в сторону подземного перехода.

Глава 19

Пройдя по проложенному под железнодорожными путями тоннелю, студенты очутились перед дверями железнодорожного вокзала. Двери, выпуская на перрон мужчину с чемоданами, приоткрылись, и, не давая им опять захлопнуться, Витька поставил ногу. После толкнул двери плечом и первым шагнул в зал ожидания.

Через минуту ребята, освоившись в вокзальном гаме и суете, занялись поисками торгующего печатными сувенирами киоска. Нужная торговая точка обнаружилась на втором этаже, куда путешественники поднялись по широкой

лестнице с выщербленными ступенями. Отстояв небольшую очередь, Марина через некоторое время держала в руках красочную брошюру «Весь Куйбышев», путеводитель по городу со свёрнутым в несколько раз подробным планом городских улиц. Спустившись обратно в зал ожидания и устроившись в свободных пластиковых креслах, туристы занялись изучением Маринино приобретения.

Вскоре было установлено, что огород Куйбышев (до 1935 года Самара) основан в 1586 году как деревянная сторожевая крепость Русского государства, что до Великой Октябрьской социалистической революции в городе проводились три ежегодные ярмарки, действовали 22 каменных церкви в два монастыря – мужской и женский, что город вытянулся по левому, возвышенному берегу Волги почти на 40 километров, но до Ольгиного дома, предположительно, нужно проехать только несколько трамвайных остановок.

– Ну что, пошли трамвай искать? – предложила Марина, складывая план города по сгибам и засовывая его в сумку вместе с путеводителем.

– Пошли искать, – эхом отозвался Саша. – Город какой-то... как кишка, – проворчал он, проталкиваясь следом за товарищами через толпу людей, собравшихся напротив вывешенного на стене расписания движения поездов.

В словах юноши содержалась доля истины. Куйбышев по своей планировке действительно мало походил на родной Сашин город. Впрочем, каким должно быть городу – вытянутой кишкой, подобно Самаре, или рассыпанным на блюде горохом, подобно Новосибирску, отдельные районы которого соединяются автомагистралями, проходящими через бескрайние поля выращиваемой на силос кукурузы – оставалось большим вопросом. Тут, видимо, дело привычки и вкуса. Впрочем, своя рубашка ближе к телу, а Родину и время на ней жить не выбирают...

...Как и следовало ожидать, трамвайная остановка находилась от вокзала в нескольких шагах.

В таком месте города, как вокзал, остановки общественного транспорта никогда не бывают пусты, поэтому подошедший через несколько минут вагон почти сразу заполнился пассажирами. Ребята в него тоже втиснулись, но сесть

на одиночное сиденье удалось только Марине, и то благодаря тому, что Саша в последний момент оттер какого-то мужчину с портфелем.

– Садись, Маринка, – шепнул он стоявшей чуть впереди девушке.

– Да я постою, Саш, – попыталась было та возразить.

– Садись, а то я сам сяду, – предупредил Захаров, и Марине не оставалось ничего другого, как внять его требованию.

Девушка опустила на сиденье, входная дверь задвинулась, и трамвай, предупреждающе звякнув, тронулся с места. Ну, переполненные трамваи похожи во всех городах...

Через пару остановок Витька принял ся выяснять у соседей, когда им с друзьями лучше сойти, чтобы попасть на нужную улицу. Оказалось, что сходить нужно через остановку, и юноша, призывно мотнув головой, принялся проталкиваться к двери. Саша, подхватив с пола Маринину сумку, устремился следом. Сама же девушка, вынужденная выбирать ся со своего сиденья, немного приотстала, но вскоре догнала своих спутников. В этот момент трамвай остановился, и минуту спустя все трое оказались на улице.

– Так, давайте Ольгину улицу искать, – предложила Марина. – Только, ребята, лучше побыстрее – вон, темнеет на улице.

– Давайте искать, – пожал Витька плечами.

– Пошли на тротуар, – добавил он, видя, как останавливается у светофора поток машин, – потом не перейдём.

Оказавшись на тротуаре, ребята занялись поисками Ольгиного дома, а именно – опросом прохожих и чтением табличек на стенах домов. Так что через какое-то время, ещё до того, как спускающиеся на город сумерки превратились в ночь, они уже стояли у подъезда одной из девятиэтажек.

Глава 20

– Кто там? – послышался из-за обитой дерматином входной двери женский голос.

– Простите, Оля дома? – поинтересовалась через дверь Марина, делая ребятам знак рукой, чтобы они пока помолчали.

В ответ лязгнул замок, и появившаяся

в дверном проёме женщина улыбнулась и крикнула в глубь квартиры:

– Оля, к тебе гости!

– Заходите, – пригласила она ребят, шире приоткрыв дверь.

В этот момент за спиной женщины появилась выглянувшая из комнаты Ольга.

– Ребята... – ошеломлённо проговорила девушка, останавливаясь в проёме дверей.

– Добрый вечер, Оленька, – поздоровался за всех Саша, перешагивая порог квартиры. – Ничего, что мы припозднились?

– Да где же припозднились? – возразил Витька, входя следом в коридор и опуская на пол большую спортивную сумку. – Стемнело только-только...

– Мама, знакомься, пожалуйста, – оправилась наконец от первого шока девушка. – Это мои институтские товарищи – Витя, Саша и Марина.

– Очень приятно, – улыбнулась женщина. – Ты, Оленька, принимай гостей, проводи в комнату, а я пойду отца с Тимуром предупрежу. У мужчин сердце слабое, – добавила она, выходя из коридора, и засмеялась.

...Однажды, когда Ольгина мама поняла, что её дочь стала взрослой, она взяла себе за правило ничему не удивляться. Поэтому и работу дочери художником в Энергонадзоре (работа заключалась в лазании по столбам высоковольтной линии и развешивании табличек с изображением костей и черепа, выполненных при помощи трафарета), и поступление её в сибирский вуз (с последующим переездом на жительство в новосибирское студенческое общежитие), и сегодняшнее появление товарищей-студентов из этого вуза, заявившихся в гости к дочери через всю страну, невозмутимости женщины поколебать не могли.

– Ну, вы даёте, – Ольга, стоя в дверном проёме, прислонилась плечом к косяку и с улыбкой смотрела, как ребята разубаваются, а Марина сбрасывает с плеч плащ. – Ну ладно, у Колесникова с Захаровым ещё в деревне угадывались большие способности по части авантюризма, но от тебя, Марин, я не ожидала...

– Чего ты не ожидала? – поднял Витька глаза от затянувшегося в узел шнурка на туфле. – Ну-ка отвечай немедленно: рада ты нам или не рада? Если рада, мы

остаёмся, нет – уходим (Витька сделал вид, что собирается шагнуть обратно к двери).

– Да рада, Витенька, рада! – засмеялась хозяйка. – Куда ты собрался-то? – продолжала она весело, подходя к двери и поворачивая щеколду замка. – Ночь на дворе.

Наконец, с раздеванием было покончено, и Ольга привела гостей в большую комнату, в которой сидели уже подготовленные к предстоящей встрече остальные члены семьи.

Надо заметить, что к остальным членам семьи отнесились отец, мастер цеха одного из куйбышевских предприятий, и брат, школьник, перешедший в выпускной, десятый класс, и в подготовке к приёму неожиданных гостей они нуждались очень мало. Отец на заводе постоянно работал с людьми и ценил в них прежде всего самостоятельность, так что гости дочери ему заранее импонировали. У брата же, как и у всякого молодого человека, любой авантюристический поступок вызывал зависть и симпатию к тем, кто его совершал. Ну а чем был приезд к сестре через всю страну институтских товарищей, если не авантурой (как, впрочем, в своё время и поступление сестры на учёбу в новосибирский вуз)?

– Папа, Тимур, знакомьтесь, – начала Ольга процесс представления гостей. – Это Марина, Саша и Витя.

– Ребята, это...

– Всё, Оля, всё, – остановил Ольгу отец, – дальше мы сами.

– Ну что, ребята, – улыбнулся он гостям. – Меня зовут дядя Денис. О вас Ольга что-то уже рассказывала, что-то, если захотите, сами расскажете.

– Сейчас так: устраивайтесь, где удобней, – хозяин приглашающе указал на стоящие вокруг чёрного полированного стола мягкие стулья и застеленный полосатым пледом низкий диванчик, – а женщины пока на кухне ужин соберут. Тимур, тебе придётся в дежурный за хлебом сбегать...

– Да у нас есть ещё полбулки, – возразила Марина.

– Вот это вы молодцы! – засмеялся дядя Денис. – Из Новосибирска в Куйбышев в гости, но со своими продуктами! Ладно, Тимка, отбой.

– Света, – сказал хозяин супруге, – со-

берите там чего-нибудь поесть, ребята, наверное, голодные.

– Голодные? – заговорщически поинтересовался он у парней.

– Да нет, – пожал плечами Витька, – В поезде ели...

– Э, в поезде, – дядя Денис махнул рукой, – скажешь тоже. Когда это было?

– Да мы правда не голодные, – поддержал Саша. – Разве что так, из приличия...

– Вот из приличия и поужинаете, – засмеялся мужчина. – Нет, всё-таки вы настоящие студенты.

Глава 21

Некоторое время спустя в комнату заглянула тётя Света.

– Пойдёмте, перекусите немного с дороги, – пригласила она ребят. – Оля, проводи гостей на кухню и покомандуй там, мы вам мешать не будем.

– Проходите-проходите, – ободрила она замешкавшегося на пороге комнаты Виктора.

– Да что-то вы какие-то скованные, – заметила Ольга, приняв на себя руководство ужином и проводя друзей к кухонному столику с расставленными на нём тарелками. – Расслабьтесь.

– Не боишься? Сейчас расслабимся, – заверил Саша, для убедительности подкрепляя собственное уверение перенятой в поезде у Вовки-зэка жестикуляцией пальцами.

Затем, подавая пример, он отодвинул придвинутый к столу стульчик без спинки, сел на него и оглянулся, чтобы посмотреть на замешкавшегося Витьку. Однако вместо лица друга упёрся взглядом в стенку за его плечом, сказал: – Так... предупреждать надо, – и выразительно посмотрел на хозяйку.

Постепенно до Ольги, ответившей было на Сашину реплику недоумевающим взглядом, дошёл смысл странного поведения гостя.

– Успокойся, Саша, – махнула рукой девушка. – Это не для тебя написано. А написано это для тех, – принялась пояснять она присутствующим, – кто будет пользоваться газовой плитой. Саша же, надеюсь, пользоваться ею не будет, поэтому тягу проверять ему не нужно.

– Так что салат можешь накладывать

спокойно, – добавила Ольга, подвигая к Захарову большую тарелку с нарезанными помидорами.

Саша внимательно посмотрел на стол, потом перевёл взгляд на хозяйку, крикнул и слегка приглушённым голосом поинтересовался:

– Оля, а рюмки?..

Хозяйка от неожиданной наглости вопроса сначала несколько растерялась, но через мгновение оправилась и заинтересованно посмотрела на гостя.

– Саша, чай рюмками не пьют, – наставительно сообщила девушка.

– Чай за встречу вообще не пьют, – прервал гость наставления. – Обычно пьют водку...

– Откуда у приличной девушки водка?! – Ольга с деланным возмущением сложила руки на груди и прислонилась спиной к подоконнику.

– Бывает иногда, – пожал плечами юноша. – Нечасто, но бывает. По причине надвигающегося праздника, например. Скажем, даты традиционного распития алкоголя бывшими пионервожатыми...

– Э нет, – протестующе закрутила головой Марина, – этого, гражданин Гадюкин, вы никогда не получите.

– Давай бутылку тащи, – Витька, наконец сообразивший, куда клонит Захаров, пихнул девушку под стол. – А то ведь получишь за Гадюкина...

– А ты рюмки давай, – прошипел он, повернув голову к хозяйке.

– Нет, мальчики, водки не будет, – заверила Марина. – Витя, Саша, – продолжала она с улыбкой, подперев подбородок ладошкой поставленной на стол руки. – Научитесь переключаться. Во время путешествия по бурному океану жизни вам на короткое время посчастливилось почувствовать под ногами твёрдую почву. Ну и наслаждайтесь стабильностью бытия, зачем вносить в него какую-то дисгармонию.

– Нет, Витька, – с грустной убеждённостью констатировал Саша Захаров, – водки, похоже, нам не дадут...

– Ладно, завтра сами купим, – Колесников подвинул к себе тарелку с салатом. – Ешь пока помидоры, – посоветовал он, накладывая себе в тарелку, – видишь, сколько добра пропадает...

– Вот так-то лучше, – с улыбкой заме-

тила Марина. – А то надо же, артековскую бутылку им подавай!..

Саша покосился на одержавшую идеологическую победу собеседницу и промолчал. Витька же, видимо, молчать не мог и до самого конца спонтанного ужина ворчал о том, что завтра будет праздник и на их с Сашкой улице...

Глава 22

– Спасибо, Оленька, всё было очень вкусно, – поблагодарил Саша, отодвигая в сторону опустевшую тарелку. – Гуляш просто замечательный. Кстати, гречку, что, в вашем прекрасном городе вот так просто в магазинах продают?

– На крупу денег не получишь, – предусмотрительно предупредил Витька, вылизывая корочкой хлеба свою тарелку.

– Да ты что, очумел?! – возмутился Саша. – На фиг я её покупать буду?!

Немного помолчав, юноша оглядел присутствующих и с достоинством сообщил:

– Я пацаном этой самой гречки столько съел, что у меня на неё аллергия.

– Как я тебя понимаю! – сочувственно вздохнул однокурник. – У меня с мясом такая же история.

Хозяйка тем временем, убрав со стола грязную посуду, расставила перед гостями чайные чашки с блюдцами и достала из холодильника литровую баночку с вишнёвым вареньем.

– Это вместо водки, – объяснила она, переливая варенье в вазочку. – Ну, сейчас чайник закипит, и распорядитесь, – сказала Ольга, покончив с приготовлениями к чаепитию, – Я пока пойду разберусь, где вы сегодня спать будете.

– Марина, ты за старшую остаешься, – добавила девушка, открывая дверь.

– Как? Опять? – удивился Саша. – Я не согласен.

Но Ольги на кухне уже не было, и фразу «так будет всегда» пришлось проносить подруге.

Через несколько минут, в самый разгар чаепития, хозяйка вернулась к гостям, но чай пить не стала, а, сев на свое место за столом и подперев щеку ладонью, некоторое время наблюдала, как пьют чай другие. Марина, перед тем как отхлебнуть глоток, дула в чашку и для чего-то закрывала глаза. Саша, боясь обжечься,

громко швыркал. Витька же, перелив кипятком в блюдце, по-купечески держал его на полусогнутых пальцах правой руки, чайной ложечкой же, зажатой в другой руке, время от времени зачерпывал из вазочки варенье, отправлял его в рот и затем сплёвывал в стакан обсосанные вишнёвые косточки. Короче, Витька в чаепитии давал соседям два очка форы.

– Витенька, прервала наконец Ольга молчание, – кто тебя так чай пить научил?

– Как? – поинтересовался тот в некотором недоумении. – У нас все так дома пьют...

– Обалдеть! – в восторге воскликнула девушка. – За каким дьяволом, спрашивается, куда-то ехать, когда прямо перед глазами сидит глава из ненаписанной книги «Традиции сибирского купечества»?! Хотя не знаю, может, уже написанной.

– Ладно, пусть будет иллюстрацией! – предложил Саша компромисс. – Ну а кто будет? Я, что ли? – перебил он друга, открывшего было рот.

– Нет, Захаров, тебя рисовать нельзя, – категорично заявила Ольга. – Ты нефотогеничен.

– Ну, – продолжала она минуту спустя, – согласно всем традициям, я вас накормила, напоила, чуть позже спать уложу... Можно расспрашивать?

– Валяй, расспрашивай, – махнул Витька рукой с зажатой в ней чайной ложечкой. – А вообще, подожди – столько всего было... Дай чай допить спокойно.

– Допивайте, – согласилась Ольга.

– А я уже всё, – сообщил Саша. – Можно я начну?

– Можно. Не теми, – попросила девушка.

– Ну вот, – начал Захаров, – гуляли мы по парку, Витька и говорит: «Жарко. Хочу в Европу». Как будто в Сибири лето, а в Европе зима.

– В Европе климат мягче, это в Сибири резко-континентальный, – влез Колесников с уточнением.

– Слушай, кто взялся рассказывать? – оборвал Саша друга. – Вот закончу, можешь добавить. И про спекуляцию золотыми изделиями, и про туфлю на свадьбе, и как в поезде «зайцем» ехал...

– Добавлю, – пообещал Витька. – Непременно добавлю...

Часть 2

Глава 1

...Подъём был поздним. Сашу с Виктором уложили спать в дальней комнате Тимура на полу, поэтому утренних сборов на работу Ольгиных родителей друзья не слышали. Не слышали они и того, как поднялись девушки, как Марина по старой начальственной привычке предлагала «организовать молодым людям побудку», и как Ольга из милосердия отвергла её предложение.

– Пускай, Марина, поспят сегодня, – улыбулась девушка.

– Насладимся все вместе покоем домашнего утра, – добавила она. И засмеялась.

Так что наслаждение домашним покоем продолжалось ещё часа два, до тех пор, пока кот Тимура Кузьма не заинтересовался тем, кто это лежит на полу в комнате хозяина, и не потревожил ребят.

– Сгинь отсюда, – посоветовал Саша осторожно подползающему к его лицу Кузьме. – Сейчасдохну – и умрешь...

– Так его, Сань, – одобрил Витька. – Ужас, какое беспардонное животное: взял разбудил...

– Тимур, убери кота, – потребовал он у заглянувшего у комнату мальчишки.

Однако продлить утренний сон шансов уже не оставалось.

– Господа, завтрак на столе, – сообщила Марина, появившаяся за спиной Тимура. – Вставайте, господа, вас ждут великие дела...

– Кого? – переспросил Саша, уже понявший, что бороться дальше бесполезно, и садящийся на постели. – Меня или Виктора Сергеевича? Кстати, господа в Байкале...

– Обоих, – завершила Марина. – Труба зовёт...

– Всё, Витька, давай вставать: всё равно поспать больше не дадут, – нагнулся Саша к укрывшемуся с головой товарищу.

– Пусть она выйдет, – потребовал тот из-под одеяла. – Просто кошмар какой-то: ни поспать, ни проснуться по-человечески!..

– Всё-всё, Витенька, я уже ухожу, чтобы не смущать твою невинность, – весело завершила Марина, отходя от двери.

– Это, Витька, дом такой, – пояснил

Саша, торчащему из-под одеяла кончику Витькиного гоголевского носа. – Сначала коты, потом женщины... Встаём! – решительно закончил он, отбрасывая в сторону свой край одеяла и начиная одеваться. – Слышал, что Маринка сказала?

– Про трубу и дела? – переспросил Витька. – Слышал, конечно. Сань, кинь со стула мою рубашку, – попросил он, садясь на постели и продолжая кутаться в одеяло. – Холодно что-то.

– На! – Саша, великодушно выполняя просьбу друга, отправил в его сторону фланелевый комок...

...Через полчаса пили чай на кухне впятером. Саша время от времени морщился и поправлял бумажку, заклеивающую порез на подбородке, ворчал, что теперь весь провоняет одеколоном, словно после парикмахерской... Витька, нахохлившись, держал на одной руке блюдце, другой время от времени поправлял спадающие на глаза волосы. Тимур, сознавая, что имеет совещательное право голоса, молчал; девушки же периодически переглядывались, улыбались, но молчания, царящего за столом, не прерывали. Наконец, Витька, опустив на стол пустое блюдце, сообщил, что чай был очень даже ничего...

– Спасибо, Витенька, – мгновенно растаяла Ольга, – твоя чайная похвала – просто бальзам на сердце...

Марина засмеялась, Тимур сдержанно улыбнулся, Витька же промолчал и посмотрел на хозяйку долгим внимательным взглядом. Молчание прервал Саша. Отлепив от подбородка и скатывая в пальцах ненужный уже клочок газеты, он как бы между делом поинтересовался:

– Вы нам вот что скажите, подружки-хохотушки, о чём это вы вчера вечером шептались? Поделитесь разработанной в кулуарах дальнейшей программой жизни.

– Да, кстати, – поддержал Витька. – Мы с Саней – люди конкретные. Что делать-то будем?

– Программа такая, – начала было Марина. Но Ольга, перехватив у подруги инициативу, принялась рассказывать сама.

– Мы с Мариной вчера посоветовались, – заговорила девушка, останавливая жестом подругу, – и решили: в Самаре нам делать особенно нечего. Те же улицы, те же проспекты, те же спешащие по делам

люди, автобусы и такси. Через три дня, после того, как вдоволь нашатаетесь по незнакомому городу, вы начнёте испытывать то, что испытывали в Новосибирске, вернувшись из экспедиции. Вы филологи, и ваша работа, а значит ваша жизнь – это люди, носители языка и традиций. Фольклорные традиции в городах утрачены – вырублены и забыты. Значит вывод один: нужно ехать в деревню.

– Ну поехали! – почти одновременно воскликнули Саша с Витей.

Все засмеялись. Ольга же, повернув голову к брату, сделала одновременно наставление Тимуру и комплимент друзьям-студентам:

– Вот, Тима, учишь мгновенному принятию нужных решений...

– Сделаем так, – продолжила она свою речь на импровизированной планёрке. – Из Самары по Волге можно добраться до Елабуги. Во-первых, там есть что посмотреть: это и могила Марины Цветаевой, и дом-музей Шишкина; во-вторых, там есть где остановиться: у моих бабушки с дедушкой; ну и, в-третьих, все окрестные деревни – наши. А европейская деревня, – добавила она с ноткой нравоучения в голосе, – совсем не то, что деревня сибирская. Это, ребята, хрестоматия по фольклору, правда, с выдранными страницами...

Глава 2

Импровизированную кухонную планёрку нарушил короткий звонок в дверь, и Ольга, прервав изложение плана предстоящих действий, поспешила в прихожую. Через минуту она привела с собой интересную, чуточку смущающуюся от обилия незнакомых лиц девушку.

– Знакомьтесь, – сказала Ольга, останавливаясь с гостьей в дверях и чуточку отходя в сторону, как бы предоставляя ту всеобщему обозрению.

– Наталья, – назвала себя девушка, окончательно смутившись. – Ольгина одноклассница.

– И соседка по подъезду, – добавила Ольга, расширяя перед юношами круг поступающей информации (для Марины, похоже, ни первое, ни последнее сообщения новостью не были). – Тим, принеси стул из комнаты.

Тимур поднялся из-за стола и отпра-

вился выполнять просьбу сестры. Витя же с Сашей, переглянувшись, поняли, что умудрились проспять немало интересного.

– Не могу сидеть в присутствии стоящей женщины, – заявил Колесников, поднимаясь со своего места.

– Виктор, – рекомендовался он, слегка наклоняя голову.

– Пижон, – проворчал Саша. – Не обращай, Наташа, внимания, он всегда такой. Саша меня зовут.

В этот момент из комнаты появился Тимур со стулом. Ольга поднялась со своего места, чтобы достать из стенового шкафчика чистую чайную пару, остальные же ребята задвигались, освобождая место за столом для новой гостьи.

– Пока вы сладко спали, – снова заговорила хозяйка, наливая чай в Наташину чашку, – мы с Мариной уже успели сходить в гости и завербовать нового человека в предстоящую фольклорную экспедицию. У Наташи сейчас каникулы, в городе ей делать особенно нечего, поэтому она едет с нами.

– «Ракета» от речного вокзала отправляется в восемь утра, так что сегодня мы, естественно, никуда уже не уедем. То есть не уплывём, – поправилась Ольга с улыбкой. – Поэтому программа следующая. Сейчас пьём чай, затем едем на речной вокзал за билетами и знакомимся с городом. За билетами, кстати, я могу одна съездить.

– Да, это ты правильно решила, – сказал Витька. – За билетами ты можешь одна съездить. У меня один вопрос: как мы будем знакомиться с городом, не выходя из квартиры? По путеводителю?

– Витька правильно говорит, – поддержал Саша. – Сейчас допьём чай и все вместе поедem на речной вокзал. Кстати,

у меня лично одно, но очень сильное желание. В справочнике написано, что в Куйбышеве имеется памятник военному самолётостроению – установленный на постаменте штурмовик Ил-2. Когда ещё удастся посмотреть вблизи летающий горбатый танк?

– Ладно, – согласилась Ольга, – начнём экскурсию с речного вокзала, а там... Памятник, Саша, немного в другой стороне, – пояснила она, повернув голову к Захарову. – Но ради тебя коллектив готов на всё. Съездим – посмотрим.

Речной вокзал Куйбышева построен был сравнительно недавно, а потому мало впечатлял иногороднего жителя. Данное авторское замечание вовсе не означает, что вокзал был плох. Скорее, наоборот: обилие стекла, пластика и вынесенные на свежий воздух сиденья должны были способствовать созданию максимального комфорта для потенциальных пассажиров, на чьи деньги, кстати, этот комфорт и создавался. Но... подобное здание можно было увидеть и в другом городе, и в третьем, и в своём собственном, так что Саша с Витей, предоставившие девушкам заняться приобретением билетов, а сами оставшиеся курить на улице, достоинства (или недостатки) современной архитектуры обсуждать не стали. Во-первых, ребят больше интересовали находимые на деревенских улицах кованые гвозди, а, во-вторых, кто же всерьёз воспринимает вещи привычные? Вот если бы здание вокзала являлось составной частью архитектурного стиля минувшей эпохи, который Саша именовал «сталинское барокко»! Но суда на подводных крыльях появились не так давно, при Сталине же основным средством сообщения между городами являлась железная дорога, поэтому к вышеназванному стилю относились здания большинства железнодорожных вокзалов страны.

Наверное, со времён Ивана Грозного на Руси ни одно более или менее значительное скопление людей не обходилось без присутствия просящего копейку юродивого. Куйбышевский речной вокзал несметными толпами транзитных пассажиров не отличался, однако своего штатного дурачка-побирушку имел. Вот этот штатный юродивый и не преминул заявить о своём существовании,

едва только ребята успели прикурить сигареты. Выглядел он довольно-таки прилично: серая клетчатая пара, немного поношенные туфли и матерчатая кепка с загнутым вверх козырьком. Отёчное одутловатое лицо выдавало человека с большой печеню. У Саши не было никакого желания разнообразить спокойно и деловито начавшийся день беседой с люмпен-пролетарием, поэтому после приближения обозначенного лица он, опустив руку в карман, вытащил полтинник и со словами «Получите и отвалите» сунул его в подставленную ладошку вокзального «труженика». «Труженик», отправив полтинник к остальной честно заработанной мелочи и сообщив, что почему-то нужно особенно опасаться двух заболеваний – сифилитета и проказы, испарился.

– Понял? – переспросил Саша у товарища. – Здесь, оказывается ещё и проказа свирепствует. Надо у Ольги справки навести. Сейчас девчонки билеты купят – побеседуем...

Глава 3

Через несколько минут из здания вокзала вышли Марина с Ольгой, которая на ходу пыталась засунуть в висящую на плече сумочку купленные билеты. Однако молнию заело, и попытки девушки расстегнуть её оказывались безуспешными.

– Подожди, не ломай, – остановил Ольгу Витька, отобрал сумочку и, присев на скамейку, принялся колдовать над замком. – Мы тут с местным шизофреником познакомились, – сообщил он, на секунду прерывая своё занятие и глядя на девушек снизу вверх. – Что, Оль, правда в Самаре проказа разгулялась? Сашка ему за информацию полтинник дал...

– Нет, вас даже на минуту оставить нельзя, – засмеялась Марина. – Свинья грязь найдёт... Что, в Новосибирске клоунов мало?

– Это кто свинья? – поинтересовался Витька, оставляя сумочку и изображая удивление на лице. – Сашка, что ли? Его клиент...

– Па-а-апрошу, – попытался Саша пресечь попытку оскорбления.

– Дай я сама сделаю, – протянула Ольга руку. – А то пока дождёшься...

– Да я уже закончил, – Витька успокаивающе улыбнулся, возвращая сумочку хозяйке. – Собачку перекосило.

– Ну что, начнём знакомиться с городскими достопримечательностями? – поинтересовался Саша.

Ольга, склонившаяся было над сумочкой, подняла голову:

– Ну, за день я вам город показать не успею...

Положив в карманчик билеты и застегнув замок, девушка повесила сумочку на плечо и забросила её за спину.

– Да и сходить никуда не ходим, кроме кинотеатра, – продолжала она размышлять вслух. – Билетов нет. Остаётся одно: поездим, посмотрим. Памятники Чапаеву, Дзержинскому... Саша вон Ил-2 заказывал.

– Поехали, – тут же отозвался Захаров.

– Пойдёмте тогда на остановку, – предложила девушка. – Только предупреждаю, гид из меня никакой...

– Ладно, сами как-нибудь разберёмся, – заверил Витька. – Будешь проводником...

...Экскурсия по городу заняла часа два. Как и следовало ожидать, время от времени встречающиеся каменные церкви, которых насчитывалось в Куйбышеве более двух десятков, произвели на ребят гораздо более сильное впечатление, чем памятники героям Гражданской войны. Саша даже настоял зайти в один из храмов, чтобы поставить свечку Николае Чудотворцу. Впрочем, посещение церкви являлось его давней страстью, чем-то из области молодёжной придури. Так, сдавая вступительные экзамены в институт, он периодически наведывался в единственную городскую церковь, чтобы засвидетельствовать своё почтение образу Николая-угодника. Экзамены он сдал, в институт поступил, но заслуга в этом названного святого была очень и очень сомнительна. Более того, можно с уверенностью сказать, что Саше не помог бы никакой угодник, не занимаясь он по вечерам после работы с выпускницей факультета иностранных языков и не обрети в ходе этих занятий мало-мальского словарного запаса английской лексики...

В заключение прогулки по куйбышевским улицам друзья, наконец, оказались перед Монументом боевой и трудовой доблести с возвышающимся на постамен-

те «Илом» – знаменитым штурмовиком второй мировой войны.

В годы Великой Отечественной войны в Куйбышев были эвакуированы из Москвы правительственные учреждения, посольства иностранных государств, ряд промышленных предприятий, в частности предприятия самолётостроения. Вот, отдавая должное труженикам тыла, к тридцатилетию победы и водрузили на постамент один из самых грозных отечественных самолётов того времени. Видимо, броня самолёта снизу и с боков и стволы пушек и пулемётов, на всякий случай распиленные, должны были служить олицетворением знаменитых слов Александра Невского: «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет».

Ребята некоторое время молча стояли у постамента, наконец, Саша, подбросив и поймав для чего-то вытащенную из кармана монету, повернул к Ольге голову и предложил:

– Ну что, поехали домой? Будем считать, что экскурсия закончилась...

– Как скажешь, – пожал плечами девушка. – Домой так домой.

– Ну, ты удовлетворён? – поинтересовалась она, поворачиваясь к самолёту спиной. – Пойдёмте на остановку.

– В какой-то степени, – кивнул Захаров. – По крайней мере, я теперь понимаю человека, на которого пикирует, выпуская реактивные снаряды и стреляя из пушек, это творение рук человеческих.

– Знаешь, Саш, я как-то по этому поводу не задумывалась, – призналась девушка. – Наш же самолёт...

– Наш, – подтвердил Саша, – но задача-то перед ним поставлена определённая: добиться того, чтобы люди, по которым он наносит бомбово-штурмовой удар, перестали жить...

– Слушай, пацифист, – влез в разговор Витька, – уж кто бы говорил... Это ведь не я, а ты лежащего человека весной ногами пинал...

– Пинал – значит заработал, – огрызнулся Саша.

– А немцы что, не заработали? – удивлённо воскликнул товарищ. – Да за одни концлагеря...

– Ребята, давайте жить дружно, – предложила, прерывая готовый разгореться спор, Марина. – В следующий раз непременно пойдём в картинную галерею, – за-

явила она, чему-то улыбаясь, – искусство облагораживает

– Пожалел волк овцу, – проворчал было Витька по инерции. Но тут же, переключившись на новую тематику, поинтересовался: – Оля, а в Елабуге картины Шишкина есть? А то я «Утро в сосновом лесу» только на конфетной обёртке и видел...

Глава 4

– Ну что? – спросила Ольга, останавливаясь возле двери в квартиру. – Как вам город? А, Саш, поделись впечатлениями.

Надавив кнопку звонка, девушка обернулась к сгрудившимся за спиной однокашникам.

– Красивый город, – пожал Саша плечами. – Старый. Ты же знаешь Новосибирск. Сколько ему лет? Меньше сотни. В нём и посмотреть-то толком нечего. Одна церковь да один оперный театр в стиле сталинского барокко... А ещё кинотеатр «Победа». Ну вылитый Рейхстаг! Ну, а Самара – это Самара. Мы вот свечку в храме ставили, я ещё тогда подумал, что на моём месте мог Стенька Разин стоять.

– Я лично насчёт Разина сильно сомневаюсь, – усмехнулся Витька. – Но в целом Саша, конечно, прав: посмотреть есть что. Самое интересное – это как старое с новым смешалось.

– Ну где там Тимур? – Ольга снова позвонила в дверь. – Спит, что ли?

Тимур действительно спал.

– Понимаешь, читал книжку и задремал, – объяснил он сестре, открыв дверь и пропуская студентов в квартиру. – Купили билеты?

– Купили, – кивнула Ольга, ставя на трюмо сумочку и принимаясь расстёгивать плащ. – И билеты купили, и по городу поехали – памятники посмотрели. Саша вон даже в церкви свечку поставил... Ты, Тим, займись ребятами, я пойду к Наташе спущусь, договоримся на утро.

– Вы проходите в комнату, – предложил Тимур гостям, закрыв за сестрой дверь. – Я пойду умоюсь. Надо же, уснул ни с того ни с сего.

– Иди умывайся, – кивнул Саша. – Со мной тоже такие неприятности случаются... Располагайтесь, – пригласил он друзей, проходя в комнату и сбрасывая на

пол мирно отдыхавшего в кресле кота. – Ну-ка, уступи место...

– Иди, Кузя, сюда, – проговорила Марина, нагибаясь и беря на руки удивлённо выгнувшего спину и потягивающегося законного обитателя квартиры. – Совсем тебя что-то затерроризировали...

– Нечего. Нечего поважать, – одобрил Захаровские действия Витька, устраиваясь в кресле с другой стороны стола.

– Кстати, Тимур, откуда у вас кот? – поинтересовался он у вышедшего из ванной комнаты мальчика.

– О, у него биография богатая! – принялся рассказывать Ольгин братишка. – Родился Кузьма у бабушки, в Елабуге. Потом, когда мне исполнилось пятнадцать, а Кузьме два месяца, бабушка решила мне его подарить и привезла с собой. Так что теперь он куйбышевский житель.

– С кем поведёшься, от того и наберёшься, – заметил Саша. – Внучка из Куйбышева приезжает учиться в новосибирском институте. Бабушка из другой республики привозит внуку на день рождения кота...

– Что удивительного в том, что к внучке в гости через всю страну приезжают институтские товарищи? – закончила Сашину мысль Марина.

– Да ещё зайцами на поезде, – добавил юноша в тон. – Я же говорю, с кем поведёшься, от того и наберёшься...

– Не от того, а с тем, – влез Витька с уточнением.

Тимур засмеялся, Саша же в ответ только махнул рукой.

В дверь позвонили.

– Наверное, Оля вернулась, – предположил Тимур, отправляясь открывать.

– Всё, договорились? – послышался его голос из прихожей.

– Договорились, – отвечала сестра. – Слушай, Тим, ты не видел мои тапочки? Вечно запропастаны куда-то...

– Это потому, что ты их бросаешь где попало, – рассудительно заметил Тимур. – В комнате, возле дивана валяются. Ставь куда-нибудь в одно место...

– Нет, вы посмотрите на него! – воскликнула Ольга, заходя в комнату и всовывая ноги в действительно стоящие возле дивана домашние шлёпанцы. – Ты в кого, Тимка, таким педантом растёшь? В Сашу, что ли? Так вроде, никаким боком...

– Оставь ребенка в покое, – подал

Саша голос из своего кресла. – Во-первых, его устами глаголет истина, во-вторых... Ладно, достаточно первого. Предупредила Наталью?

– Предупредила. Завтра в семь часов мы за ней заходим, а потом все вместе едем на пристань. Она, кстати, уже сумку начала собирать.

– Слышишь, Тимур, – повернулась Ольга к брату, – давай тащи из кладовки тряпичный чемоданчик, тоже с тобой паковать будем. Вот отдохну немного...

Ольга присела рядом с Мариной, Тимур же, выполняя распоряжение сестры, отправился в коридор и через минуту, вернувшись обратно, положил у ног сестры чёрно-голубую клетчатую сумку-чемодан.

– Гитару будем брать? – поинтересовался он, разминая пальцы.

– Давненько не брал я в руки шашек, – сообщил Витька, принимая гитару из рук мальчишки, – с Новосибирска...

Склонив на плечо голову, он подкрутил колки и, обращаясь к аудитории, сообщил:

– Николай Кальсин. «Бродяжная».

Затем, выдержав секундную паузу, взял первый аккорд:

Мне ль домашним жить,
На цепи – цепным,
Да дрожьмя дрожит,
Хламом нажитым,
Да детей плодить –
На вершок ума?!
По дворам бродить:
За плечми – сума!..

Все, кроме Тимура, конечно, хорошо знали Колло Кальсина, и по общежитию, и по фольклорной экспедиции, но слушали Витьку внимательно и с нескрываемым удовольствием. Поэтому тот, ценя внимание аудитории, вслед за песней Кальсина запел другую, на стихи Константина Симонова:

Когда со мной страданием
Поделится друзья,
Их лишним состраданием
Не обижаю я,
Я их лечу разлукой
И переменной мест,
Лечу дорожной скукой
И сватовством невест...
Допев Симонова, Витька отставил

гитару, посмотрел на Тимура и серьёзно сказал, что гитару они, конечно, брать будут...

Глава 5

Поднял друзей звонок будильника. Сегодня девушкам уже не требовалось вытаскивать ребят из постели: ни Саша, ни Витя позволить себе опоздать на теплоход не могли.

– Да, денёк, видно, будет не подарок, – заметил Саша, расправляя воротник надетой рубахи и кивая головой по направлению окна. – Нам только дождика не хватало...

– А, – махнул Витька рукой, – главное до «Ракетъ» добраться – не на палубе же сидеть. Пошли умываться...

– Оля! – крикнул Саша в полуоткрытую дверь ванной. – А мама с папой что, уже на работу ушли?

– Они, Саша, уже работают полчаса, – откликнулась девушка из кухни. Умывайтесь там быстрее, сейчас чайник закипит...

Дальнейшие события этого пасмурного августовского утра развивались в стремительной логической последовательности. Потому в такой стремительной, что часто одно событие пыталось опередить другое, предшествующее. Так, например, по логике вещей Натальин звонок в дверь должен был раздаться уже после того, как Витя с Сашей, умывшись, пройдут на кухню к закипевшему чайнику. Однако когда Витька, выйдя из ванной, толкнул кухонную дверь, Наташа уже стояла у окна, опершись заложенными за спину руками на подоконник, Марина, повернувшись к девушке вполборота, намазывала маслом корочку хлеба за столом, Ольга же споласкивала под краном заварочный чайник.

– Можно? – поинтересовался Витька на всякий случай.

– Можно-можно, – заверил стоящий за спиной Саша. – Давай проходи, не загораживай проход.

– А Наталья вообще не бойся, – настаивательно произнёс он, усаживаясь за стол напротив Марины и изображая на лице обаятельную улыбку. – Вам, Марина Сергеевна, «доброе утро» персонально...

Завтрак прошёл быстро, в оператив-

ном режиме. На обычную болтовню времени не было, тем более что для всех, собравшихся за столом на Ольгиной кухне, уже настала пора обычного предотъездного беспокойства. Наконец, Ольга, решив, что пора начинать одеваться, вы проводила друзей-путешественников в коридор, быстро составила в раковину грязные чашки и через минуту присоединилась к ребятам.

...Во дворе была осень.

– Бр-р-р, – поёжился Витька, натягивая на голову капюшон штормовки. – Только листьев под ногами не хватает...

– Недельку так постоит – будут тебе и листья, – обнадѣжил Саша. – Верно, Тимур? Нет, хорошо всё-таки, что уезжаем... Листья жёлтые над гордом кружатся... – неожиданно пропел он фальшивым голосом.

– Через недельку, наверное, ещё рано, – ответила за Тимура сестра. – Но вообще, дело к тому идёт. Хоть и кажется, что лету конца не видно, а оглянуться не успеешь... Ребята, троллейбус! Побежали!

– Дай! – потребовал Витька, на бегу отбирая у девушки сумку и протягивая вместо неё гитару. – Инструмент береги...

Водитель троллейбуса, видя в зеркале бегущих к машине людей, некоторое время не закрывал двери. Потом, видимо, ждть ему надоело, двери перед самым носом ребят захлопнулись, и троллейбус тронулся, оставляя на остановке запыхавшихся туристов.

– Тыфу ты, чёрт! – в сердцах сплюнул отдувающийся Саша. – Как в родном городе...

– Сволочь! Не мог подождать минуту! – поддержал Витька.

– Да не злитесь вы, сейчас другой придёт, – посоветовала Марина.

– Придти-то придёт, – согласился Витька, плюхая на остановочную скамейку Ольгину сумку, – но этот – сволочь.

– Сволочь, Наташ? – Витька повернул голову и вопросительно поглядел на Ольгину одноклассницу.

– Ну, пускай сволочь, – согласилась девушка, – ты давай поднимайся, вон троллейбус перед светофором стоит.

Действительно, через мгновение на перекрёстке загорелся зелёный свет, и удерживаемый светофором поток машин вновь запрудил улицу, а к остановке подкатил вынырнувший из потока зелёный

троллейбус.

– Всё, граф, карета подана! – кивнула Витьке Марина. – Дольше переживал...

– Я не переживал, а возмущался, – возразил Колесников, вслед за девушкой устремляясь к дверям. – Сволочь...

...Совсем недавно на дальних пассажирских рейсах во всех речных пароклассах страны вместо морально устаревших судов на подводных крыльях класса «Ракета» появились новые комфортабельные теплоходы, также имеющие космическое название – «Метеор». Вот на борту «Метеора», на который диспетчер уже успел объявить посадку, и предстояло провести несколько часов спонтанно возникшей фольклорной экспедиции.

Продемонстрировав перед выходом на причал пачку билетов кутавшейся в дождевик женщине, ребята, прогромыхав по металлическому настилу, гурьбой подошли к теплоходу, и Ольга как человек безусловно имеющий самый большой опыт путешествий на речных судах первая шагнула на борт «Метеора», привалившегося бортом к свисающим с причала старым автомобильным покрывшкам.

Глава 6

Пассажирский салон теплохода мягкими зачехлёнными креслами по обеим сторонам от прохода, тёмно-голубыми шторками, прикрывающими круглые иллюминаторы вдоль бортов, ковровой дорожкой, постеленной в проходе, напоминал салон крупного пассажирского самолёта. Не было только бесконечного гула авиационных двигателей, гула, закладывающего уши и выматывающего душу. Впрочем, в самолёте, находящемся пока на земле, гудение двигателей пассажиров тоже не донимает...

– Не может быть, чтобы ковровая дорожка такой длинной была, – заявил Витька, определивший по выданному ему Ольгой билету принадлежащее ему место и плюхнувшийся в кресло. – Я так думаю, что просто несколько штук вместе сшили... А, Саш, как думаешь?

– Ты что уселся-то? – поинтересовался Саша, чьё место оказалось рядом с Витькиным. – Во-первых, пойдём глянем, что в буфете продают, во-вторых, туалет найдем, в-третьих, курить охота – как из

дома выехали, не курили. Заодно можешь дорожку пощупать. Потом скажешь, цельная или сшитая.

– Можно, я с вами на экскурсию? – поинтересовалась из своего кресла Ольга. – Или у вас жажда первооткрывателей?

– Пойдём, – согласился Саша. – С экскурсоводом, знаешь, как-то проще. Начнём с перекура.

– Тогда подождите немного, хоть отпльвём, – предложила девушка.

– Как скажешь, – склонил Саша голову.

...Через несколько минут громкоговоритель на пристани сообщил, что посадка на «Метеор», следующий рейсом Куйбышев – Елабуга, заканчивается. А ещё через некоторое время человек, появившийся на причале, швырнул на борт верёвочные петли, накинутаые до этого на береговые буи и удерживающие теплоход у берега. Течение сразу же подхватило «Метеор», но в ту же секунду взревели двигатели, и теплоход с положенными ему несколькими десятками километров в час вышел на речной фарватер и лёг на нужный курс.

– Ну что, пошли на корму? – предложила Ольга.

– Пошли! – одновременно воскликнули оба приятеля и начали выбираться в проход следом за добровольным гидом.

– Когда дорожку-то будешь смотреть? – поинтересовался Захаров, заговорщически наклонив голову.

– Слушай, Сашка, отвали, – предложил Колесников, ускоряя шаг, чтобы догнать ушедшую вперёд девушку. – Как я твоей будущей жене сочувствую!

– Рано сочувствуешь, – заверил Саша друга. – Мама говорит, что мои невесты ещё растут..

– Ты походи по детским садам – поприсматривайся, – оборачиваясь, со смехом предложила Ольга.

...За дверью пассажирского салона было по-прежнему сумрачно и сыро.

– О, чёрт, о погоде-то забыли! – с досадой воскликнула девушка, после того как все трое оказались в проходе, ведущем на корму. – Надо же было что-нибудь накинуть!

– Ладно, вы подождите, я сейчас штормовки и куртку принесу, – откликнулся Витька, снова исчезая за дверью.

– Ты посмотри на него, на благо-

детеля, – заметил Саша. – вы, ребята, подождите на холоде, а я в тепло схожу...

– Точно-точно, – кивнула Ольга. – Ну что, Саша, давай сигарету, что ли?

– Я уж подумал было, что ты бросила, заметил юноша, вытаскивая из кармана пачку и протягивая её бывшему экспедиционному начальнику.

– А я и не курила никогда, – нахально заявил начальник, вытаскивая ногтями сигарету. – Дома... О, вот и курточка приехала...

Ольга, приняв из Витькиных рук куртку, сунула в рукав сначала одну руку, потом, переложив сигарету в другую, натянула куртку полностью и наконец сообщила, что можно продолжить путь к законному месту для курения.

– Вот, ребята, туалет, – кивнула она на одну из закрытых дверей.

– Да уж прочитали, – сообщил Витька. – Разберёмся.

...На корме вдоль заднего борта стояла прикрученная к полу скамейка без спинки. Надстройка пассажирского салона спасала от струи встречного ветра, но не защищала от бокового, поэтому прикурить сигарету можно было только с четвёртой или пятой попытки. Саша с каменно-спокойным лицом чиркал спичкой и пытался спрятать её в ладонях, Ольга тянулась сигаретой к огоньку, спичка гасла, и всё начиналось сначала.

– Дай, я сама, – девушка, наконец, неторопливо протянула руку к коробку.

Саша прикурил, отдал Ольге спички, затянувшись, принялся с интересом вертеть головой, разглядывая панораму волжского берега, вдоль которого проходил фарватер.

– Нет, бесконечный город, – вынес Захаров приговор прибрежному ландшафту. – Мало того, я подозреваю, что как только кончится Куйбышев, сразу начнётся какой-то другой...

– Почти так и будет, – согласилась Ольга. – Масштабы-то не сибирские...

– Эх, Европа! – воскликнул Витька, но тут же осёкся. – Какая тут, впрочем, Европа? Так, задворки...

– Ладно, докуривайте и пошли, – предложил он, выбрасывая окурочек.

...Беглый осмотр буфета на обратном пути оставил юношей равнодушными: к употреблению напитка «Буратино» не располагала погода, к употреблению

водки – ресторанная наценка. Поэтому спустя короткое время они уже снова сидели в своих креслах...

Глава 7

Пассажиры в салоне теплохода убивали время каждый по-своему. Впрочем, поездка ещё не успела наскучить и утомить, поэтому выражение «убивали время», наверное, будет звучать неверно. Каждый был занят чем-то своим. Кто уткнулся в раскрытую книгу или газету, кто, сдвинув шторку на иллюминаторе, любовался речными пейзажами, кто был занят воспитанием подрастающего поколения. Так, сидящая через проход от ребяты женщина, кормила толстую девочку лет пяти домашним бисквитом. Впрочем, «толстую» – это я так, по ассоциации. Полной девочка казалась Саше, хотя была она совершенно нормальным ребёнком. Просто Саше почему-то казалось, что не может человек хотеть есть в первые минуты поездки (разве что покурить). Юноша, видно, забыл, как сдавал в детстве пустые молочные бутылки, чтобы с другом Димкой сгонять на велосипедах к стоящим у железной дороги частным домам, в одном из которых жила женщина, изготавливающая на продажу леденцы. А ведь родители Сашу не то чтобы баловали, но конфеты покупали регулярно!

Видимо, ребёнок с домашним пирогом в руках начал казаться толстым после того, как покупка леденцов в частном секторе сменилась покупкой там же водки.

– Ладно, я буду спать, – сообщил Саша другу-соседу, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Однако, несмотря на все усилия, заснуть ему не удалось. Поёрзав минут двадцать, он снова сел в кресле ровно, вздохнул и, сообщив, что почему-то не спится, предложил Колесникову, принявшемуся было читать книгу, сыграть в карты, в дурака.

– Подожди, дай страницу дочитать, – отмахнулся Витька.

– Хочешь, я тебе расскажу, что было дальше? – предложил Саша, взглянув на обложку. – Она его застрелила... Ты где детектив-то урвал?

– У Ольги дома попросил, – признался Витька. – Всё равно ехать вместе, и домой ей потом возвращаться.

– Ладно, раздавай пока, – Витька нагнулся и вытащил из кармана сумки потрёпанную карточную колоду.

– Раздам, – согласился Саша. – Но будет это в первый и последний раз...

– Не таких жуликов обыгрывали, – проворчал Витька, не отрываясь от страницы.

– Ну всё, бросай книжку, – потребовал Саша через минуту. – Бери карты, начали.

– Ну, начали, так начали, – согласился однокурсник, беря протягиваемые карты и пристраивая сумку на полу между рядами кресел. – Клади колоду. Что там козыри, крести что ли? Восемь у меня. Ты достань книжку – счёт записывать...

...Счёт записывать не потребовалось, так как Саша сообщил, что вполне рассчитывает на свою память и Витькину порядочность. Упоминание о присущей ему порядочности Сашину партнёру очень понравилось, поэтому первую партию он проиграл. Однако затем Витька встряхнулся, и карточная борьба приняла упорный и затяжной характер. За пятнадцать минут до прибытия «Метеора» к пристани Елабуги у соперников в активе имелся счёт 28:24 в Сашину пользу, три перекура и двадцатиминутная промежуточная стоянка на одной из волжских пристаней.

Остальные туристы-фольклористы во время речной поездки занимались организацией собственного досуга самостоятельно: Тимур наблюдал в окно речные пейзажи, Ольга то принималась о чём-то болтать с Наташей, то отправлялась с Витей и Сашей покурить на корму, Марина читала сборник программного Ремарка.

Наконец, теплоход, изменив курс, начал двигаться поперёк течения, а пассажиры в салоне зашевелились. Марина, глянув в иллюминатор, заложила в томике Ремарка страницу конфетной обёрткой, захлопнула книжку и принялась засовывать её в сумку. Витька, поднявшись со своего места, потянулся было за висящей на крючке штормовкой, но Саша его остановил:

– Не суетись: пока к пристани подойдём, пока пришвартуемся – минут десять пройдёт. Я же не суечусь, а выходим вместе...

– Ладно, не буду, – согласился юноша, опускаясь в кресло. – Всё равно обратно не повезут.

– Да, в Куйбышеве ты уже надоел, – подтвердил Саша.

Через несколько минут двигатель перешёл на малые обороты и, наконец, совсем стих, а «Метеор» ткнулся бортом в причальную стенку. Пассажиры в салоне зашевелились, у входной двери образовалась очередь, и ребята, подхватив свои вещи, тоже принялись пробираться между рядами кресел. Вскоре они уже стояли кучкой на пристани.

– Ну, самое время сделать памятный снимок! – решила Марина и, передав сумку Саше, отошла с фотоаппаратом в сторону.

– Внимание, сейчас вылетит птичка! – сообщила она, наводя объектив.

– Какая? – поинтересовался Тимур, откусывая кусок от невесты где взятой булочки.

– Ворона, – ответила вместо Марины сестра, засмеялась и отвернулась в сторону.

Они так и получились потом на фотографии: смеющийся Тимур с булочкой в руках, поправляющая причёску Наталья, Витя рядом с Сашей, держащим в руке Маринину сумку, и вполоборота Ольга.

Глава 8

В Елабуге стоял обычный солнечный день. На дождь, который с утра зарядил в Куйбышеве, не было ни малейшего намёка. В придорожной пыли кувыркали местные взъерошенные воробьи. Вспугнутые женщиной, отошедшей с полными вёдрами от колонки, они тут же рассыпались по веткам росших вдоль дороги тополей.

– Ну, вот и первая удача, – заметила Марина после того, как компания разминулась с ходившей по воду хозяйкой. – Женщина с полными вёдрами. Значит, и ваши старики будут дома.

– Да они всегда дома, – откликнулась Ольга. – Куда им ходить-то? Разве что в магазин за хлебом. Да и то днём, пока стадо не пригнало. Это же не центр – окраина. Скотины полон двор: корова, овцы.

С шагающими по пешеходной дорожке ребятами поравнялся появившийся на дороге пазик – обычный для сельской местности пассажирский автобус. Потом,

оставляя за собой клубы пыли, обогнал молодёжь и скрылся за поворотом. Пыль плотным облаком поплыла к тополям на противоположной стороне улицы.

– Далеко ещё? – поинтересовался Саша, поправляя на плече лямку рюкзака. – Может, лучше доехать на чём-нибудь?

– Да уже почти пришли, – откликнулся Тимур. – Вот свернём следом за автобусом – и дома.

Действительно, через несколько минут ребята уже стояли перед высокими тесовыми воротами. Ольга по-хозяйски повернула железное кольцо, поднимая щеколду с внутренней стороны калитки, и – «Всё, пришли» – первая шагнула во двор.

– Ну что вы? Заходите! – окликнула она друзей, замешкавшихся на улице. – Здравствуй, бабулечка!

Ребята, преодолевая приступ первоначальной неловкости, один за другим вошли в распахнутую Ольгой калитку и оказались в просторном, самом настоящем деревенском дворе. Справа от калитки возвышалось крыльцо веранды, в глубине которой виднелась приоткрытая дверь в сени большого рубленого дома. Справа от крыльца, в глубь двора, тянулась высокая ограда, на которую были нанизаны для просушки пустые трёхлитровые банки. Здесь же, на штакетнике, висели два перевернутых алюминиевых ведра. За оградой виднелись огородные посадки. В конце двора возвышалась массивная двухэтажная деревянная постройка. Как впоследствии выяснилось, на первом этаже находились столярная мастерская старика-хозяина, овчарня и коровник, в который приходила с пастбища ночевать корова Марта, на втором – сеновал, где хранилось питание для Марты на зиму, о котором Саша по возвращении в Ново-

сибирск напишет бессмертные строки:

Мы на этом сеновале
Десять дней околевали...

...Зайдя в ограду, ребята остановились у калитки, с улыбками пережидая, пока закончится сцена свидания бабушки и внучки. Тимур, оказавшись во дворе последним, закрыл калитку на крючок, повернулся лицом к хозяйке и громко её приветствовал:

– Здравствуй, баб!

– О, и Тимочка приехал! – умилилась старуха. – И друзья с вами...

– Это Ольгины друзья – студенты из Новосибирска, – информировал Тимур, подходя к бабушке и чмокая её в щёку. – Ольга вас сейчас познакомит.

– Это Марина, это Саша, это Витя, – начала Ольга процесс представления. – А это бабушка Света. Ребята приехали ко мне в гости из Новосибирска, я и подумала, что неплохо бы им ещё и Елабугу посмотреть, раз есть возможность.

– Ну и правильно, – согласно закивала баба Света. – Тем более мы с внучкой уже целый год не виделись. Тимур-то с родителями на Новый год приезжал, а вот тебя с прошлого года не было.

– Так я с прошлого лета дома не была, – заметила Ольга. – Мы, бабушка, к тебе на недельку.

– Ну, на недельку, так на недельку, – согласилась баба Света, – живите. Места всем хватит: сеновал большой. Можно и дольше...

– Николай! – позвала старуха из дома хозяина, – иди гостей встречать! Оленька с Тимуром приехали!

Из дома вышел невысокий седой старик, опёрся на перила.

– О, да тут целая компания, – пробасил он. – Что ж ты, бабка, гостей во дворе держишь?! Приглашай в дом!

– И то правда, – подхватила бабушка Света. – Тима, Оля, ребята, заходите в дом. Обед не готов ещё, так хоть пирожков с молочком поедите. А уж потом устройством вашим займёмся. Заходите, заходите...

Глава 9

Ребята следом за Ольгой и Тимуром поднялись по ступенькам крыльца и, минова дверной проём, завешанный мар-

левой шторой от мух, прошли в комнату.

– Вот за что люблю частные дома – за тишину, – признался Саша, опуская свой рюкзак в углу комнаты, у старомодного, обтянутого дерматином диванчика. – Свой дом, даже если он возле дороги стоит, всё равно тишину сберегает.

– Да, Саш, ты прав, наверное, – согласилась Наталья, устраивая на полу возле Сашиного рюкзака свои вещи. – Я вот когда у тётки под Куйбышевом бывала, тихо замечала: гудят-гудят машины около дома, дорога-то под самыми окнами, а пройдут – и ти-и-ихо... Только ходики тикают. Вот и здесь так же.

– Это хорошо, – улыбнулась Ольга. – Хоть от городской суеты отдохнём... Ну, пошли за стол пирожки есть.

– Пошли!

...На веранде уже вовсю хозяйничала бабушка: на стол из летней кухни переместилась большая алюминиевая кастрюля с пирожками, из холодильника – трёхлитровая банка с молоком, расставлялись чашки...

– Баб, тебе помочь? – предложила Ольга.

– Без тебя управлюсь, – отмахнулась старуха, – садись вон.

Ольга послушно опустилась на деревянную скамейку, приделанную к боковой стенке веранды. Витька, не дожидаясь особого приглашения, обошёл стол и сел рядом с Ольгой.

– Рассаживайтесь, ребята, – пригласила Оля товарищей. – Вот Витя правильно сориентировался...

– Конечно правильно, – подтвердил юноша. – Не в гостях... Что, если неделю жить будем, неделю вот так вот, как вы, ломаться? Я так не могу.

– Вот это по-нашему! – откликнулся с крыльца дед Коля. – Молодец, хлопец! Смелость города берёт!

– Поздравляю, – прошептал Саша, устраиваясь за столом возле Витьки. – Медаль «За взятие Елабуги» ты уже заработал...

– Баб, а с чем пирожки-то? – спросил Тимур, принявшейся разливать молоко из банки.

– Со щавелем, – ответила вместо бабушки уже жующая сестра.

– Ага, – подтвердила баба Света, – есть с луком и яйцами. Ешьте, ешьте...

Через полчаса кастрюля с пирожками

наполовину опустела, и ребята поочерёдно начали вылезать из-за стола.

– Я, баб, всегда удивлялась, зачем ты так много всякой всячины печёшь: и пирожков, и булочек, – призналась Ольга старушке. – Теперь, кажется, поняла. Гостей ждёшь?

– А как же, – откликнулась баба Света, – и гостей тоже. А вообще это кажется, что много. Стряпня же – не еда. Взял пирожок, откусил кусочек – и нет его. Зато сыт, и готовить больше ничего не надо. Мы с дедом Колей так и живём.

– Точно-точно, – подтвердил старик, – совсем бабка обленилась. Вы бы не приехали – три дня бы не готовила.

– А ну тебя, – баба Света сердито махнула рукой на мужа.

– Ну, перекусили? – обратилась она к ребятам. – Тогда пошли на жительство устраиваться.

...Разместила гостей баба Света очень быстро и без лишней суеты. Зайдя на минуту в дом, она вскоре вернулась обратно с двумя стёгаными одеялами и передала их Тимуру.

– Одно, которое без пододеяльника, вниз постелете, другим – укрываться, – объяснила она будущим квартирантам. – Подушек я вам не даю, всё равно ни к чему – сена под головы подгрёбёте...

– Иди, Тимка, гостям квартиру показывай, – скомандовала она внуку. – Мы пока с девчонками в доме определимся.

– Ну что, пойдёте? – полувопросительно предложил студентам Тимур.

– Пойдём, айда! – почти одновременно откликнулись Витя и Саша.

На сеновал вела широкая деревянная лестница, приколоченная к двум выступающим концам брёвен сруба. Лестница была такой же капитальной, как и вся двухэтажная постройка: с настоящими ступенями из когда-то давно остроганных досок, а не с полочками-перекладками, какие используются при сколачивании лестниц-временок. Чувствовалось, что человек, строивший хлев-сеновал (дед Коля?), никуда особенно не торопился и вкладывал в постройку как данные жизнью знания, так и любовь к труду, плодами которого намеревался пользоваться долгие годы: и брёвна сруба, и доски обшивки от времени почернели.

Тимур, первым поднявшийся по ступенькам, бросил в открытую дверь одея-

ла, затем, взявшись рукой за косяк, перебросил ногу через поперечное бревно и исчез в полумраке помещения. Секунду помедлив, поднимавшиеся следом Саша с Витей последовали за мальчиком.

Глава 10

Темнота сеновала оказалась обманчивой. Когда после яркого солнечного света глаза привыкли к полумраку, ребята поняли, что в помещении не темно, а сумеречно: через щели обшивки пробивались тонкие длинные лучи света. Саша даже подумал про себя, что, пользуясь таким лучом как фонариком, вполне можно читать книгу, лёжа на сене. Однако книги у Саши с собой не было, поэтому он только удовлетворённо втянул носом запах слежавшегося сена, неожиданно для самого себя чихнул и сообщил вслух, что на лучшую квартиру рассчитывать трудно...

...Действительно, сеновал явился очередной вехой в истории Сашиных путешествий. До сих пор ему приходилось жить либо в палатке, взятой с собой на рыбалку (палатку жильём назвать очень трудно), либо в деревенском школьном интернате (в фольклорной экспедиции), то есть оставленном на время чужом доме, либо вообще на вагонной полке. А тут в личное пользование – сеновал. Сухой, тёплый, с бьющими сквозь стены лучами-фонариками.

– Так, ну постель пока стелить, наверное, смысла нет, – высказал Тимур вслух предположение, – времени до ночи еще прорва...

– Нет, знаешь, как сделаем, – предложил Саша, – постель постелем, но пока без простыни, и второе одеяло, которое с пододеяльником, трогать не будем. Получится что-то вроде дивана...

– Вот! – Витька удовлетворённо засмеялся. – И, лежа на этом диване, Саша Захаров будет принимать посетителей! Я ведь тебя, Обломова, насквозь вижу...

– Я, Виктор Сергеевич, не Обломов, а просто человек, умудрённый жизнью, – возразил Саша. – Ты же жизни не знаешь, поэтому целый день прошлындаешь, а потом вечером в потёмках будешь из сена подушку сооружать. Предлагаю вести размеренно-опрятный образ жизни, – закончил Саша своё нравоучительное

высказывание. – Стелите с Тимуром постель, я за вещами пошёл.

– Тимур, за старшего остаёшься! – добавил он напоследок, спускаясь по лестнице.

– Вот, Тима, и этого нахала мне терпеть ещё три года, если, конечно, кого-нибудь из нас не выгонят раньше, – пожаловался Витя мальчику. – Ну давай бери свой край, – скомандовал он, наклоняясь за одеялом.

Через несколько минут вернулся Саша с рюкзаком и Витькиной сумкой в руке. Поднявшись наверх, он перебрал вещи на сеновал и сел на бревно у входной двери, свесив ноги во двор.

– Вить, иди покурим! – позвал Захаров одноклассника.

В середине перекура внизу появились Ольга с Мариной.

– Вот и первые гости, – заметил Витька. – Добрый день, девушки!

– День добрый! – ответила в тон Марина, запрокидывая голову и прикрываясь ладошкой от бьющего в глаза солнца. – Ну, как вы устроились?

– Замечательно! – ответил Саша.

– Это не сеновал, а пятикомнатная квартира по площади, – поддержал Колесников. – Поднимайтесь, посмотрите.

Девушки упрашивать себя не заставили. Одолев лестницу, они остановились в дверях «пятикомнатной квартиры» и принялись оценивающе разглядывать жилище своих спутников.

– Запах замечательный, – дала наконец оценку увиденному Марина.

– Вообще, классное жильё! – уточнил Саша. – Если бы один запах! А площадь?! А интерьер?! Стихи хочется писать!

– Ну и пиши, – посоветовала Ольга. – Слабо о сеновале написать?

– Может, и слабо, а может, и нет. Я подумаю, – пообещал Саша.

– Подумай-подумай, – Ольга согласно закивала. – Мы зачем к вам шли. Бабушка говорит, обед будет часа через полтора. Есть предложение пока по городу прогуляться. Если конкретнее, сходить к дому Цветаевой. Пойдём?

– А что, пойдём! – тряхнул головой Захаров. – Мы когда с Витькой от прогулок отказывались?!

– Никогда! – поддержал Колесников. – Тем более что прогулка не куда-нибудь, а

к дому опальной поэтессы! Впрочем, кто в то время опальным не был...

– Ну, тогда пошли, – решила Ольга, повернувшись и начала спускаться по лестнице.

Глава 11

Около дома к компании присоединилась Наталья, ожидавшая на веранде результатов визита к юношам Ольги и Марины.

– Пошли, Наташ, – окликнула Ольга подружку. – Я же говорила, что наши мальчики никогда от экскурсий не отказываются.

– Если экскурсия намечена не на утро, – поправила Ольгу Марина. – Ты же знаешь, как их утром будить...

– Да уж, знаю! – засмеялась девушка. – Две экспедиционных недели вот так хватило (Ольга провела ладонью на шее): сначала спать не уложишь, потом не поднимешь!.. Кстати, знаешь, что Дима Сафонов начальнику сказал? – спросила она у подруги, когда они были уже за воротами, и снова засмеялась. – Начальник его после утренней побудки в очередной раз выгнать попытался. Ну, знаешь: «Сафонов, вы отчислены из экспедиции...» Дима корчит возмущённую физиономию и говорит кому-то, Олежику Бородину, что ли: «Маразм! Я ехал сюда отдыхать, а здесь невозможно даже работать!» Начальника чуть удар не хватил! Вот курс подобрался!

– Ты наш курс не трогай, – подал голос молчавший до сих пор Витька. – Вам на нас молиться нужно...

И был в какой-то степени прав.

...Не так давно в стране начала набирать ход очередная компания. Призывы «Женщина – на трактор!» и «БАМ – стройка века» сменил новый лозунг: «Мужчины – в школу!» И так как лозунг нужно было претворять в жизнь, на сто пятьдесят учебных мест первого курса филологического факультета пединститута приняли три десятка юношей, а сам факультет срочно переименовали в факультет русского языка и литературы. Как эти юноши, закончив через несколько лет институт, вольются в женские коллективы школ, можно было только предполагать. Пока хватался за головы женский пре-

подавательский коллектив факультета...

– Ну всё, пришли, – неожиданно сообщила Ольга. – Вон тот дом. На углу улицы стоял обыкновенный деревянный дом с резными наличниками на окнах, крытой железом крышей и недавно побеленной завалинкой. Большая мраморная табличка на углу дома выделяла его из череды соседних строений. Перейдя улицу и приблизившись к зданию, ребята прочли на табличке, видимо недавно появившейся, надпись, что в этом доме провела в эвакуации последние дни жизни русская поэтесса Марина Ивановна Цветаева. На калитке висело ещё одно сообщение, написанное уже от руки на вырванном из ученической тетради листке в клетку: «Музей не работает: санитарный день».

– Ну вот, – вздохнула Ольга, – не повезло... Да, впрочем, там и смотреть-то особенно нечего: дом как дом. Цветаева и жила в нём совсем ничего – недели две перед смертью. Мы лучше потом на кладбище, к памятнику сходим... Ну что, обратно пойдём?

– Пошли, – отозвалась Марина. – Нас там уже ждут, наверное... Сейчас только табличку сфотографирую, – добавила девушка, снимая с плеча фотоаппарат. – Вы идите, я догону... Вить, нам туда! – окликнула она задумавшегося студента, указывая рукой на противоположную сторону улицы. – Какой ты, Колесников, рассеянный...

Перейдя улицу, друзья некоторое время шли молча. Наконец, Витька нагнуллся, поднял оброненную кем-то копейку, повертел монетку в пальцах, рассматривая год выпуска, затем опустил в карман.

– 1971-й, – сообщил он, догоняя ребят, – я как раз во второй класс пошёл. А Цветаевой уже 30 лет не было, – добавил Витька после паузы. – Нет, я всё-таки не могу понять, как человек сам принимает решение о том, что ему больше не нужно жить...

– Видишь ли, Витенька, человеческое сознание – такая сложная вещь, что до конца в нём, наверное, никому не разобраться, – вздохнула Ольга. – Давайте попробуем смоделировать ту ситуацию, в которой оказалась Цветаева в конце лета 41-го, – добавила девушка, обращаясь к спутникам. – Даже исходя из того, что нам известно, а известен нам мизер, ситуация кошмарная. Идёт война. И Германией, и

Россией управляют люди, одно упоминание о которых не может вызывать у Марины Цветаевой ничего, кроме чувства отвращения. Российским правительством изломана и её жизнь, и жизнь её близких. Но война-то называется Отечественной, и воюют не правительства, а народы! Вот в гуще одного из этих народов Цветаева и оказывается, уехав в эвакуацию. Уехав не в гости, как мы с вами, а жить! И для того, чтобы было на что жить, русская поэтесса Марина Цветаева вынуждена работать в столовой посудомойкой. Это одна сторона, теперь вторая. Представь, Вить, что однажды утром к тебе в дом приходит милиционер, приводит с собой человека с двумя чемоданами и сообщает, что этот человек будет у тебя в доме жить, не оговаривая при этом сроки. Ты, Вить, человек добрый. Ты можешь оценить и складывающуюся ситуацию, и человека, которому нужен какой-то кров. Но в восторг-то ты тоже не приходишь.

– Вот, – подал Саша реплику. – А немцы наступают...

– Нам, кстати, всем ещё предстоит нечто подобное после института, – провела неожиданную параллель Марина. – Вы же видите, что происходит, – принялась она развивать свою мысль. – Все девчонки в институте или стремятся выскочить замуж до его окончания, или, по крайней мере, распределиться в родную деревню. Почему? Да потому, что человеку, в особенности женщине, нужен дом. Психологическая крыша, под которой он может расслабиться. Я в школе, понятно, ещё не работала, но девчонки приезжают в общежитие, рассказывают. Школа в чужой деревне – это ад. С утра – дети. Вам уже говорили на лекциях, что ребёнок – это зеркало семьи? – повернулась девушка к Саше. – Нет? Ну, ещё скажут. Ликбез на первом курсе кончился, скоро специализация начнётся...

– Так вот, – продолжила Марина прерванную мысль. – С утра в школе – дети, после обеда – печка, кухня, тетради, планы, плюс визиты старших неженатых братьев учеников. А бежать тебе некуда, и защитить, кроме сельсовета, некому. Поэтому поездка по распределению – целая проблема. Для меня уже актуальная. В деревне, милые мои, будет рваться внутренняя нервная оболочка. Но, в отличие от Цветаевой, я буду знать, что через три

года это кончится: я доработаю положенный срок и поеду домой.

А что могла знать Марина Цветаева, лишившаяся мужа, дочери и вырванная из своего круга, в конце лета 1941 года? Кроме того, пожалуй, что подлецы, столкнув два народа, делят власть над миром и что отечественные подлецы в этой делёжке пока не на высоте.

– Интересная трактовка исторических событий периода Великой Отечественной войны, – ехидно заметил Саша. – Ну, продолжай-продолжай...

– Да я уже, собственно, закончила, – буркнула Марина, сердито поджимая губы. – Не обижайся, Саша, но пацан ты ещё...

– Ну ладно, – миролюбиво пожал плечами юноша, – пускай пацан, пускай хуже Витьки, но стихи-то хорошие пишу?

– Стихи хорошие, – улыбнулась Марина.

– Ну и слава Богу! – Саша довольно разулыбался. – А остальное приложится: и повзрослею, и постарею, и умру, наконец. Ты только события не торопи.

– Ладно, не буду, – с улыбкой пообещала девушка. – Всё, пришли, кажется.

Глава 12

Ребят уже ждали. Едва только молодёжь, миновав калитку, очутилась во дворе, дед Коля, сидевший на веранде и, видимо, по совместительству нёсший караульную службу, оторвался от газеты, которую до того читал, и громко сообщил старухе, находившейся в летней кухне, что компания вернулась.

В следующий момент баба Света оказалась в дверях строения, с улыбкой повернулась к калитке и весело спросила у столпившихся во дворе квартирантов:

– Ну что, молодёжь, нагулялись?!

– Ты, бабушка, как капитан на капитанском мостике! – весело откликнулась Ольга. – Вахту несёшь?

– А как же?! – удивилась баба Света. – Вы же мои гости! Не дай Бог скажете потом: «Баба Света плохо встретила».

– Ну что ты, баб, в самом деле?! – Ольга сердито пожалала плечами. – Кто скажет-то?!

– Ладно-ладно, – примирительно проворчала старуха, – это я так, к слову...

– Давайте мойте руки, – распоряди-

лась хозяйка. – И пусть девчонки мне помогают на стол накрывать: я вас ухой кормить буду. Дед, ты бы пересел куда-нибудь, а то разложил свои газеты на столе... Что, другого места не нашёл, сесть больше некуда?

Дед Коля проворчал что-то по поводу того, что всё равно куда ни сядь – окажешься для жены помехой, собрал газеты и перебрался на другой край веранды. Девушки, подчиняясь требованиям хозяйки, направились к умывальнику. Витя же, Саша и Тимур на какое-то время оказались не у дел.

– Что, может, пойдём в наш номер? – кивнул Витька в сторону сеновала. – После позовут.

– Не выдумывай, – решительно заявила Ольга, выходя из комнаты с полотенцем в руках и продолжая вытираться. – Сейчас девчонки выйдут – пойдёте помоеете руки и усаживайтесь за стол: обедать будем. Мы сейчас быстро соберём!

– Всё это хорошо, Оль, – удержал Витька девушку, направившуюся было к летней кухне, за локоть, – но я с тобой поговорить хотел. Нас что, вот так вот и будут кормить, пока мы не уедем? – задал он становящийся актуальным вопрос. – Тут ведь никакой пенсии не хватит... Вы бы с Маринкой хозяев-то субсидировали...

– Садись-садись, – кивнула Ольга на скамейку возле стола, – потом поговорим...

В дверях дома появилась Наташа.

– Оль, полотенце-то отдай, – напомнила она.

– Ой! – спохватилась девушка. – Что-то я совсем думать перестала! Вам же с Мариной тоже вытираться нужно! На, держи!

Наташа с полотенцем в руках снова скрылась за дверь и через некоторое время появилась на веранде уже вместе с Мариной.

– Ну, прошу, молодые люди! – весело пригласила девушка.

– Пошли, Витька, умоемся, – негромко предложил Саша товарищу, – всё равно не отстанут...

– Ты, Тимур, не улыбайся, не улыбайся, – посоветовал он мальчику, – иди первым, дорогу будешь показывать.

...За то время, которое ребята провели в доме, занятые гигиеническими процедурами, стол на веранде начал пре-

ображаться: появились большая суповая кастрюля и плетёная вазочка с нарезанным хлебом.

– Рассаживайтесь, – скомандовала Ольга, расставляющая на столе тарелки, появившимся из комнаты парням.

– Может, вам помочь чем-нибудь? – предложил Саша, подходя к столу.

– Помощь от вас требуется одна: не мешаться, – махнула рукой хозяйкина внучка. – Садитесь вон...

– Ладно, моё дело – предложить, – проворчал студент, опускаясь на скамейку возле стола.

Так как друзья помогали, то есть не мешали девушкам весьма добросовестно, на стол вскоре было собрано, и поступило предложение перейти к трапезе.

– Ну, давайте потрапезничаем, – благожелательно склонил голову Витька. – Неплохо было бы и хозяев за стол пригласить.

– Как, баб Свет? – спросил он поднимающуюся по ступенькам крыльца старуху.

– Да что вы?! Куда нам, старикам, с вами, молодыми. Ешьте-ешьте, – отмахнулась баба Света.

... Уха из свежей волжской рыбы, приправленная зеленью с огорода, была выше всяких похвал, так что Ольга, принявшая на себя старшинство за столом, даже не стала спрашивать, требуется ли добавка, а просто переставила кастрюлю с края стола на его середину и добавила во в скором времени опустевшие тарелки ещё по поварёшке пахучего варева.

Наконец Витька, облизав ложку, опустил её на стол, сообщил, что, похоже, объелся и что ему просто необходимо принять горизонтальное положение, и поднялся из-за стола.

– Вить, а чай? – спросила Ольга.

– Не хочу, отмахнулся Витька. – Вы пейте, я уже всё. Разве, может, попозже. Спасибо, баба Света, уха потрясающая!

Глава 13

– Ну, вольному – воля, – бросила Ольга вслед Вите Колесникову, удаляющемуся по ведущей к сеновалу тропинке, затем принялась составлять в стойку грязные тарелки.

– Да ты иди, Марин, я сама всё сде-

лаю, – остановила она вызвавшуюся было помочь подругу. – А впрочем, пойдём со мной, сможешь чашки принести.

Через минуту девушки, собрав грязную посуду, скрылись за дверями летней кухни. Витька в этот момент как раз поднялся по лестнице и, махнув оставшимся за столом, шагнул на сеновал.

– Дезертир, – бросил Саша с притворной обидой в голосе. – Правда, Наташ?

Наташа засмеялась:

– Тебе нужно с ним, как с предателем...

– Разберёмся, – пообещал Саша. – Как с предателем и поступим.

На пороге летней кухоньки вновь появились Оля с Мариной. Первая с двумя чайниками – простым и заварочным, вторая с горой чашек и старинной фарфоровой сахарницей.

– Пойду девчонкам помогу, – решила вслух Наташа.

– Сиди, – распорядился Захаров и поднялся было из-за стола, но после того как Марина громко отказалась от его предлагаемой помощи, опустил обратно.

– И эти отвергли, – пожаловался он Наталье. – Просто полоса какая-то...

– Не бери в голову, – улыбнулась девушка. – Сейчас чай попьём – к вам в гости пойдём.

– Пойдём, – Саша удовлетворённо кивнул. – Колесников уже скучает, наверное...

Заканчивающее обед чаепитие прошло в относительном молчании, если не считать Ольгиного замечания о том, что без Витькиных купеческих замашек и чай не чай... Наконец, с заключительной фазой обеда было покончено. Девушки, пообещав Саше с Тимуром в скором времени навестись в гости, принялись убирать со стола, ребята же по тропинке, протоптанной мимо летней кухоньки, направились к своему жилищу. Из дверного проёма на втором этаже строения высунулась Витькина голова и сообщила, что она приветствует «уважаемых».

– Взаимно, – отвечал Саша, поднимаясь по лестнице.

– Сейчас девчонки в гости придут, – проинформировал он друга, усаживаясь возле Витькиной головы. – Отползай, дай Тимурю пройти.

Витька послушно откатился от входа, пропуская мальчика, затем, вернувшись на исходную позицию, спросил:

– Ну, как чай?

И следом, не дожидаясь Сашиного ответа, поинтересовался:

– Чем заниматься-то будем? Планы какие?

– Сейчас – отдыхать, – засмеялся Саша. – Ты сам говорил, что можешь существовать только в горизонтальном положении. Я, честно говоря, тоже. На сегодня приключений хватит, а завтрашние обсудим, когда девчонки в гости придут.

Длинная речь Сашу, видимо, утомила, поэтому он замолчал, перебрал тело через порог и улёгся рядом с Витькой.

Так они и лежали до появления внизу прекрасной половины их фольклорно-туристической группы. Наконец, на тропинке, ведущей к постройке, показались девушки: впереди Ольга, сзади, чуть поотстав, Наташа с Мариной.

Неожиданно Саша, некоторое время наблюдавший за движением будущих посетителей к их сенной резиденции, как окрестил сеновал Витька, звучно расхохотался.

– Вить, ты посмотри, – ткнул он в бок однокурсника, – как на день рождения идут! Только цветов с собой нет!

Торжественно-солидное движение девушек, в какой-то миг почувствовавших себя приглашёнными если не на день рождения, то, по крайней мере, в гости, в самом деле выглядело комичным. И Ольга, мгновенно поняв причину Сашиного веселья, подняла вверх голову, погрозила кулаком и громко пообещала:

– Ты, Захаров, сейчас досмеёшься!..

Угроза, как и следовало ожидать, вызвала новый приступ веселья – теперь уже всех обитателей «сенорезиденции», что несколько расстроило «женские ряды», потому подъём по лестнице прошёл не так торжественно, как этого можно было ожидать. Человек устроен так, что если ему не известна причина веселья других людей, он начинает искать эту причину в себе. А кому хочется быть смешным?..

– Ну, как вы тут устроились? – перебарывая состояние собственного смущения, вызванного дурацким смехом, поинтересовалась внучка хозяйки сеновала, первой перешагивая перегораживающее вход бревно.

– Замечательно, – заверил Саша, перебравшийся после начала подъёма

девушек по лестнице на расстеленное Витькой и Тимуром одеяло.

– Ну, что я говорил?! – повернулся к мальчику Колесников. – Обломов...

Тимур молча улыбнулся. Саша же подозрительно покосился на однокурсника, затем подвинулся на середину одеяла и с лёгким возмущением предложил:

– Ложись, пожалуйста. Я тебе что, не даю?..

Глава 14

В ответ на Сашино предложение Витька соорудил такую удивлённо-возмущённую гримасу, что присутствующие покатались со смеху. Марина же, подойдя к освободившемуся краю одеяла, опустила на него, вытянула ноги и предложила:

– Садитесь, девчонки, не стоя же разговаривать...

Ольга с Наташей, не заставив себя упрашивать, расселись на одеяле рядом с Мариной...

– Планёрка будет? – догадался Саша. – Вот, Витька, говорил тебе, ложись рядом. Теперь садись, где стоишь...

– Слушай, Захаров, – посоветовал Витя Колесников, усаживаясь на бревно, – не навязывай свой образ жизни... Он, Наташа, даже в экспедиции на планёрках за спиной начальника прилечь норовил: мировосприятие такое. У Захарова и стихи по этому поводу есть. Как там, Сашка? – спросил Витя, заглядывая через плечо Марины.

– Ты приходи с приятелем, Мировосприятие.

Село в кресло вместе с ним:

«На троих сообразим?»

До чего приятное

Мировосприятное! – гордо процитировал Саша.

– Вот, – удовлетворённо кивнул Колесников. – Что я говорил? Иди, Тимур, ко мне, – позвал он мальчика, устроившегося где-то в глубине сеновала, – надо, чтобы все в куче были – разговаривать легче...

– Что ты, в самом деле? – Саша недоброливо приподнял голову. – Пусть лежит, где хочет. Что за тяга к коллективизму?

– Это ты лежишь, – возразил Виться. – Тимур сидит...

– Ну, сидит. Это что, принципиально?

– Да ладно, не спорьте, – подал голос десятиклассник. – Я лучше пересяду.

Тимур, пошелестев сеном, выбрался из полумрака в освещаемое солнцем пространство, поискал глазами, где бы устроиться.

– Иди, Тим, садись, – позвал Витька, отодвигаясь в сторону, чтобы освободить возле себя место.

Тимур, следуя призыву, подошёл и опустил на бревно.

– Мы, вообще-то, в гости пришли, – просто сказала Ольга. – Но хотите планёрку, давайте планёрку проведём...

– Только, Оль, без официоза, – предложил Саша серьёзным голосом, – просто прикинем, чем заниматься будем. Какие планы-то?

– Ну, сегодня уже, наверное, всё, – заметила вместо Ольги Марина. – И даже больше того: дорога, цветаевский дом. А вот завтра...

– Завтра выходной, – быстро сказал Витька. Так быстро, что Тимур рядом едва не расхохотался.

– Сейчас каникулы, а в каникулы я так быстро жить не могу, – пояснил Витька свою мысль. – Мне осенью ещё старославянский сдавать...

– Готовиться будешь? – ехидно поинтересовался Саша.

– Нет, сил набираться, – объяснил сокурсник.

– Ну хорошо, – улыбнулась Ольга. – Давайте завтра устроим разгрузочный день. Только одно предложение: сходим в музей Шишкина, а?

– В музей сходим, – пообещал Витька. – К искусству я равнодушен, а живопись люблю в особенности...

После Витькиного признания Саша, убрав голову за спины девушек, подозрительно хрюкнул, но от комментария воздержался. Тем не менее Витька, приподнявшись с бревна, вытянул голову в его сторону и поинтересовался:

– Ты, Захаров, чего хихикаешь да ещё за женскими спинами?..

– Ребят, давайте серьёзней, – предложила Марина. – Практика, понятно, в прошлом, мы вольные птицы, но планёрка есть планёрка. Зачем ехали-то?

– Ладно, – согласился Саша, садясь на одеяле, – давайте серьёзно.

– Ты бы, Саня, пересел куда-нибудь,

– предложил Витька. – А то девчонки затылками-то тебя не видят...

– Иди, Саша, садись, – предложила Наталья, пододвигаясь к однокласснице.

Захаров послушно поднялся и сел на освободившееся место.

– Всё, – вздохнул он. – С чего начали, к тому и пришли: планёрка.

– Не нами заведено, не нам, видно, и отменять, – пожал плечами Марина. – Ну а как, Саша, ещё общие дела решать? Только всем вместе и без официоза.

– Да я что, против, что ли? – пожал плечами юноша. – Давайте решать...

– Значит, завтра – отдых и в музей Шишкина, – подвела Ольга предварительный итог спонтанному планированию будущей жизни. – Ну, а послезавтра?

– Предлагай, – обронил со своего бревна Витька. – Тебе виднее...

– Можно в деревню сходить, – подняла голову девушка и вопросительно посмотрела на соседку. – Ближе других Танайка – километров семь от Елабуги. Как думаешь, Марин?

– Я – за.

– Ну, значит, решено, а дальше видно будет. Ну, всё пока? Пойдёмте тогда во двор, что в потёмках сидеть?

– Подожди, – подал голос Саша. – С жильём мы вроде разобрались. – Для убедительности он развёл в стороны руки, затем снова опустил их на колени и усмехнулся. – Теперь давайте разбираться с питанием.

– Да-да, – встрепенулся Витька. – Я давно хотел сказать...

– Ребята, предоставьте это дело мне, – решительно потребовала Ольга. – Деда Коля и баба Света – наши с Тимуром дедушка и бабушка. Мы со своими друзьями приехали к ним в гости. Ну и чувствуйте себя, как в гостях!

– Всё это, конечно, хорошо, но я, видишь ли, с детства чрезвычайно меркантилен, – сообщил Витька.

– Да, ты знаешь, любая халява должна иметь свои пределы, – поддержал друга Саша.

– Знаете что, друзья дорогие! – Ольга, наконец, рассердилась. – Не лезьте не в своё дело. Надо будет – и денег бабушке дадим, и поесть приготовим, и по дому поможем. Всё? Тогда пошли на свет.

Глава 15

Не дожидаясь товарищей, Ольга перешагнула бревно, служащее для обитателей чердака то порогом, то ступенькой, то сиденьем, и принялась спускаться по лестнице. Марина с Наташей тоже вслед за подругой поднялись с расстеленного на сене одеяла, призванного до наступления сумерек заменять Саше привычный домашний диван, стряхнули прилипшие у одной к джинсам, у другой к вельветовым штанам травинки и тоже направились к выходу.

– Ну давайте спускайтесь следом, – обернулась Марина к ребятам, прежде чем ступить через порог.

– Поднимайся, Саша, поднимайся. Дома будешь валяться! – потребовала она у только что улёгшегося на своё место Захарова. – Ну ужас просто...

– Марин, вы спускайтесь, мы чуть позже, ладно? – предложил Витька, присаживаясь к Саше. – У нас с Саней ещё процесс пищеварения не закончился, – пояснил он, устраиваясь рядом.

...Остатки дня прошли без особыхключений. Пережив на сеновале тяготы и треволения дня минувшего, а также громадѣ планов дня будущего, следующего вслед запланированному выходному, ребята спустились по лестнице во двор.

Девчонки сидели и пили чай на веранде и приветствовали появление мужской части коллектива громкими одобрительными возгласами, можно было бы назвать возгласы восторженными, но этот эпитет чрезмерно приукрасит действительность, а потому назовѣм реакцию девушек одобрением.

– Витя, Тимур, Саша! С нами чай пить! – пригласила Марина к столу появившуюся внизу компанию.

– Ну ладно, по стаканчику, – согласно наклонил Саша голову. – Тимур, Витька, садитесь к столу...

– Вы пока рассаживайтесь, я сейчас ещё чашки принесу, – пообещала Ольга, спускаясь с крыльца и направляясь в сторону кухни.

Потом пили чай, пока из дома не вышла баба Света и не позвала ребят смотреть по телевизору фильм про «военную любовь». К концу фильма за окнами дома

показалось возвращающееся с пастбища стадо, и баба Света, оставив ребят у телевизора, отправилась встречать вернувшуюся домой скотину и доить корову.

– Ну что, пойдѣм, наверное, к себе, – предложил Витька, когда фильм кончился и на экране телевизора принялись мелькать титры.

Когда Саша мальчишкой на выходные выезжал с родителями за город, его отец всегда упаковывал в рюкзак толстое ватное одеяло, такое же одеяло брала и Сашина мама. С наступлением сумерек от реки или озера, возле которого разбивался лагерь, начинало тянуть промозглой сыростью, и только яркое пламя костра напоминало о тепле минувшего дня. Потом, когда угли в костре подѣргивались серым налѣтом пепла, семья забиралась в палатку и, спасаясь от полуночного холода и полчищ лесных комаров, с головами укутывалась в принесѣнную из дома защиту. Спали, понятно, не раздеваясь. «Сибирь-матушка, – говорил Сашин отец. – Царь знал, куда революционеров ссылаť...» Кстати, уже лет через десять после нынешней поездки в Елабугу Саша узнает и поймѣт, что сосланные царѣм революционеры жили в Сибири не так уж и плохо...

...Поднявшись на сеновал, ребята первым делом, пока ещё не окончательно стемнело, осуществили превращение Сашиного «дневного дивана» в «ночную трёхспальную кровать», то есть постелили на расстеленное на сене одеяло отложенную накануне простыню. После чего Витька с Сашей уселись покурить на сон грядущий, Тимур же, сняв через голову наполовину расстѣгнутую рубаху, принялся раздеваться...

– Не замѣрзнешь? Озабоченно поинтересовался Саша, в чьей памяти мгновенно всплыла «форма одежды» его детских загородных поездок.

– Нет, – махнул рукой мальчик, – полночи такая же теплынь будет стоять, а под утро просто укроемся получше...

– Ясно, – кивнул студент и, вспомнив отцовское высказывание о Сибири, добавил: – Средняя полоса... Ладно, будем ложиться.

...Ночь прошла, как и предсказывал Тимур. Когда уже совсем рассвело и друзья начали было совещаться о том, не

пора ли покинуть постель и вылезти на свет божий и кто первым это сделает, в дверном проёме показалась Ольга.

– Ну как вы тут? Не замёрзли? – весело поинтересовалась девушка, останавливаясь на одной из ступенек лестницы.

– А что, разве у вас ещё и замёрзнуть можно? – поинтересовался Саша, поднимая голову. – Никогда бы не подумал!

– Ладно, спускайтесь чай пить, – улыбнулась девушка. – Тоже мне, сибиряки... Тимур вон одеться уже успел. Давайте, идите умываться, мы ждём.

Ольгина голова в дверях исчезла.

– Ну что, Витька, давай, что ли, действительно подниматься. – предложил Саша.

– Хорошо, – немедленно согласился товарищ. – Вставай, я следом.

– Я тебе дам «следом», – пообещал Саша.

– Раз, два, три, – принялся он считать.

Потом, сообщив, что время кончилось, поднялся на ноги, попутно сбросив с Витьки одеяло... Витька, естественно, тут же заявил, что Захаров не кто иной, как подлец, что он с мерзавцем при случае рассчитается, что встанет только потому, что уже выспался, что...

Впрочем, довольно долго перечислять всё, что говорил в это утро Витя Колесников, натягивая измятую было, но отвисшую за ночь на чердачной двери рубаху. Да стоит ли?

Через несколько минут ребята уже плескались под водопроводной струёй возле входа в летнюю кухню.

Глава 16

– Вот. Умылся – как заново родился. Народная мудрость. – говорил Саша, уступив место у крана Тимуру и насухо вытирая лицо цветастым махровым полотенцем.

– Саша Захаров – кладёшь народной мудрости, – с иронией констатировала появившаяся из-за угла кухни Ольга. – Что это тебя с утра пораньше на афоризмы потянуло? Кстати, полотенце из рюкзака мог бы и не доставать, – добавила девушка, критически посмотрев на студента. – Нашли бы, наверное, чем вытереться...

– У Пушкина есть гениальное произведение под названием «Барышня-

крестьянка», а тебя я отныне буду звать «внучка-хозяйка», – продемонстрировал Саша своё знание классической литературы.

– Bravo! – парировала Ольга. – Ты бы ещё русский язык в институте по три раза не сдавал – цены бы тебе не было!

– Давайте заканчивайте водные процедуры и садитесь за стол, – скомандовала она всей компании, – завтракать будем.

– А что на завтрак? – спросил Тимур повернувшись, чтобы уйти, сестру.

– Яичница с творогом, – сообщила Ольга, не оборачиваясь.

Девушка скрылась за углом кухни. Тимур, перестав, наконец, плескаться под струёй бегущей воды, закрутил кран и вытерся краем переброшенного через плечо полотенца.

– Знаете, идите за стол, а то девушки обижаться будут, а я полотенца на сеновал отнесу и тоже подойду, – предложил мальчик.

– Вот Тимур как всегда прав, – заметил Колесников. – Чего нам всем по лестнице бегать?

Саша молча усмехнулся Витькиным словам, однако противоречить не стал и протянул Тимуру мльницу с полотенцем.

– Пошли, – кивнул он на тропинку, сворачивающую за угол строения, – тунядец...

...Завтрак прошёл быстро и без лишней, ставшей уже привычной болтовни. Наконец, девушки принялись убирать со стола, ребята тоже поднялись со своих мест и собрались было пойти к себе на сеновал перекурить...

Дом-музей Шишкина, подобно дому-музею Цветаевой, оказался одноэтажным деревянным домом под железной крышей и с мраморной табличкой на стене. Различие состояло лишь в том, что дом когда-то действительно принадлежал самому художнику, а не был местом вынужденного прибежища опальной поэтессы. Впрочем, местные культурные работники, похоже, не делали различия между двумя выдающимися земляками. В самом деле, какое право имеют потомки осуждать или превозносить живших ранее людей, если эти люди внесли несомненный вклад в сокровищницу национального искусства? Никакого права.

Так или примерно так думал Саша, прохаживаясь вместе с друзьями по комнатам и останавливаясь то перед висящими на стенах полотнами, то перед украшенной изразцами печью. Пройдя по комнатам, ребята вернулись обратно в прихожую, где на столе у смотрительницы музея, женщины лет тридцати, лежала толстая в кожаном переплёте книга отзывов посетителей.

– Можете засвидетельствовать своё присутствие, – сообщила Ольга Вите с Сашей.

– Непременно, – заявил Витька, подвигая книгу и доставая из нагрудного кармана рубахи ручку.

– А в книге есть ручка, – сказала смотрительница.

– Благодарю, я своим пером, – остановил Витька женщину, подвинул к себе фолиант и написал размашистым почерком: «Смотрел картины проездом из Новосибирска. Очень качественно!» После чего спрятал ручку обратно и подвинул книгу товарищу, который хотел было заметить, что ручку можно было бы не прятать, но не стал этого делать, а воспользовался той, что только что предлагала хранительница.

Сашина запись в книгу тоже, как и Витькина, несла незримый колорит, или, вернее, отпечаток колорита студенческой жизни и присущей Саше иронии: «Любовался картинами художника Шишкина. Обольщён».

Женщина-смотритель пробежала глазами обе записи и улыбнулась.

– Ну вот, будет о чём дома рассказать...

– Да, – кивнула в ответ Марина. – Это уж точно. Спасибо. Правда, интересная экскурсия. До свидания.

– До свидания, – улыбнулась смотрительница.

Глава 17

Спустившись с крыльца. Ребята некоторое время постояли кучкой в ограде дома-музея, затем, миновав калитку, вышли на улицу и неторопливо двинулись по тротуару в сторону центра.

– Ну, и как вам приобщение к искусству? – спросила Наташа, оборачиваясь к чуть приотставшим друзьям. – Понравился музей?

– Понравился, – ответил Витька утвердительно. – Я же написал: очень качественные картины...

– Нет, правда? – девушка посмотрела вопросительно теперь уже на Сашу.

– Ну что тебе, Наташа, сказать? – ответил юноша вопросом на вопрос, поднял глаза на Ольгину одноклассницу и улыбнулся. – Хороший музей.

– Нет, правда, хороший, – повторил он, видя, что Наташа не вполне удовлетворена его ответом. – Всё по теории.

– По какой, Саш, теории? – теперь заинтересовалась уже Ольга. – Ну-ка, ну-ка...

– Давай, Захаров, колись, – посоветовал идущий рядом сокурсник.

– По теории Саввы Морозова, – пожал Саша плечами. – «Любят в России покойников».

– Вы же видите, что делается, – начал он говорить уже с жаром. – Цветаева жила в Елабуге две недели, но из случайной квартиры-прибежища делается дом-музей, потому что в этом доме когда-то жила и даже – главное! – умерла известная русская поэтесса.

Из дома, когда-то принадлежавшего известному художнику, создаётся музей. Потому что это дом самого Шишкина! А сколько по России-матушке людей, которые и стихи пишут не хуже Цветаевой, и картины, может быть, могут создавать не хуже, чем Шишкин!

– Могут или создают? – уточнила Марина.

– Могут, – Саша в ответ усмехнулся. – Они бы создавали, но обязательный восьмичасовой рабочий день мешает...

– Ну, тут я с тобой, Саша, не согласна, – повернулась Наталья. – Существуют же и известные современные поэты: Евтушенко, Вознесенский... да и в каждом городе...

– Ну, и сколько им стен пришлось головой пробить? – усмехнулся Саша. – Не одну и не две... А скольким подлецам улыбнуться пришлось? Высоцкий вот не хотел улыбаться, ну и хрипел в микрофон до смерти, а книжки так и не было ни одной. А, не хочу говорить...

– Вон продовольственный магазин. Зайдём, продукты в дорогу посмотрим, – предложила Марина, когда компания поравнялась с универсамом.

– Действительно! Пойдёмте! – под-

держала Ольга. – Я что-то сразу и не подумала. Завтра же на целый день в деревню уходим, а накормят где-нибудь или нет, ещё вопрос. Будем целый день по дворам голодные ходить: у бабы Светы, кроме молока, и взять-то с собой, наверное, нечего...

...В гастрономе, впрочем, тоже брать особенно было нечего, если не считать консервированной ставриды, минтая, бланшированного в масле, и традиционного «Завтрака туриста», баночками которого были, похоже, заставлены полки всех продовольственных магазинов страны.

Жизнь в студенческом общежитии, однако, учит многому, и если правда то, что бывалый солдат умеет варить суп из топора, то уж студенту довольствоваться ассортиментом продуктов, предлагаемых советской торговлей массовому покупателю, сам Бог велел. Немного посоветовавшись, девушки решили, что приготовят с собой в деревню форшмак – национальное блюдо еврейской кухни на российский лад: рыбные консервы, сваренные вкрутую яйца, лук и сливочное масло перекручиваются на мясорубке, а получившийся в результате паштет намазывается потом на хлеб, отварят свежей картошки и попросят у бабы Светы банку молока. Сделав необходимые покупки, компания снова оказалась на улице...

...Вторую половину дня, как и намечалось, занимал свободный досуг коллектива. Витя с Сашей отлёживали бока (если в данном случае уместно это определение) в своей «сенной резиденции», сначала просто так, потом Витя попросил Тимура принести гитару. Девчонки собирали в дорогу сумку с продуктами: варили картошку и крутили на мясорубке купленные консервы и яйца. Тимур, периодически появляющийся то в одном, то в другом лагере, и здесь оказался крайним: был послан в булочную за хлебом, который, кстати, вполне можно было бы купить утром, по дороге. Однако Ольга в своём стремлении довести дело до конца не пожалела бы и родного отца, не то что младшего брата. Тем более что отправить в магазин «отдыхающих» не было никаких шансов, а обе подруги были заняты. Впрочем, копка картошки и

приготовление еды в предстоящую дорогу заняли, наверное, не намного больше времени, чем потребовалось автору для того, чтобы упомянуть о них. Выходной-то был объявлен для всех. Вот и девушки, собрав сумку с провизией, начали отдыхать: сначала внизу, за книжкой или около телевизора, а потом на сеновале, куда они в конце концов решили подняться, чтобы послушать Витькины песни под гитару и попеть самим.

Ох, то не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...

Часть III

Глава 1

Утро началось с насилия. Часов в семь на лестнице, соединяющей сеновал с внешним миром, послышались шаги. Достигнув верхней точки подъёма, звук шагов преобразовался в звонкий Маринин голос, сообщивший, что друзьям пора вставать, потому что: «их ждут великие дела», «завтрак на столе» и что «автобус от автовокзала, до которого ещё нужно добраться, отправляется через полтора часа»...

– Уйди, а? – попросил Витька, высывая кончик носа из-под одеда. – Сейчас встанем.

– Вот ведь какая вредная девка! – пожаловался юноша, отбрасывая одеяло и поднимаясь на ноги. Пожаловался однокурснику, с тем, впрочем, расчётом, чтобы спускающаяся вниз Марина услышала его слова. Она и услышала.

– Ты, Колесников, договоришься, – пообещала девушка уже откуда-то снизу, однако по интонации, с которой произносилась угроза, чувствовалось, что Марина не сердится, а смеётся. – Сурок...

– Мало того что разбудила, ещё и обзывается! – ворчал Витя, натягивая брюки.

– Ну, ты скоро? – поинтересовался Саша, протягивая Тимуру свёрнутое одеяло «для укрывания».

– Я вообще уже всё, – сообщил Витька, сунув ноги в стоящие рядом с постелью туфли, – пошли умываться...

– Сейчас пойдём, – пообещал Саша.
– Простыню нужно убрать?

И, не дожидаясь Витькиного ответа на вопрос, ответил на него сам:

– Нужно...

...Спустившись во двор, ребята направились к крану торчащего возле кухни летнего водопровода. Из глубины двора налетел неожиданный порыв ветра, и Витя Колесников зябко поёжился.

– Смотри, а прохладно, – поделился он своим наблюдением. – Вы как хотите, а я с собой в деревню штормовку возьму.

– Бери, – пожал Саша плечами. – Солнце встанет, сам будешь в руках таскать. Верно, Тимур?

– Точно-точно, – подтвердил десятиклассник. – Ещё и вместе с рубахой... Я же вам говорил, у нас летом, если, конечно, погода летняя, действительно прохладно только утром, пока солнце не встало. На сеновале этого не чувствуется, там тепло как будто в траве сохраняется...

– Ладно, ты особенно-то не хвастайся, – усмехнулся Саша. – У меня бабушка на Украине живёт, так там прохлады, по моему, вообще не бывает, а день от ночи только освещением отличается... Ну всё, умылись? Пошли за вещами.

«За вещами» – сказано было чересчур громко, потому что «вещи», которые брались с собой в деревню, или, как фанонисто выражалась Марина, «в поле», состояли из блокнота, ручки и пачки сигарет. Сумку с продуктами молодым людям нести не доверяли, фотоаппарат же был Марининым инструментом.

– Ну, всё? – встретила возле лестницы спускающихся вниз ребят Марина. – Готовы?

– Готовы, – ворчливо ответил за всех Витька и посмотрел на бывшего начальника с некоторым вызовом. – Вопросы какие-то...

– Что-то вы быстро сегодня, – то ли удивилась, то ли похвалила девушка. – Ладно, пошли завтракать.

– Марин, ты же знаешь, что я, например, в такую рань есть не могу, – вздохнул Саша. – Стакан чая – и всё...

– Ну, чая попьёте, – согласилась Сергеева. – Пошли-пошли...

Ольга с Наташей уже сидели за столом

на веранде и приветствовали основную часть компании улыбками и чуточку хриплыми со сна пожеланиями доброго утра. Юноши, вразной ответив на приветствие, заняли за столом свои вчерашние места. Однако, как и предсказывал Саша, есть никто не стал. Мало того, Витька и чай пил, как обыкновенный студент, прихлёбывая из чашки, как будто на время забыл дореволюционные купеческие зачатки. Вскоре, впрочем, с чаем было покончено. А ещё несколько минут спустя ребята шагали по пустынной пока улице в сторону автовокзала.

– Прямого автобусного рейса до Танайки нет, – рисовала на ходу Ольга диспозицию. – Поэтому добираться будем таким образом: проедем одну остановку на автобусе, идущем по трассе в другие сёла, вылезем – и напрямки километра четыре. Танайцы, у кого своего транспорта нет, все так до Елабуги добираются... Вопросы имеются?

– Вопросов не имеется, – ответил за всех Саша. – «В полях, где ветер веет от земли...» Пешком – так пешком... Скоро автовокзал-то?

– Да, считай, уже пришли, – ответила Ольга, поправляя упавшие на глаза волосы. – Вон видишь каменное здание? За ним площадка, на которой автобусы останавливаются. Так что скоро поедем...

Через пару минут ребята вошли в двери упомянутого строения, первый этаж которого совмещал в себе кассовый зал и зал ожидания. На втором этаже, если верить Ольгиным словам, находились буфет, комната для милиции и кабинет начальника автовокзала. Так как ни желания, ни времени для экскурсий не было, друзья Ольгиными комментариями и ограничились. Приобретя в одной из касс автобусные билеты, они через некоторое время вновь оказались на улице и, обогнув здание автовокзала, вышли на посадочную площадку.

Глава 2

– Вон наш автобус, – показала Ольга рукой на стоявший чуть в стороне пазик, пробежав глазами по выставленным напротив лобовых стёкол табличкам с указанием маршрута следования. – Пойдёмте места занимать, пока народу немного.

– Пойдёмте, – отозвался за всех Тимур.

Как правило, на автобусы, следующие не по междугородному маршруту, а по внутриобластному или внутрирайонному, как в нашем случае, продаются только общие билеты, то есть каждый пассажир занимает то место, какое успеет занять. Деревенские старухи, комментируя этот способ посадки, в оправдание всеобщей бесцеремонности обычно приводят переделанную на данный случай народную поговорку: «Кто смел – тот и сел». Впрочем, до бесцеремонного хамства в деревенских автобусах дело, как правило, не доходит: мешают не отрицающие традиции, а соседство-землячество, общественное мнение и запутанные родственные связи. Поэтому три-четыре села, находящиеся под защитой одного участкового милиционера, – наверное, оптимальное решение властей.

На нужный ребятам автобус посадка только-только началась, поэтому свободных мест в салоне было достаточно, и каждый устроился, как ему было удобно: Тимур, Ольга и Марина – возле окна, остальные – ближе к проходу.

Народ постепенно собирался, и к моменту отправления несколько человек стояли, хотя сказать, что в автобусе стало тесно, по-прежнему было нельзя. Наконец, громкоговоритель на здании автовокзала объявил отправление, шофёр, стоявший возле автобуса, запрыгнул в кабину, запустил двигатель, и автобус тронулся.

Объехав автовокзал, пазик покатился по улице, по которой совсем недавно шли наши герои. Но ехал он уже в противоположную от дома Ольгиных и Тимуровых стариков сторону. Саша настроился было на автобусную экскурсию по городу, но экскурсии не получилось: совсем скоро пазик свернул на улицу, пересекающую ту, что была ребятам уже знакома, а затем и вовсе оставил за собой дома Елабуги и выехал на автотрассу, по которой в обоих направлениях двигался не то чтобы поток машин, но и редкими их назвать было никак нельзя...

...Саша, некоторое время следивший в окно за перемещениями автобуса, перевёл, наконец, взгляд внутрь салона. Однако в скором времени, удостоверившись, что в самом автобусе ничего достойного

внимания не происходит, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Но задремать не успел: автобус, несколько сбавив набранную было скорость, начал двигаться по улице какого-то населённого пункта, а затем и вовсе остановился.

– Ну всё, приехали. – сообщила Ольга, поднимаясь со своего сиденья. – Дальше пешком...

Автобус стоял в центре посёлка, напротив здания сельского совета и двух или трёх расположенных здесь же магазинов. Впрочем, административное здание и магазины внимания студентов-путешественников к себе не привлекли: уж к чему, к чему, а к подобным строениям ребята привыкли, благо встречаются они повсеместно. Так что, выйдя из автобуса и оглядевшись по сторонам, компания, следуя Ольгиному указанию, двинулась по центральной улице к пересекающему её переулку, который спустя короткое время превратился в просёлочную дорогу, а та, в свою очередь, в узкую, но хорошо утоптанную тропинку. Солнце постепенно начало подниматься, и об утренней прохладе напоминала теперь только роса на придорожной или, вернее, притропиночной траве.

– Значит, говоришь, четыре километра? – обернулся Саша к чуть приотставшим девушкам.

– Ага, – подтвердила Ольга и, нагнувшись, сорвала травинку. – Четыре километра, Саша. Меньше чем за час дойдём...

– Меньше-то меньше, – подал голос шагающий рядом с Сашей однокурсник. – Но уже припекать начинается...

Как бы в подтверждение своих слов Витька стянул штормовку и повесил её на согнутую в локте руку.

– А тебя предупреждали, – заметил Саша. – Не послушал – таскай в руках.

– Своя ноша не тянет, – с достоинством сообщил Колесников.

– Ну-ну, – кивнул Саша. – Какой ты пережиток, давно известно. Иди вон лучше у Наташки сумку заberi, – посоветовал он. – Ладно, я сам...

Догнав ушедшую немного вперёд Наталью, Саша протянул руку к матерчатой сумке с продуктами, перехватив её, пообещал что сохранность питания гарантирует, и снова приотстал.

– Вот, учись галантности, – посоветовал он вновь поравнявшемуся с ним

Витьке. – Хотя чему-то за институтские годы научишься...

Глава 3

Предсказание Тимура о том, что Витька через некоторое время снимет не только штормовку, но и рубаху, не оправдалось: Колесников так и дошагал до самой деревни прилично одетым, хотя и с перекинутой через руку курточкой. Рубаху через некоторое время сначала расстегнул, а затем снял Саша и, объявив о том, что намерен немного позагорать, засунул её в сумку, отобранную у Натальи. Мы бы сказали: «намеренно отобранную», но это не будет соответствовать действительности, так как сумка отбиралась из галантных соображений, а теперь просто использовалась в личных целях.

Тропинка, наконец, нырнула в заросли кустарника, а после, когда зелёная масса осталась позади, глазам ребят открылись деревенские огороды, засаженные картошкой и отгороженные друг от друга почерневшими от дождей и солнца жердями.

– Ну, вроде пришли, – заметил Витька. – Давайте привал организовывать...

– Да, привал – это непременно, – поддержал Саша. – Кстати, наконец и позавтракать можно, пока не жарко, а то потом, я чувствую, кусок в горло не полезет...

– Ползет, Саша, ползет, – возразила Марина. – Это ты просто устал сейчас...

– Вон колодец заброшенный, – подал голос Тимур, указывая рукой на торчащий неподалёку из земли заколоченный досками колодезный сруб, – просто готовый стол...

Подойдя к заброшенному колодцу, друзья некоторое время приходили в себя после пешего перехода. Наконец, Саша, засунув руку в сумку, вытащил рубаху, встряхнул её и принялся одеваться.

– Ну что, перекусим? – то ли спросил, то ли предложил он, доставая из сумки следом за рубахой банку с молоком и железную кружку. Затем не без труда снял с банки плотную капроновую крышку и наклонил её над кружкой, поставленной на доски, прибитые поверх колодезного сруба.

Сделав несколько глотков, Саша протянул кружку Тимуру и снова поинтересовался, не пора ли перекусить.

– Нет, какой ты всё-таки, Захаров, нудный, – заметила Ольга, принимая протягиваемую сумку. – Вот пристанет, как репей... Какая всё-таки бедная женщина!..

– Что за женщина? – с интересом переспросил Саша, с неменьшим интересом глядя, как из сумки достаются взятые с собой продукты.

– Жена твоя будущая! – конкретизировала мысль девушка.

– А... – протянул студент. – Обсуждали уже... Ну что, можно рассаживаться?

– Садись, перекусим, – сказала Ольга.

– Ну, наконец-то, – Саша, удовлетворённо вздохнув, опустил на крышку колодезного сруба...

...Впрочем, останков у заброшенного колодца на окраине Танайки ничем другим, кроме как «перекусыванием», назвать было нельзя: на колодезную крышку в придачу к стоящей на ней банке с молоком была выставлена одна из двух полулитровых баночек, наполненных форшмаком, и выложено несколько кусков хлеба. Намазав кусочек хлеба паштетом, Витька заметил было, что в сумке имеются варёные картошка и яйца и, насколько он помнит, ещё одна баночка паштета, но услышал в ответ довольно категоричное Марино заявление о том, что «мы сыты одной банкой»...

– Твоя экономия граничит с крайним мешанством, – заметил на Мариныны слова Витя Колесников, но, чувствуя бесперспективность дальнейших словесных прений, спорить не стал.

Саша на Витькины слова улыбнулся. Марина промолчала. Витька же, доев свой кусок хлеба с форшмаком, налил в кружку молока и, блаженно прищурившись, с удовольствием его выпил. Покончив с «перекусыванием», Колесников

опустил кружку на доски, закрывающие колодезный сруб, вытянул двумя пальцами сигарету из нагрудного кармана и, чиркнув спичкой, прислонился спиной к остаткам сломанного плетня, когда-то вплотную примыкающего к колодцу.

– Эх, и поговорим мы со старушками! – предвкушающе воскликнул он и даже на секунду прикрыл глаза от предполагаемого удовольствия.

Саша от неожиданности уронил свой бутерброд, который, как и положено, упал паштетом вниз, на доски... Чертыхнувшись, юноша поднял его и принялся найденной щепочкой соскабливать оставшийся на досках форшмак и намазывать его обратно на хлеб.

– Не повалешь, не поешь, – философски заметила Ольга, подвигая к себе банку с молоком и протягивая руку к поставленной Витькой кружке.

Остальные Сашины товарищи в этот момент тихо веселились, что, конечно же, было подло, но, в отличие от Ольгиной фразы, не было вызывающе. Поэтому, почесав в затылке, Саша именно Ольге и адресовал свой вопрос-восклицание о том, «зачем это некоторые все время хотят свою образованность показать?»

Ольга на вопрос не ответила, а продолжала нахально, по Сашину мнению, молчать и нахально же улыбаться, глядя куда-то в сторону.

Наконец догадавшись, что «стену глупой улыбки» ему не одолеть, Саша положил в рот остатки бутерброда и заявил, что считает завтрак окончанным.

Глава 4

Сложив обратно в сумку оставшиеся куски хлеба и опустевшую банку из-под паштета, Ольга заявила, что теперь завтрак действительно можно считать окончанным и пора трогаться в путь.

– Ну, в путь, так в путь, – согласился кто-то, и друзья один за другим оказались на тропинке, протянувшейся вдоль засаженного картошкой огорода. Она-то через некоторое время и вывела их на деревенскую улицу.

...И автомобильная колея, образовавшаяся во время недавнего ненастья, ещё не выровненная бульдозером или грейдером, и курица-хохлатка во главе

цыплячьего выводка, и даже розовый поросёнок, успевший, несмотря на сухую погоду, где-то изрядно вывалиться, показались до такой степени знакомыми, что ребята невольно сбавили шаг.

Наваждение, впрочем, скоро прошло, чему не в последнюю очередь способствовали просто бросающиеся в глаза деревянные кружева, украшающие наличники окон. Для сибирской деревни резьба на домах – редкость. Видимо, переселенцам из Центральной России первое время было не до резьбы, а после произошла смена поколений. Встретятся на улице один-два дома с украшающим их простеньким деревянным орнаментом – и всё. Но для Центральной России резьба на домах – дело привычное! Вот на эту обыденность свежее испечённые фольклористы, раскрыв рты, и глазели.

Наконец, Марина обратила внимание на старуху, возящуюся в палисаднике возле дома, и, кивнув Ольге, направилась к ограде.

Первый этап работы фольклориста – завязывание знакомства со встреченным человеком.

Если вы в городе попытаетесь вступить в разговор со случайным да к тому же куда-то спешащим прохожим, результат, скорей всего, будет один: человек, сославшись на дела, побежит дальше. Это в лучшем случае. В худшем вас просто куда-то далеко пошлют... Несколько меняет положение наличие в кармане корреспондентского удостоверения или диктофона в руке. Но меняет лишь отчасти: защищает от бесцеремонного хамства, но не гарантирует наличия собеседника...

Иначе обстоят дела на деревенской улице. То есть совершенно иначе, потому что деревня живёт иными временными ритмами. Две молодые деревенские женщины, бывшие школьные одноклассницы и подружки-соседки, живущие на одной улице, могут, случайно встретившись у колодца, битый час разговаривать друг с дружкой. О чём? Но день у тех же соседок-подружек начнётся на рассвете, с подойником у коровы или возле растапливаемой печки, а закончится поздно вечером – уже ночью – мытьем оставшейся после ужина грязной посуды... Потому и в разговор с незнакомым прохожим деревенские жители вступают, как правило, свободно, что для них не существует та-

кого понятия, как «рабочий день». Мало того, автор убеждён, что жители деревень действительно верят в реальное существование таких фольклорных персонажей, как леший, домовый, русалка. Хотя, повествуя об этих существах, рассказчик не применёт заметить в начале повествования: «Брехня, конечно...» Брехня-то брехнёй, но «мама вот рассказывала...»

Увидев двух остановившихся у ограды девушек, старуха подняла голову и, ответив на приветствие, из-под поднесённой к глазам ладони, которой она прикрылась от бьющих уже почти отвесно лучей солнца, всмотрелась в лица подошедшей к ней поздороваться молодёжи. Лица оказались незнакомыми, поэтому старуха, опершись на грабли, посмотрела на девушек полувопросительно.

Главная особенность работы фольклориста, как, наверное, и журналиста, заключается в необходимости и умении установить психологический контакт с любым случайно встреченным человеком. Оля с Мариной ездили на фольклорную практику Сашиного и Витиноного курса в качестве инструкторов, то есть старшекурсников, помогающих руководителю группы наладить работу экспедиции и обучить молодёжь общению с чужим человеком, «раскручиванию» этого человека на исполнение фольклорных произведений – быличек, песен, сказаний, записи этих произведений (дословной, со всеми особенностями речи исполнителя) и последующей их обработке и классификации по жанрам.

Так что через некоторое время, когда Саша, призывно махнув рукой товарищам, направился к своим бывшим учителям, стоявшим у палисадника вместе с вышедшей из-за ограды старухой, шёл уже, собственно, второй этап работы – «раскручивание» собеседника. А так как работать приходилось без диктофона, и в будущем для получения единого целого предстояла сверка рабочих записей всех членов фольклорной группы, юноша, подойдя к собеседницам, присел на корточки и сделал в блокноте первые записи: «Анна Рябова, 73 года, «цоканье». «Мёртвая улица» – покойников из церкви выносили, «Мокрая улица» – затопляло в половодье».

Надо заметить, что Саша обладал од-

ной особенностью, отмеченной друзьями ещё в фольклорной экспедиции. Во время записи фольклорного материала или, как говорят журналисты, «фактуры», он произвольно подвергал услышанное литературной обработке, художественной стилизации. Вот с результатами этой стилизации автор читателя и познакомит.

Записал Александр Захаров

ЧЕРТОВЩИНА

ДОМОВОЙ

Если переезжаешь из дома в дом, нужно звать с собой домового. Хозяйка лезет в погреб, кланяется на четыре угла: сначала под печь (он под печью живёт), потом на остальные. Затем хозяйка говорит: «Батюшка, суседушка, иди с нами, нас не обижай, нас корми».

Домовой – маленький, как лилипутик, ножки калачиком, борода – во, до полу. Очень любит просить что-нибудь поесть. Нужно испечь четыре булочки (в каждый угол по одной) и положить их в подпол.

ОБОРОТЕНЬ

Раньше народ был нехороший, опыты разные делали.

Вот жил один кузнец. И видит ночью: свинья в окошко лезет, рамы грызёт. Кузнец жену на печь послал, а сам окошко открыл. Свинья наполовину залезла, кузнец её молотом и стукнул. Голову свинье просёк, а крови не было.

А на той же улице старуха жила с дочерью, утром соседи вышли во двор, а Алексеевны нет.

– Где мать-то?

– Болеет она.

Видели потом: у старухи голова замотана. Вот так вот. Старая, а такой ерундой занималась.

ЛЕШИЙ

Лешак, он идёт, ты его и не заметишь. Такой же, как остальные люди. Он тебя уведёт куда, ты и опомниться не успеешь.

Но сейчас его нету. Сейчас везде про-

вода, телефоны, сейчас ему не пролезть. А вот раньше...

Дед у меня мельник был, Филипп Иванович. Он много рассказывал. Раз вздумал поохотиться и встретил лешего. Сели на гривке.

– Давай, – говорит, – Филипп Иванович, кашу сварим.

– Так котелка-то нет.

Захлопал лешак крыльями – и каша.

– Давай, жги костёр, – говорит, – а я за маслом пойду. (Лешак, он что хочешь достанет.)

Дед перепугался: у лешака спины нет. Перекрестился мельник и толкнул его головой в костёр. Леший раскинул крылья и говорит:

– Свидимся ещё, Филипп Иванович.

И улетел. Всё исчезло.

ЖЁНУШКА

Одному мужику часто во сне являлась умершая жена. Придёт ночью и сядет рядом: разговаривает, спрашивает, как он живёт без неё.

Когда приходила к мужу, то всё время звала его с собой. И дошло до того, что она стала его за руку тянуть... Мужик не на шутку перепугался этому, да не знал, что делать. Тогда пошёл он к старухе. Та дала ему травы, чтобы он заварил её, а когда жена снова придёт ночью, напоил бы её этим отваром.

Мужик на следующую ночь так и сделал. Жена выпила отвар, погрозила ему пальцем и исчезла. А мужик зажил спокойно и спустя немного времени снова женился.

Знала жена, зачем приходила.

КОЗЛИНАЯ УЛЫБКА

Ехал мужик с пашни, видит, на дороге стоит козёл. Мужик подъехал к нему и говорит шутя: «Что, козёл, стоишь?» А козёл возьми и скажи: «Стою, дед, стою». У мужика волосы дыбом на голове встали.

Решил мужик взять козла с собой. Посадил его на телегу и поехал дальше. Только кони что-то стали тише идти. Пока доехали до дома, все сделались в мыле.

Обернулся мужик назад и видит: пасажир, козлиная морда, вставил задние копыта в колёса и так едет.

Остановился мужик, а козёл возьми и прыгни с телеги, да ещё и улыбнулся при этом.

РУСАЛКА

Русалка зла не сделает.

Глава 5

Через некоторое время, однако, так удачно начавшаяся и так результативно протекающая беседа со старухой закончилась: бабуку ждали домашние дела или, выражаясь газетным языком, «работа на личном приусадебном участке». Давно ведь известно, что каждый житель советской деревни имеет не дом, а именно усадьбу, поэтому и вопрос, откуда через столько лет после Октябрьской революции помещики берутся, почти риторический.

Старуха, оглянувшись на оставленные под яблонькой грабли и как бы извиняясь перед приятными собеседниками, а вернее сказать, внимательными слушателями, вздохнула:

– Работать надо, девки...

– Ну ещё что-нибудь, – попросил Витька, на секунду отрываясь от записей. – Расскажите какую-нибудь историю. Интересную-интересную...

– Нет, всё, работать нужно, – повторила старуха.

Затем, поправляя косынку на голове, произнесла добрую сотню раз слышанную ребятами фразу:

– Да я и не знаю больше ничего.

И Саша понял, что дальнейшие уговоры, скорее всего, ни к чему не приведут: старуха захлопнулась, как захлопываются шкатулки, и всё придётся начинать сначала...

– Да вы дойдите до Яши Осенина, – посоветовала недавняя рассказчица, видя, что её неожиданное решение прервать беседу здорово огорчило ребят. – Он много чего расскажет...

– А далеко идти? – деланно бодрым голосом спросила Марина.

– Да рядом, – бабушка Аня протянула руку, указывая на противоположную сторону улицы, – раз, два, три... Отсюда пятый дом.

– Ну, спасибо, – поблагодарила за всех

молчавшая до сих пор Ольга. – Пойдём к Осенину...

– Да не за что, – старуха махнула рукой. – Идите с Богом, Яша любит поговорить...

Баба Аня открыла калитку в ограду, ребята же повернулись, чтобы двинуться дальше по улице к указанному дому. В это время мимо проехал грузовик, поднявший за собой облако пыли, и юные фольклористы-собиратели, не успевшие перебежать на противоположную сторону, оказались накрыты серой непроницаемой завесой. Грузовик уже скрылся в конце улицы, а облако всё ещё продолжало висеть над домами, пока наконец подувший слабый ветерок не перенёс его через головы ребят сначала в деревенские дворы, а затем в огороды.

– Ну всё, кажется, можно дальше двигаться, – заметил Саша, сплёвывая собравшийся во рту сгусток. – Ужас, даже слюна чёрная.

– Да, кстати, давайте хоть иногда по сторонам смотреть! – предложил Витька, встряхивая, как будто это могло иметь смысл, штормовку в руке. – Я второй такой газовой атаки не переживу...

– Мы тут ни при чём, – возразила Марина. – Это шофёр виноват, по улице – на такой скорости...

– Зато снова как дома! – засмеялся Саша. – Ладно, идём, куда шли...

...Приблизившись к указанному дому, ребята увидели ограду из аккуратно подогнанных друг к другу досочек, которые совсем недавно были окрашены в ярко-зелёный изумрудный цвет. Впрочем, определение «совсем недавно», наверное, будет звучать неверно, потому что на завалинке дома сидел его ещё не очень старый улыбающийся хозяин, а рядом в банку с водой была опущена перепачканная ярко-зелёной краской кисть.

Инициативу опять взяла на себя Марина.

– Скажите, а Яков Осенин здесь живёт? – обратилась она к отдохнувшему на завалинке старику, хотя то, что перед ребятами никто иной, как хозяин дома, понятно было и без уточняющих вопросов: в самом деле, соседей, что ли, приглашают красить свою ограду?

В ответ на Маринин вопрос дед засмеялся, а потом мгновение спустя подтвердил:

– Я Осенин.

Позже, уже после возвращения из похода в Танайку, когда ребята обрабатывали собранный в деревне материал, а Саша писал услышанный от старика меморат – рассказ об исторических событиях недавнего прошлого участника этих событий, им стала понятна причина веселья старика.

После каждого обработанного, перенесённого на бумагу фольклорного произведения обычно приводится краткая документальная справка: где, кем, когда и от кого произведение записано. Вот, составляя эту самую справку, Саша, наконец, и догадался, что, спрашивая, где живёт Осенин, Марина назвала деревенское прозвище. Это вам не какой-то Длинный или Учёный из современного молодёжного жаргона. Это Осенин – и красиво, и грустно одновременно...

Ладно, раз уж автор сказал про документальную справку под произведением, со справки под рассказом старика и начнём: «Записано от Якова Емельяновича Седунова, 70 лет, русского, грамотного.

Татарская ССР, Елабужинский район, деревня Танайка, 1981 год».

Глава 6

Марина отнесла неожиданную весёлость старика к одной из природных черт его характера, поэтому после признания со смехом последнего в том, что он действительно Осенин, начала брать быка за рога.

– Можно с вами поговорить? – спросила девушка, невольно настраивая собеседника на деловой лад, но в то же время продолжая игриво улыбаться.

– А чего нельзя? – удивился дед, начиная прикидывать в уме, кем являются его будущие собеседники.

Со дня празднования тридцатилетия Победы Якову Емельяновичу уже не раз и не два приходилось выступать перед молодёжью – и в Танайской школе, и в район приглашали... Поэтому, как бы оправдываясь за свои малярные работы, он добавил поясняюще:

– Я тут по хозяйству...

– Да мы ненадолго, – поддержал девушку Витька. – Так, поговорить...

– Да я не об этом, – старик, как бы отметая Витькины слова, махнул рукой.

– Говорите, чего там. Куда торопиться-то?

– Мы тут сказками интересуемся, – сообщил юноша, ободренный дедовой поддержкой. – Старину собираем. Может, расскажете чего про лешего, домового?

Однако историй про разную нечисть ребятам услышать больше не довелось: Яков Емельянович оказался человеком реально мыслящим, далёким от различной небывальщины. Так бывает, что человек любит читать книги, может до утра просидеть над страницами какого-нибудь захватывающего романа, но оказывается совершенно равнодушным к поэзии. Наверное, все люди делятся на две категории: на тех, кто воспринимает жизнь на уровне совершаемых в ней событий (которые, собственно, суммой поступков и являются), и тех, кто хочет и умеет говорить о жизни на языке чувств. Впрочем, жизнь часто сама определяет, на каком уровне воспринимать её человеку: прозы или поэзии. Старуха, с которой началось знакомство ребят с деревней, воспринимала жизнь на уровне поэзии. Новый собеседник был с головы до пят «прозаиком», потом сходу и отверг Витькино предложение:

– Сказки – наплевать, – решительно заявил он, – а вот я вам расскажу... Я девять годов в армии. Первую награду – «За отвагу» – получил в 41-м, когда на Тарту отступали, вторую – «Красную Звезду» – на Волховском фронте, потом «Красное Знамя». Ну и медали...

После слов старика казалось само собой разумеющимся, что именно о войне с ним и нужно разговаривать. Однако Марина, в которой слишком сильно оказалась закваска бывшего инструктора фольклорной экспедиции, попыталась и дальше двигаться по пути сбора именно фольклорной, а не документальной информации. Поэтому следующим вопросом к старику, на время уведшим его в сторону от рассказа о реальных событиях минувшей войны и подтолкнувшим Сашу к очередным фольклорным стилизациям, был вопрос из области топонимики – истории возникновения населённого пункта:

– Дедушка, а почему деревня Танайкой называется?

Ответ Марине Яши Осенина приводится, конечно же, в Сашиной интерпретации.

Александр Захаров

ТАНАЙ

– Знаете, почему наша деревня Танайкой называется? О... Это история старинная.

Первыми в наших краях поселились разбойники, – сообщил старик. – Главным у разбойников был Танай. Что они делали? Да скотину у богатых воровали, тем и жили.

Вот раз мужик из дальней деревни пошёл за грибами, заблудился и на них набрёл.

А разбойники как раз у богатого мужика быка зарезали и пельмени варили.

– Во, – говорит Танай, – а мы-то думали, как нам целого быка съесть! Садись-ка с нами.

Пельмени всплыли, разбойники их в блюдо сложили и перед гостем поставили. Мужик-то обрадовался с голодухи. Блюдо большое, чувствует – всё не съесть. Наелся, а часть за пазуху спрятал. Да только зря. Танай такие вещи замечал и никому не спускал.

– Ну, хлопче, – говорит, – мы тебя потешили, накормили. Теперь ты нас потешь, спляши.

Мужичок взялся было плясать, а пельмени из-под рубахи и посыпались. Разбойники их собрали и говорят: «Ну что же добру пропадать, кушай».

А Танай смотрит в костёр и шепчет: «Не там воруеться, хлопеч. Не там. А пельмени ты съешь. Считай, что тебя полиция за кражу наказала».

Мужик в тот день пельменей на всю жизнь наелся. Так наелся, что и за грибами больше не ходил.

ДУРЬ

А вот ещё история. Сейчас у нас, известно, сельсовет. А вот раньше, ещё до революции, была земская управа.

Вот если, допустим, человек утонет, его везли к земской. Там висела плетёнка. Положат в неё утопленника на ночь, а утром – хоронить. И вот один отчаянный решил пошутить. Привезли утопленника, положили в плетёнку, а он вечером возьми и залезь к мертвецу.

Лежал с ним, лежал, да, видно, скучно

стало, решил покушать (он и покушать с собой захватил).

И тут случилось то, ради чего вся дурь устраивалась: показался из-за поворота пьяный мужичок. Увидел, что плетёнка качается, и припустил по улице. Да ведь пьяный, ноги не слушаются. Хочет вперёд бежать, а его или в сторону тянет, или назад. А люди-то ведь верующие, каково ему? А тот, что в плетёнке, возьми ещё да засмейся.

Тут у мужика взрыв сердца и получился. Дурь, она всегда рядом со смертью ходит.

Глава 7

Однако, рассказав пару переходящих в деревне от поколения к поколению историй, старик вновь вернулся к событиям минувшей войны, очевидцем и участником которых ему суждено было оказать. На этот раз Марина догадалась, что уводить Якова Емельяновича в сторону от изложения документальных событий просто бессмысленно, ограничилась лишь уточняющими вопросами по ходу повествования. Впрочем, задавать вопросы всё равно было особенно некогда, потому что требовалось с максимальной точностью записывать услышанное. И ребята услышанное записали. Настолько точно, что спустя больше десяти лет, к очередному юбилею Победы, Саша на основе этих записей написал для областной газеты здоровенный очерк. Но не будем отвлекаться. Слово – рассказчику.

– Меня под Таллином в 41-м ранили в руку, голову и плечи, – начал старик своё повествование. – Эвакуировали самолётом в Ленинград. Пока лежал в госпитале два месяца, немцы окружили город. Ну, какая голодуха была в госпитале, сами можете представить. С голоду пухли. Раньше я такое только по рассказам о 33-м неурожайном годе слышал.

Вот как-то приехала группа военных и пошла по палатам: «Кто хочет и может на фронт?»

Нам-то уже всё равно было, где помирать и как, – Яков Емельянович невесело усмехнулся. – На фронте хоть кормили чуть-чуть, а в госпитале – когда поднесут сухарик, когда нет. Я и подумал, что в войну мужику от голода погибать как-то некрасиво, и попросился на фронт. Попал

в 584-й полк 115-й дивизии. И сразу же дивизию бросили под Малую Дубровку, за Неву...

...Автор позволит себе на секунду прервать Яшу Осенина (хотя теперь логичней было бы называть его настоящей фамилией – Седунов) для того, чтобы признаться читателю в том, что приводящиеся в рассказе старика факты им, автором, документальной проверке не подвергались. Не подвергались потому, что автор решил поверить собеседнику ребят на слово – во-первых. В том случае, если в рассказ старика вкрадётся ошибка, в ней можно будет обвинить его, а не автора – во-вторых. Ну и, в-третьих, лежащее перед вами произведение можно только отчасти назвать документальным. Имеет автор право на художественный вымысел? Имеет. По всем литературным законам. Ну, всё, слушаем дальше.

– Переправились через реку – в строю от полка осталось 600–800 человек. Короче, один батальон. Да и того не было. В батальоне по военному времени – больше тысячи. – Старик попытался было затянуться погасшей сигаретой, затем, похлопав себя по карманам и не найдя спичек, попросил коробок у Саши.

– Страшно было, Яков Емельянович? – поспешила Марина воспользоваться секундной паузой в рассказе.

Старик в ответ невесело усмехнулся.

– Конечно, страшно. О чем говорить? Ранило. Ну, там и лечился: всё же питание получше госпитального. Да и всё равно было, где помирать и как – на фронте от пули или в госпитале с голодухи. Хотите, я лучше расскажу, как я в санаторий угодил? – неожиданно предложил старик.

– В блокаду? – удивлённо воскликнул кто-то из ребят.

– В блокаду, – утвердительно кивнул Седунов. – Я пятнадцать дней как у Христа за пазухой прожил: и отоспался, и отъелся, и орден Красного Знамени из генеральских рук получил.

Дело было так, – начал старик своё повествование. – Река Талла. Я вот аккурат в этой реке сидел.

Нас, двенадцать человек, послали в поиск – скопом взять языка. Только командир группы, старший лейтенант, струхнул маленько, и вместо того чтобы рывком вперёд, заставил группу на месте топтаться.

Я в это время был приписан к особому отделу, и мне перед поиском начальник сказал, чтобы я шёл сзади и смотрел, кто как себя будет вести. Но я потом про старшего не сказал. Зачем? Когда всё утихло, мы его и ещё одного хлопца вынесли...

А так, конечно, не замнись старший лейтенант, мы бы не одного немца взяли.

Ну, ребята, если группа, двенадцать человек, лежит на нейтралке, обязательно же кто-нибудь или чихнёт, или зашумит – живые же люди. В общем, вскоре немцы нас обнаружили, начали из пулемётов стрелять и из миномётов обкладывать. Залез я в реку и, не поверите, сутки там просидел: назад-то идти боялся – везде минные поля, вот и присматривал, где немцы ходят.

А тут один за водой отправился, – рассказчик неожиданно усмехнулся. – Автомат снял, положил и с ведрами – к берегу, к моему кусту. «Хальт, – говорю, – хенде хох». Немец растерялся, руки поднял, ну, тут я его и сцапал.

Закончил фразу старик так, как профессионалы говорят об уже проделанной когда-то работе: без красивых и ненужных подробностей. Ну, сделал и сделал. Да и какие могли быть подробности? Фильм про войну что ли пересказывать? Зачем? Рассказываемая история сама была достойна любого военного фильма. Впрочем, судите сами.

– Автомат у меня не работал. Заржавел, – сделал рассказчик неожиданное признание, заставившее перегляднуться слушателей: полковой разведчик, герой рассказа, сидящий сегодня перед ними, блефовал на пределе возможного, причём ставка была единственно возможная на войне – жизнь.

– Я немецкий-то потом на берегу бросил, там же сумку, противогаз положил. Гранаты, правда, в речку побросал, противотанковые, одну с собой взял. Хватило бы нам на двоих одной гранаты? Потом оказалось, что не хватило бы, капсуль пропал. Только зря кусок железа таскал! – Яков Емельянович досадливо поморщился. – Немец-то тяжеленный был. Я бы, если бы вещи не бросил, в жизнь бы его не дотащил.

Приволок я немца к проволоке. Часовой окликает: «Стой! Кто идёт?!»

«Я, – отвечаю, – Седунов!»

Ну, тут же послали разведку, минё-

ров. В общем, провели нас. Сразу же – к командиру полка. Я, было, докладывать начал, а тот рукой махнул, обнял и говорит: «Молодец, что живой. Налейте ему сто граммов быстро – сухой нитки на человеке нет!»

Потом немцу мой автомат показали. Зарвел он. Крепко зарвел. Обидно ему стало. Ну, а как же? Немец-то здоровее меня был, эсэсовец. Он бы меня живьём загрыз! Правда, у меня финка была, может, я бы ему что-нибудь и сделал. Но... растерялся немец, потому и оказались он в лагере, а я в доме отдыха. Там генерал и орден вручил.

Глава 8

Награда – медаль или орден, привинченный к застиранной солдатской гимнастёрке, – это официально зарегистрированный подвиг солдата. Но вот ведь какое дело. Каждый день, прожитый на фронте, для многих и многих людей сам по себе являлся подвигом. А награда... Награда могла и не найти своего хозяина, отправленного в госпиталь. Могла даже не стать реальностью, так и оставшись наградным листком в подожжённой «юнкерсом» эмке... В том, отмечен или не отмечен солдат наградой, тоже заключалась определённая игра случая. Наверное, поэтому к концу войны Верховным командованием Красной армии был отдан приказ о том, чтобы на груди каждого фронтовика красовалось свидетельство воинской доблести. Что ж, забытыми оказались те, кто воевал в начале войны, когда награждение медалью можно было сравнить с награждением орденом к концу войны, а орден, в свою очередь, едва ли не соответствовал званию Героя Советского Союза.

Однако не будешь же расспрашивать собеседника о каждом дне, проведённом на фронте. Хотя, наверное, и можно было попросить старика рассказать о каком-нибудь официально не зарегистрированном подвиге. Были такие подвиги? Наверняка были, как и у каждого фронтовика. Сколько, к примеру, сбитых самолётов на боевом счету у лучшего истребителя Второй мировой войны Александра Pokрышкина, и сколько он сбил на самом деле, то есть был убеждён в том, что сбил? Так и с каждым пехотинцем...

Но такой вопрос ребята задать не догадались. Да и времени особенно не было о наградах расспрашивать.

– Первой была медаль «За отвагу», – принялся отвечать на поставленный вопрос Яков Емельянович. – В июле 41-го я в Первой морской бригаде был санинструктором. Прибегают два моряка: «Адмирала ранило!» Я с ними побежал перевязать комбрига. Моряки адмирала на носилки было положили, да, видно, неловко: он, израненный, застонал. Моряки и испугались, побежали по канаве. Тут немцы зашевелились, включили прожектора, начали стрелять...

Но я дождался, пока всё стихнет, и адмирала вытащил. За то дело медалью и наградили. Потом – орден Красной Звезды.

На Волховском фронте дело было, в 42-м. Как-то немцы крепко разбили нашу роту. В живых осталось человек пятнадцать и, как ни странно, одна молодёжь. Я по сравнению с ними старик уже был – за тридцать перевалило.

А танки опять в атаку пошли.

Из штаба полка звонят, приказывают командование ротой принять. Мальчишки-то и так слушали, что я говорю, но тут-то приказ, ответственность... В общем, как мы тогда удержались, ума не приложу.

...Действительно, даже спустя многие годы после того памятного боя бывшему старшине Седунову трудно было понять, каким образом оставшиеся в строю бойцы – шестая часть от начального состава подразделения – смогли отразить танковую атаку не первый день воевавшего противника. Что уж тут было говорить о девчонках и мальчишках, с которыми он делился своими воспоминаниями?!

Юноши, например, только разбирая сделанные в деревне записи, сообразят, что служил-то Седунов в пехоте, а не в артиллерии, значит, все противотанковые средства в роте, которую и ротой-то называть неловко, – гранаты и противотанковые ружья. Однако солдаты, получившие под Ленинградом приказ стоять насмерть, слишком хорошо понимали, что по-другому быть просто не может. Ну куда было отступать, не-ку-да. Потому и не отступали.

– Да там не одного меня наградили, – добавил Яков Емельянович, как бы стараясь развеять некую случайно возник-

шую двусмысленность в конце рассказа очередного фронтального эпизода. – Все живые медали получили...

– Вообще, ребята, вот что я вам скажу, – неожиданно подвёл итог своему рассказу старик. – Распоганое дело – война. Вот вы учитесь? И учитесь. Самое время, пока молодые. Я вот молодой только воевал да по госпиталям валялся...

Начал служить срочную на Дальнем Востоке. Отслужил. Вернулся. Тут Финская началась. А я старшиной был, фельдшерскую школу окончил. Меня и забрали опять. Потом Отечественная...

– А как вы о войне узнали? – спросила помалкивающая до сих пор, чтобы не показывать своей малой компетенции в военных вопросах, Наташа.

– А по радио сразу сообщили, – сказал, как о чём-то само собой разумеющемся, старик. – Прочитали обращение правительства...

«Ничего себе – сразу! – подумал Саша, принимаясь жевать подобранную соломинку. – Через полдня после начала! И прочитали-то обращение к народу правительства, а не Иосифа Виссарионовича, которого этот самый народ боготворил и слов которого так ждал! Видимо, не до народа было в эти часы правителю, столько времени и сил положившего на искоренение врагов этого самого народа, врагов, которые спустя несколько дней сменят лагерную баланду на фронтовой паёк и займут места прорвавшихся к власти бездарей...»

– Солдаты как к войне отнеслись? – задала очередной вопрос Якову Емельяновичу теперь уже Ольга, пытающаяся «дожать» рассказчика.

– Как? Хорошо! – пожал плечами старик. – «Будем воевать. Давай». Никто не испугался.

«А как могли ещё отнестись к «вероломному нападению» люди, для которых из каждого уличного репродуктора годами исполняется песня «Если завтра война, если завтра в поход...?»» – с грустью подумал Саша, но вслух свои мысли выкладывать не стал, а поинтересовался:

– Не думали, Яков Емельянович, что так долго воевать придётся?

– Не думали, – вздохнул старик.

Глава 9

Рассказчик на какое-то время замолчал, и неожиданно возникшую паузу заполнило мирное кудахтанье кур на лужайке, отделённой от дома недавно окрашенной оградой. Хозяин гарема, красивый трёхцветный петух, прохаживался тут же, следя за порядком во вверенном ему коллективе и время от времени, когда выдавалась свободная минута, разрывал землю то одной, то другой ногой.

Неожиданно куриный предводитель подмял под себя ближнюю и совсем этого не ожидавшую хохлатку, одарил её минутной любовью, а потом, гордо глядя, как курица отряхивается, приводя себя в надлежащий приличный вид, не выдержал этого зрелища и, запрыгнув на прислоненные к ограде брёвнышки, громко закричал, сообщая окрестным дворам о только что одержанной победе.

– А когда вы войну закончили? – спросила у старика Марина, для которой и кудахтанье кур, и петушиный крик за оградой ассоциировались прежде всего с мирной жизнью.

– В начале 45-го. В марте, – уточнил Седунов. – Последний раз меня вот как ранили... У меня семь ранений, – предварил старик новый вопрос. – После очередного госпиталя я попал в 22-ю Гвардейскую бригаду. Командовал взводом. Наступали мы на Новоржевск Калининской области. Слыхали, наверное? Десятого марта 45-го меня ранило, а наступление как раз приостановилось. И вот получилось так, что, как цепь бежала, убитые падали, так и я среди них упал, на нейтралке. Двое суток и пролежал у немецкой траншеи. Возле меня немцы ходили. Но метель началась, меня занесло. Я раненый-то раненый был, но под куст боком-боком залез. Яму вырыл. Ну, тут меня и занесло. Потом наши подобрали. А немцы... Пристрелили бы, наверное, если бы нашли, чего возиться?

– А вы кино про войну смотрите? – влез с вопросом Витька. – Какие-нибудь эпизоды знакомые встречаются?

– Смотрю, а как же! – старик вроде даже немного обиделся. – Ты что думаешь, у нас в деревне телевизора нет? Мне вот чего непонятно: почему часто неправду показывают?

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался Саша. – Какую неправду?

– Вот вы фильм «Блокада» смотрели? – полуутвердительно поинтересовался Яков Емельянович, обращаясь уже и к Вите, и к Саше.

Ребята, как и большинство населения страны, просто не могли не смотреть упомянутый телесериал, демонстрацию которого телевизионное руководство, может быть, самостоятельно, а может, и по указке свыше, приурочило к прошлогоднему празднованию тридцатилетия Победы. Но старик-то сидел у телевизора и не отрываясь смотрел на его экран, потому что сам был участником показываемых событий. И как их участник имел право решать, да и решал, насколько достоверно эти события зрителю преподносятся.

– Там, в кино, показывают, как раз немцы пошли в атаку и погнали перед собой русских – женщин, стариков, а сами за ними спрятались. Русский майор встал из окопа, крикнул: «Ложись!» Русские попадали, а немцев постреляли. Враньё это всё, ребятки! Был я там, в атаку-то на нас шли! Никто там не вставал кричать, никакой майор, я всех майоров знал. Кричали, конечно. Но что там? Позвонили в штаб, оттуда приказали открыть огонь.

– А как иначе? – поднял старик глаза на стоящих напротив девушек. – Они бы нас смяли. И мы бы погибли, и тех бы поубивали.

Девчонка одна жива осталась. Лежит рядом с матерью. Ту убило, а она: «Мама! Мама!» Пять человек из-за неё погибли.

Немецкий снайпер её-то не трогает. Пристрелял место вокруг, и кто полезет девчонку вытаскивать – там и остаётся. Ночью только один парень пополз. Верёвку ей к ноге привязал и за верёвку вытащил.

Командир полка потом девчонку домой отправил, к жене. «Жив, – говорит, – буду – воспитаю».

– Где теперь та девчонка? – вздохнул старик. – Может быть, сама деток нарожала, и они с вами в институте учатся. А может, жизнь по-другому повернула? Не знаю, – пожал он плечами. – Знаю только, что всё у неё должно быть хорошо, а иначе зачем всё? Столько людей положили...

Старик, закончив рассказ о своём военном прошлом, замолчал и устремил взгляд куда-то в пространство, за спины

ребят. Те в свою очередь не решались прервать возникшую паузу и тоже выжидающе помалкивали. За оградой, разрывая тишину, пересыпанную кудахтаньем кур, снова закричал хозяйский красавец-петух, и Саша, нарушая затянувшуюся паузу, попросил недавнего рассказчика:

– Яков Емельянович, а можно ваши награды посмотреть?

– Отчего нельзя? Можно, конечно, – откликнулся старик. – Сейчас принесу.

Седунов встал с завалинки, зайдя за угол, поднялся по скрипнувшему ступенькам на крыльцо и отворил дверь в дом. Через некоторое время, держа в одной руке маленькую шёлковую подушечку с пришпиленными к ней знаками воинской доблести и стопку фронтовых газет в другой, старик снова предстал перед молодёжью.

Среди других наград бросался в глаза орден Боевого Красного Знамени – ещё старого образца, без ленточки, с местами облупившейся эмалью.

Глава 10

Ребята, сгрудившись в кучку, некоторое время рассматривали принесённые стариком награды. Причём юношей особенно интересовали медаль «За отвагу» и орден Красного Знамени, которые к концу войны выглядели уже несколько иначе, чем в её начале. Что касается девушек, то они подобных нюансов не замечали и рассматривали представленные на обозрение знаки воинской доблести с одинаковым трепетом и любопытством. Наконец, Марина, подняв глаза на их владельца, поинтересовалась:

– Яков Емельянович, а было так, что воевать не хотели?

– Было, – кивнул старик.

– Конечно, было, – повторил он секунду спустя. Потом как бы в подтверждение своих слов опять принялся рассказывать:

– Служил у нас один хохол, Рябов фамилия. Я в то время как раз работал помощником начальника особого отдела полка. И вот бойцы стали ко мне подходить и рассказывать про него. Был Рябов грамотный, а притворялся, что не знает грамоты: просил домой письма писать.

Напишут Рябову письмо, а он потом отойдёт в сторонку и изорвёт его. Занялся

я с солдатом работой, начали встречаться, разговаривать... Рябов и подумал, что я к немцам хочу, ну и давай меня агитировать. «Не бойся, – говорит, – там пища хорошая. Никто не бьёт...».

Потом на допросе он нам всё рассказал. Получилось так, что попал Рябов в плен, а потом, понятно, это дело скрывал, но скрывал-то уже не потому, что наказания, штрафной роты боялся, а потому, что рыльце было в пушку! По ранению солдат оказался в нашем госпитале, а потом уже его направили к нам в полк...

Сам боец был с Украины. Имел мать, жену, двоих ребятшек, но на нашей территории... И вот, когда всё дело раскрутилось, его-то к высшей мере приговорили, а у семьи имущество конфисковали – и в Сибирь, в Красноярск. Не пойму, ну, убейте – не пойму: они-то при чём?! А... Что говорить! – рассказчик отрешённо махнул рукой.

– Не их первых, не их последних, – кивнул Саша.

Некоторое время помолчали, потом Ольга неожиданно для товарищей задала старику вопрос о войне на идеологическом фронте. Саша удивлённо покосился на своего бывшего начальника – уж что-то, а идеологическая борьба, о которой столько твердят средства массовой информации, уже в зубах навязла. Но вслух свои мысли высказывать не стал. И, наверное, правильно сделал: чем-то же занималось в войну ведомство Гебеляса. Воюющее государство, как известно, никогда денег на ветер не швыряет, оно и в мирное-то время не больно щедрое...

– Как же, – снова оживился Седунов. – Воевали и на словах, и на бумаге. Нам немцы численники (календари) с самолётов кидали. На первой странице – Сталин на стуле, у которого только одна ножка, сидит, а сапоги с него свалились. Рядом – Гитлер на целом стуле с баяном в руках, и сапоги блестят... Ниже слова. Сталин: «Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья...» Гитлер: «Широка страна моя родная...»

Седунов усмехнулся и, качнув головой, продолжал:

– На обратной стороне численника – пропуск. Тем, кто желает в плен идти. Песенка там:

Ленинградские дамочки,
Не копайте ямочки.

Придут наши таночки –
Заровняют ямочки.

У нас ведь гражданские укрепления строили.

– А мы с Ванькой Шаталовым, с Воронежа он, младший лейтенант, тоже писали, – упредил старик очередной вопрос. – Да вы, наверное, не знаете. Сейчас не поют.

– А вы расскажите.

– Да, Яков Емельяныч, пожалуйста, одну какую-нибудь, – поддержал Витька девушку.

... После продолжительных уговоров старик всё же выдал ребятам несколько песен, которые классифицируются как «песни литературного происхождения», потом окончательно смутился и от приведения дальнейших примеров ведшейся нашей стороной идеологической борьбы отказался.

– Да ну, не буду. Что вы, в самом деле? – крутил он головой. – Какие мы поэты были? Так, глупость и хулиганство!

Автор тем не менее позволит себе для примера привести строфу одной из песен, которая ни под первое, ни под второе определение не подпадает:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть...
Ранило парня – да что за напасть?!

Марина, тем временем переписывавшая в блокнот заметки из принесённых Седуновым газет, подняла голову и попыталась было помочь ребятам, увещающим старика.

– Ну что вы, Яков Емельянович, хорошая песня, – заверила девушка.

Тем не менее от дальнейшего знакомства слушателей с собственным творчеством рассказчик отказался наотрез.

– Нет, не буду, – говорил старик, отрицательно качая головой. – Нет...

Саша наконец сообразил, чем вызван категоричный отказ от исполнения песен собственного сочинения, поэтому пошёл по самому простому и надёжному пути – по пути устранения причины отказа.

– Яков Емельянович, вы не стесняйтесь её, – кивнул студент в сторону продолжающей строчить Марины. – Она сейчас отойдёт...

– Пожалуйста, – сказала сидящая на корточках девушка, затем выпрямилась в

полный рост и, кивнув Ольге с Наташей, отошла с подружками к ограде.

– Ну вот, – удовлетворённо заметил Саша. – Может, вы частушки знаете?

Частушки старик, конечно, знал и даже исполнил пару. Однако вскоре опять засмутился:

– Нет, хулиганство. Я как-то в клубе спел, меня заругали...

И тогда Саша понял, что с песенным творчеством, похоже, пора кончать. В самом деле, сколько ещё можно было мучить человека? Поэтому резко сменил тему разговора.

– Ну ладно, Яков Емельянович, – кивнул он. – А вы помните, как Сталин умер?

– Конечно помню! – удивился собеседник. – Я же председателем ревизионной комиссии работал!

Глава 11

– Сталин помер – в аккурат партийное собрание, – принялся вспоминать Седунов. – И плакали там... Потом по всей стране траур объявили.

– Ну да, – кивнул Саша, – горе-то было всенародное, рассказывают, что даже паровозные сирены на станциях гудели...

– Прощались люди, – пояснил старик.

– Да-а-а! – протянул юноша. – Ну, а когда разоблачили?

– А вот разоблачили... А шут его знает, – пожал плечами рассказчик. – Это ведь нам откуда? Мы-то что знали? Собрали опять партийное собрание. Прочитали письмо Центрального комитета к рядовым членам партии...

– Это когда Берию разоблачили, – пояснил старик. – Но я вам, товарищи, так скажу...

Услышав официальное «товарищи», Саша вынужден был стереть с лица невольную улыбку: как только разговор коснулся верховной государственной власти, куда, казалось бы, подевалась недавняя открытость и словоохотливость собеседника...

– Нам это непонятно, – закончил фразу Яков Емельянович. – Ну, культ личности, культ личности. Говорить надо правильно, что знаешь. А что не знаешь – молчи.

На какое-то время в беседе, или, точнее, в вопросах и ответах, периодически переходящих в стариковские монологи,

возникла пауза: о себе старик всё уже рассказал, на другие, более широкие и глобальные темы разговаривать с ним студентам было неинтересно. Просто давали о себе знать разрыв и в уровне знаний, и в уровне информации, которой владели собеседники, но, пожалуй, ещё больше – принадлежность к различным поколениям.

Октябрьская революция 1917 года, изменив общественный строй в государстве, изменила и цели, которые начало ставить перед собой это государство. За что ратовал Нагульнов в известном со школьной скамьи романе Шолохова? Правильно, за мировую революцию. Вот на пути к мировой революции и находилась страна до самой смерти своего единоличного правителя Иосифа Виссарионовича Сталина. Правителя, который не верил до конца никому, но который позволял барствовать своим приближённым, не забывая напоминать им, что их барство сродни рюмке водки, которую подносят канатоходцу.

Но собеседник ребят не был и не мог быть приближён к трону диктатора. Старшина Седунов являлся чернорабочим Государства, за интересы которого он провоевал всю свою молодость – и в Финскую, и в Отечественную. Государства, которое его всегда подставляло, но которое он самоотверженно защищал, потому что слова Государство, Сталин, Родина составляли для него ассоциативный ряд.

Ну ладно, воспользуемся паузой в разговоре и посмотрим, что там Марина из фронтовых газет в блокнот переписала.

«Парторг – друг и советчик».

«Из писем колхозников».

«Патриотизм воинов».

«Командир-орденоносец Е. И. Долков (читай Я. Е. Седунов)».

Глава 12

– Спасибо, Яков Емельянович, – нарушила молчание Марина, возвращая старику фронтовые газеты. – И за рассказ, и за газеты спасибо – я самое интересное переписала.

– Да не за что, – махнул тот рукой. –

Газеты – это те, что после пожара остались, а рассказ... Я же его не придумывал, что было, то и было...

– А нам придуманный и не нужно, – возразил Витька. – Мы придуманный и в книге прочитаем или вон по телевизору посмотрим. Нам, как всё это на самом деле было, знать интересно. Про Ленинградскую блокаду теперь вот знаем. В другом месте кто-нибудь что-то ещё расскажет...

– Ну что, спасибо за разговор. До свидания, пойдём мы.

– До свиданья, до свиданья, – принялись прощаться остальные ребята.

– Ну что же, до свиданья, – старик, держа в одной руке стопку газет, в другой подушечку с наградами, поднялся с завалинки и вместе с молодёжью направился к калитке. – Будем считать, перекур кончился – надо ограду докрашивать.

Прикрыв за ребятами калитку, Яков Емельянович сделал было несколько шагов по направлению к стоявшему под деревом ведёрку с краской, но, вспомнив о газетах и о подушечке, покачал головой и принялся подниматься на крыльцо.

– Да!.. – протянул Саша. – Славно поговорили!..

– Ну так! – откликнулась Марина. Потом, взглянув на часы, поинтересовалась: – Вы хоть знаете, сколько мы разговаривали?

– Представления не имею, – признался Саша.

– Минут сорок, наверное, – выдвинул Витька свою версию.

– Ага, сорок, – насмешливо подтвердила девушка. – Два с половиной часа не хотите?

– Шутить? – поинтересовался Колесников.

– Да, Витенька, шучу, – охотно согласилась Марина. – И заметь, так много и остроумно, что меня саму уже впору начать конспектировать – третий час времени...

– Да!.. – снова протянул Саша. – Поговорили... Ну что? Хватит на сегодня? – добавил он полуутвердительно.

– Смотрите сами, – заметила Ольга. – Хватит так хватит – ещё до Елабуги добираться...

– Знаете что, давайте поедим! – неожиданно вспомнил об имеющихся про-

дуктовых запасах Витя Колесников. – У нас же еды с собой ещё море! Слышь, Сашка, и отбирать её больше никто не будет!..

– Всё, вперёд! – скомандовал он в следующее мгновение, указывая рукой направление будущего движения.

– Ну вот, – улыбнулась Наталья. – Дальнейшая жизненная цель найдена...

... Очередной походный лагерь ребята разбили на солнечном косогоре, чуть в стороне от места предыдущей стоянки. Впрочем, берёзовая изгородь, огораживающая картофельные посадки, и сруб заброшенного колодца, заколоченный досками, с косогора были видны, просто находились они чуть в стороне, под деревьями. Ребята же устроились посреди луга, благо поднявшийся ветерок создавал какую-то имитацию прохлады и не давал огромным рыжим комарам собраться в зловеще гудящее облако.

– Нет, как вам понравился санаторий в блокадном Ленинграде? – усмехнулась Марина, которая, сидя на траве, перелистывала блокнот со сделанными в деревне записями. – Ничего себе, сведения! Никакому бы Геббельсу не приснилось! Что, Саш, молчишь? Скажи что-нибудь!

– А что я тебе скажу? – пожал плечами устроившийся у ног девушки Захаров. – Дико. Дико, Марина, но иначе быть не могло и не может.

– То есть? – не поняла Марина. – Ну давай, объясняй...

– Видишь ли, милая, – принялся объяснять Саша, – социализм – не коммунизм. Да и возможен ли он, коммунизм, вообще? От каждого по возможности – от профессора и от сантехника, – каждому по потребности. Красиво, но кто сказал, что потребности сантехника ниже потребностей профессора, а труд его для общества так же ценен?

– Условно говоря, – подвёл Саша черту сказанному, – в блокадном Ленинграде было сделано всё, чтобы прежде всего выжили профессора, потому что именно они определяют пути движения общества, а сантехники этому движению только способствуют, обеспечивают его.

– Ну хорошо, – Марина кивнула и по старой студенческой привычке принялась искать логический просчёт в Сашиних рассуждениях. – А как же тогда быть с Седуновым? Ведь по твоей-то теории ста-

рик был в блокаду сантехником? Велика шишка – старшина, пусть даже помощник начальника особого отдела полка!

– Седунов – случай особый, – возразил юноша. – Это мастер, профессионал экстра-класса. Если бы каждый сантехник мог бы, да хотя бы хотел бы, стать таким профессионалом, коммунизм не был бы красивой сказкой. Но в том-то и беда, что, кроме возможностей человека, существуют ещё и его желание или нежелание. Сталину эти свойства человеческой природы были достаточно хорошо известны, поэтому диктатура в стране и держалась на тотальной слежке и круговой поруке. В армии этим особые отделы и занимались. А были ещё штрафотряды, расстреливавшие отступающие штрафные роты, да и не только штрафные...

– Саша! Марина! – окликнула ребят Наташа, занимавшаяся вместе с Ольгой приготовлением походного обеда. – Идите, перекусим. Витя! Тимур! Ну дети, что один, что второй, – всплеснула руками девушка. – Дались вам эти кузнечики!..

Глава 13

Обед я описывать не буду. И не буду описывать, у читателя может остаться впечатление, что герои произведения только и делают, что едят. В самом деле, на свадьбе они ели, в поезде если, в Куйбышеве опять ели. Потом была Елабуга, заброшенный колодец возле Танайки, теперь вот луг возле той же деревни... Может сложиться мнение, что либо автору, кроме приёма пищи, и описать больше нечего, либо что автор этот живёт впроголодь и еда уже начала ему сниться. Первое и второе будет не совсем верно. Именно так: «не совсем», а не по-другому – «совсем не...» Как бы там ни было, от очередного описания приёма пищи автор откажется и отметит только слова Вити Колесникова, улетающего варёную картошку, о том, что ему крупно повезло, что сумку с провизией собирали с собой девушки, а не Саша или Тимур, которые непременно бы что-нибудь забыли: или спичечный коробок с солью, или, что вообще уму непостижимо, одну из баночек, наполненных еврейским паштетом...

Так что повествование наше продолжится уже с послеобеденного пере-

кура (кстати, курят герои так же много и часто, как и едят... Впрочем, в то время, когда происходит действие, Минздрав, по-моему, ещё не начал предупреждать о том, что курение вредит нашему здоровью, а может быть, уже и начал... Но вот то, что цыгане, торгующие сигаретами, ещё не заменили госторговлю, из которой эти сигареты внезапно пропали, совершенно точно).

– Ты знаешь, Сань, – признался, прикуривая сигарету, Витя Колесников, – я вот всё думаю и не могу решить: кто больше виноват – автор «Блокады» или режиссёр фильма? Кто вторично убил людей, ползущих спасать эту девочку? Ведь если огонь по цепи, прикрывшейся пленными, наши не открывали, вернее, открыли после того, как это прикрытие чудом было устранено, значит и девочки не было, как не было потом немецкого снайпера и людей, этим снайпером убитых, а был только герой произведения, который не побоялся встать из окопа и проявить недюжинную смекалку. Кстати, ты не помнишь, кто для фильма сценарий писал?

– Не помню, – признался Саша. – Да какая разница? Один соврал, другой повторил... Дело-то не в том, кто, а в том, почему...

– Ну и почему? – спросил Витька, стряхивая пепел с сигареты.

Саша усмехнулся и ответил в тон товарищу:

– Да потому, Витенька, что по законам живой морали и нравственности советские воины не могли открыть огонь по врагу, прикрывавшемуся советскими пленными, нашими соотечественниками... – Это такая же аксиома, – Саша снова усмехнулся, – как и то, что женщины, жёны больших начальников, никогда не смогли бы допустить появления в печати и на экране этого эпизода...

– Значит, «Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте...», – процитировал Витька Твардовского.

– «В пятой роте, на левом, при жестоком налёте...», – кивнул Саша. – Вообще, если говорить по большому счёту, Твардовский один из немногих советских писателей, которого действительно можно назвать народным...

Докуривали молча. Девушки, сложив обратно в сумку остатки вытасненных

из неё продуктов (если пустые банки из-под молока и паштета можно назвать остатками продуктов), устроились возле на траве, терпеливо дожидаясь окончания перекура. Впрочем, последнюю фразу можно отнести лишь к Наташе и Марине, потому что Ольга, демонстративно вытащив из сумочки пачку сигарет, сменяла у брата одну сигарету на коробок спичек и теперь сидела неподалёку от ребят, время от времени затягиваясь сладковатым дымом и при этом блаженно жмуря глаза, одновременно насмешливо косясь на Сашу Захарова.

Саша же, упорно делая вид, что не замечает Ольгиных взглядов, наконец докурил, отправил окурочек куда-то в сторону и поднялся на ноги.

Глава 14

Через минуту следом за товарищем, оставив после себя пяточок примятой на бугорке травы, поднялся Витя Колесников.

– Ну что, двинемся, что ли, потихоньку? – то ли спросил, то ли предложил он продолжающим пока ещё сидеть девушкам. Затем нагнулся, поднял расстеленную на траве штормовку и, встряхнув её, перекинул через левую руку.

– Пойдёмте, – отозвалась Марина, вставая на ноги и помогая подняться протянувшей ей руку Наташе. – Ольга, Тимур, труба зовёт!..

...В обратный путь ребята отправились уже не по тропинке, начинающей петлять чуть левее от места последней стоянки, среди зарослей кустарника, а по просёлочной дороге, пролегающей прямо через луг и одним своим концом скрывающейся за крайними домами деревни. (Чуть было не написал «избами», но вовремя вспомнил, что желательно называть вещи своими именами: дома – это дома, а избы – избы...)

Вот эта дорога через некоторое время и вывела ребят на автотрассу за посёлком, до которого утром они добирались рейсовым автобусом из Елабуги. Так что, знай Ольга раньше о существовании такого удобного и более короткого пути в Танайку, она непременно попросила бы водителя остановиться, не доезжая остановки. Но о просёлочной дороге Ольга не знала да и в самой деревне была раньше

только однажды, ещё девочкой, когда баба Света и деда Коля ездили в деревню на свадьбу дочери своей хорошей знакомой и брали с собой гостившую у них в это время внучку, которую не с кем было оставить дома.

– Ну что? Пойдём в посёлок, на остановку? – спросила Марина, оборачиваясь к подруге.

– Пойдёмте, конечно, – кивнула Ольга. – Скоро послеобеденные автобусы в райцентр пойдут...

... По логике вещей, автобусы до Елабуги должны были идти мимо вышедшей на автотрассу молодёжи, но вот на то, что хоть один из них остановится, увидев поднятые руки, не было никакой гарантии. Впрочем, автор-то как раз убеждён в том, что первый же автобус, появившийся на дороге, подобрал бы случайных пассажиров. Но ребят жизнь в большом городе приучила к обратному, поэтому, не устраивая излишних дискуссий, они двинулись по обочине к виднеющимся невдалеке строениям, до которых, впрочем, так и не дошли.

На дороге показался выехавший из деревни грузовик с крытым кузовом, и через минуту, когда он поравнялся с шагающей навстречу компанией, кто-то из ребят на удачу поднял руку. Грузовик притормозил, проехал по инерции ещё несколько метров и остановился, а Витька, оказавшийся крайним к замершей машине, побежал к кабине. В следующее мгновение он уже призывно махал рукой.

– Иди, Марин, садись в кабину, – распорядился Колесников, распахивая дверцу перед подбежавшей вместе с остальными девушкой. – Деньги-то у тебя...

Затем пришёл к заднему борту и вслед за Тимуром, подсаживавшим сестру и её подругу, вскарабкался в кузов.

– Ну всё, поехали! – бросил Саша в открытое заднее окошко кабины, и грузовик тронулся.

Через какой-то не очень продолжительный отрезок времени остановленный на дороге грузовик, кстати, специально и предназначенный для перевозки пассажиров, катился уже по улицам районного центра. Впрочем, улица, как читатель, вероятно, помнит, была одна и довольно протяжённая. На ней находились и автовокзал, и дом бабы Светы с дедой Колей,

на котором она, кстати, далеко ещё не кончалась...

Начиналась же улица с мягкого, Витя Колесников сказал бы «ненавязчивого», перехода в неё загородной автотрассы. Так что фольклористы-путешественники толком и не поняли, когда закончился их поход по окрестным населённым пунктам и началась собственно автомобильная экскурсия по чужому для большинства из них городу. Впрочем, какая экскурсия из закрытого кузова машины?! Марина ещё что-то видела из кабины. Если точнее, то же, что утром по дороге к автовокзалу.

Наконец, достигнув исходной точки похода, грузовик остановился. Пассажиры попрыгали из кузова, помогли спуститься на землю девушкам, Марина же, рассчитавшись с шофёром, захлопнула за собой кабинную дверцу, и грузовик, оставив после себя синее облако угарного газа, тронулся с места.

– Сколько запросил? – поинтересовался отличающийся, по его собственному утверждению, чрезвычайной меркантильностью Витька.

– Рубль с человека, – сообщила Марина.

– Ничего, по-божески, – Колесников удовлетворённо кивнул. – Ну что, пойдёмте, что ли, домой, а то я с непривычки что-то уже с ног валюсь. Хочу упасть в душистое сено, – проникновенно добавил он, поворачиваясь лицом к ограде, за которой с недавних пор с друзьями квартировал.

Глава 15

Перейдя на другую сторону дороги, ребята оказались в начале знакомого переуллка.

– Ты смотри, как будто и не уезжали никуда, – заметил Саша. – А колодец, Танайка, Седунов? Приснились, что ли?

– Приснились, Саша, приснились, – улыбнулась Марина. – И свадьба, и поезд, и Самара – всё приснилось. А через неделю и этот дом будет сном казаться... Так, Ольга?

– Наверное, так, – пожалала плечами девушка. – Что наша жизнь? Сон.

– Ни фиги! – возразил целеустремлённо направляющийся к заветному сеновалу Колесников. – Телевизор нужно смотреть.

– «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...», – процитировал Витька слова песни из «Земли Санникова».

– Понятно? – поинтересовался он у участников очередной спонтанной дискуссии. – Вот вы идёте по переулку – это жизнь, а свадьба, поезд, Самара – всего лишь прошлое. Станет из нас кто-нибудь знаменит, я например, и первое, и второе, и третье войдёт в историю. Не станет никто – значит, нашим общим прошлым и останется. Я, уважаемые, материалист. Захаров, кстати, тоже. Знаете, что он сейчас сделает?

– Я сейчас лягу, – встрял Саша в Витькин монолог.

– Вот! – обрадовался однокурсник. – Сашка сейчас поднимется на сеновал и, как и я, упадёт в душистое сено! Ну, пришли, кажется?

– Ещё несколько метров – и можешь падать, – ответила Ольга, открывая калитку.

– О, вот и путешественники вернулись! – заметил сидевший на крыльце дед Коля. – Света! – крикнул он в приоткрытую в дом дверь. – Иди туристов встречай!

На крыльце показалась с полотенцем в руках бабушка Света. Улыбнувшись, она облокотилась на деревянные перила и стала ждать, пока молодёжь приблизится к дому. Затем ласково спросила:

– Ну как? Нагулялись?

– Нагулялись, бабушка, нагулялись, – ответила за всех внучка. – Думаем вот, как бы до кроватей добраться...

– Ну, теперь-то уж доберётесь, – заметил дед, поднимаясь со ступенек и освобождая проход в дом. – Кушать хотите?

– Правда, время обеденное, – поддержала мужа старуха. – Мы с Колей только только из-за стола вылезли...

– Да баб, мы не голодные, – успокоил Тимур. – Мы недавно ели. Мы уставшие, – пояснил он. – Знаешь, сколько мы протопали?

– Ну, отдохайте, – старуха согласно кивнула. – Хотите – идите телевизор посмотрите.

– Нет, пусть девчонки смотрят, – отказался за всех Витька. – Мы к себе на сеновал: надо полежать немного.

– Приходите в гости, как оживёте маленько, – пригласил Саша подруг,

сворачивая следом за Колесниковым на ведущую в глубь двора тропинку. – Пойдём, Тимур.

– Пока! – бросила вдогонку Марина и вслед за подругами поднялась на крыльцо.

Витя Колесников, протопав по лестнице, положил у чердачной двери целлофановый пакет с блокнотами, потом прошёл в глубь сеновала и в изнеможении опустился на расстеленное одеяло.

– Ты знаешь, Сашка, – признался он, оборачиваясь к появившемуся в дверном проёме однокурснику, – я, кажется, понял, для чего люди на пляж ездят.

– А ты сам не ездил, что ли? – Саша недоуменно пожал плечами. – А то тоже – люди...

– Да нет, – Витька с лёгкой досадой махнул рукой. – Езжу, конечно. Я не о том.

– Понимаешь, весь кайф не в том, чтобы при всех снять штаны и во время ужасной жары залезть в прохладную воду, – продолжал развивать очередную мудрую мысль Колесников, – а в том, чтобы сделать это вместе со знакомыми или хотя бы у них на глазах. Вот ты ночью когда-нибудь купался? Какая уж там жара!

– Ну, купался, – пожал Саша плечами. – Но не один же, с тобой и купались.

– Вот то-то и оно...

– Ай, Витька, отвяжись, а? – Саша досадливо махнул рукой, опускаясь рядом с товарищем и расстёгивая на груди рубаху. – Тут и так в мыле все, он ещё про пляж начинает...

– Нет, Тимур, ты только посмотри, как он ловко и ненавязчиво ушёл от разговора на философскую тему, – обиженно пожаловался Колесников. – Ну и чёрт с тобой, я один думать буду, – добавил он, закидывая руки под торчащую из сена голову. – Думать и, может быть, немного философствовать...

– Это пожалуйста, – кивнул Саша.

– Только, если можно, думай про себя и в нужном направлении. Я, пока впечатления свежие и детали не стёрлись, мемуарат буду писать, – неожиданно заявил Захаров, подвигая к себе брошенную Витькой сумку и вытаскивая из неё толстую жёлтую записную книжку-блокнот с заложенной в неё ручкой.

– Слушай, Тим, сходи к девчонкам

за бумагой, – попытался он припахать повалившегося рядом с Витькой десятиклассника. Однако, видя явное нежелание и досаду, нарисовавшиеся у того на лице, махнул рукой, сказал, что, так уж и быть, сходит «на женскую половину» сам, после чего застегнул рубашу и, шагнув за порог, принялся спускаться по лестнице.

Глава 16

Девчонки расположились на отдых в большой комнате или зале, с книжным шкафом, телевизором, сервантом, заставленным посудой, и круглым обеденным столом светлой полировки, накрытым старинной красно-коричневой скатертью. Интерьер комнаты дополняли расставленные вокруг стола мягкие стулья и старенький диван-кровать, который в настоящее время являлся диваном. Сидящими на этом самом диване напротив включённого телевизора Саша подруг и застал.

Остановившись на пороге комнаты, Захаров критически оглядел обстановку, хмыкнул, мысленно сравнив её с интерьером мужской «чердачной резиденции», затем заявил, что красиво жить не запретишь, но сенного запаха в этом домашнем убранстве явно не хватает...

– А мы за запахом к вам ходим, – парировала Ольга. – Иди, Саш, садись, посмотри телевизор, – пригласила она, пододвигаясь к Наталье. – Отвык от цивилизации?

– Ладно, смотрите, я на минутку, – отказался юноша.

– Марин, газеты фронтовые... – напомнил он.

– А, Саш, сейчас. Подожди, блокнот принесу, – Марина поднялась с дивана, прошла в другую комнату и вернулась обратно с блокнотом. – На. Меморат будешь писать?

– Угу, – буркнул Захаров. – И бумагу дайте.

– Ну а что сразу не сказал? – Марина снова ушла в комнату и уже оттуда громко спросила: – Оль, где у нас тетради?

– На моей сумке одна лежит, – откликнулась девушка. – Ему хватит – двадцать четыре листа.

– Не хватит – я еще приду, – пообещал

Саша, принимая из Марининых рук тетрадку и поворачиваясь к дверям.

– Приходи. Мы тебе всегда рады, – заверила Марина. – Колесникову привет.

– Непременно, – пообещал Саша. – Очухается – передам...

Спустившись с крыльца на тропинку, Саша направился было к сеновалу, но, проходя мимо вкопанного возле летней кухни столика, неожиданно передумал. «Всё равно Витька писать не даст», – подумал он. Затем положил на столик выданные Мариной блокнот и чистую тетрадь и через минуту поднялся на сеновал уже за своими записями. Витька с Тимуром продолжали лежать на одеяле, о чём-то лениво переговариваясь.

– Вот он, – произнёс Витька при Сашином появлении. – Ну и чем там идейное руководство занимается? – поинтересовался он в следующее мгновение, бросая к ногам друга сумку-пакет с деревенскими записями. – На, не ищи...

– Телевизор смотрят, – ответил Саша, поднимая пакет и поворачиваясь обратно к выходу. – Пойду во двор писать, там хоть сесть нормально можно. А, привет тебе...

– Спасибо, – кивнул Колесников, – иди, потом прочитаешь, что получится, может, добавим что-нибудь...

– Прочитаю, конечно! – пообещал Саша, усмехнувшись. – Что я, для себя буду писать?

– А для кого, для меня, что ли? – догнал Витькин вопрос уже спускающегося вниз юношу и заставил на секунду задуматься.

Однако в следующий момент Саша прогнал мелькнувшую было мысль и, подходя к столику во дворе, был целиком уже настроен на предстоящее написание мемората. Между тем мелькнувшая и недодуманная до конца мысль была интересна и настолько актуальна, что несколько лет спустя Саша Захаров вернётся к ней снова, но уже на несколько ином уровне.

А вернётся Саша к мелькнувшей когда-то в одном из дворов Елабуги мысли спустя добрый десяток лет, когда неожиданно соберётся к очередному юбилею Победы в Великой Отечественной войне написать очерк для областной газеты. С этой целью и будет извлечена из ящика письменного стола с незапамятных пор

валяющаяся в нём стилизованная запись рассказа бывшего старшины.

Вот тогда-то Саша и подумает, что в своё время и он, и Витя Колесников, сами того не ведая, говорили истинную правду. Саша, как он думал, садился писать меморат не для себя. А получилось, что для себя. Витя считал, что пишет Захаров исключительно для того, чтобы поиграть в литературу и потешить собственное самолюбие: зачёт-то за прохождение практики ему был не нужен. Вышло же так, что работал за столиком во дворе Саша как раз именно для Витьки и других читателей газеты.

Другое дело, что к моменту публикации очерка Колесников с семьёй давно уже будет находиться далеко за пределами области. Но вольному воля, как считал Саша Захаров (впрочем, давно уже не Саша, а Александр), рыба ищет, где глубже...

... Часа через полтора, превратив эпизодические деревенские записи в связный рассказ, заканчивающийся документальными выписками из дивизионной многотиражки, Саша удовлетворённо выпрямился, сложил в стопку тетрадные листы, исписанные поперёк, так, как обычно пишут и печатают на листах форматной бумаги, и направился в сторону дома — якобы для того, чтобы вернуть Марине записную книжку, в действительности же с явным, хотя и скрываемым, желанием похвастать завершением собственных литературных трудов.

Глава 17

Телевизор был уже выключен, и девушки занимались каждая своим делом. Марина сочиняла письма подруге, с которой она после поступления в институт год жила в одной комнате общежития и которая в прошлом году уехала работать в деревню. Наталья, сидя у противоположного края стола, склонилась над какой-то книгой. Ольга же на правах хозяйки озаботилась жизнью домашних растений и концом карандаша рыхлила землю вокруг шишкообразного кактуса, торчащего из разукрашенного бело-голубым орнаментом цветочного горшка.

— Ну вот и писатели пришли, — заметила она на Сашино появление в дверях.

— Написал?

— Написал, — кивнул Саша. — Пойдёмте, прочитаю...

— Саш, ты обожди чуть-чуть, я сейчас закончу письмо и пойдём слушать, — подняла голову Марина.

— Ладно, — кивнул студент. — Чего ждать? Я к ребятам пошёл. Они уже належались, наверное, а я-то нет ещё. В общем, приходите.

— Придём, Саша, минут через десять, — пообещала Ольга. — Марина с письмом закончит, а я как раз с кактусом...

— А Наталья — с книгой? — засмеялся юноша, направляясь к дверям.

— Ладно, шучу, шучу! — заверил он уже с порога. — Приходите! Будем ждать!

Прикрыв за собой дверь, Саша вышел на веранду с неизменным хозяином дома на скамеечке у стола.

— В гости ходил? — поинтересовался дед Коля, отрываясь от расстеленной на столе газеты.

— Проводывал, как живут, чем занимаются, — потянулся студент.

— Значит не с гости, а с инспекцией, — заключил старик. — Тоже правильно, — добавил он, чуть помолчав. — Женщин нужно в строгости держать...

— Да я стараюсь, — пожал Саша плечами. — Получается, правда, плохо. Но я стараюсь.

— Ничего, получится, — заверил старик. — Было бы желание.

— Жарко, — сменил тему Саша. — Пойду на сене поваляюсь.

— Тоже правильно, — поддержал дед. — У вас же каникулы...

— Да скоро уже кончатся, — ответил Саша, спустился с крыльца и направился в сторону сеновала.

«Ну и хорошо, что кончаются, — подумал он, поднимаясь по лестнице. — Соскучился по институту. Вот, наверное, в первый день разговоров будет. Свету увижу...»

Но тут же прогнал запретную мысль и, одолев последнюю ступеньку, оказался перед дверным проёмом, за которым в привычном уже полумраке угадывались фигуры Витьки и Тимура, режущихся на одеяле в дурака.

— Бог в помощь, — приветствовал Саша картёжников.

— Вашими молитвами, — отозвался Витька.

– Ну-ка, ну-ка покажи, что у тебя в другой руке, – переключился он на партнёра. Затем, подавшись вперёд, вытащил из-под руки мальчишки карту и бросил её к остальной кучке уже вышедших из игры карт.

– Видал, Саня, что делается? – с возмущением поинтересовался Колесников. – Жулик!

– От жулика слышу, – невозмутимо парировал Тимур. – Я хоть другую масть за козыря не выдаю.

– А я выдаю, что ли? – возмутился Витька. – Ошибся один раз!..

– Ладно, – усмехнулся Саша, опускаясь на одеяло возле картёжников. – Ты мне-то не рассказывай, знаю я твои ошибки...

– Вы давайте закружляйтесь, – посоветовал он, усаживаясь на краю «игрового поля» и складывая ноги по-турецки. – Сейчас девчонки придут.

– Написал? – спросил Витька уже серьёзным голосом.

– Написал, конечно, – кивнул Захаров. – Что это, роман, что ли? Да и времени после разговора прошло чуть – я ещё и лица Седунова забыть не успел.

– Лица Яши Осенина, – поправился Саша с улыбкой.

– Да, прозвище у него в деревне было классное, – Витька, в очередной раз оставшийся дураком, принялся собирать рассыпанные на одеяле карты.

– Сплошная поэзия, – вставил реплику мальчик, понимая, что, выиграв у Витьки в карты, пока что имеет право на высказывание собственного мнения, но очень скоро этого права лишится и, чтобы не казаться смешным, вынужден будет большей частью молчать...

Саша, взглянув на школьника, мгновенно понял причину его литературоведческого замечания, хотел что-то сказать, но после раздумал и только молча улыбнулся...

– Девчонки идут, – сообщил сидевший лицом к двери Витя.

– Они не заставили себя ждать, – прокомментировал Саша Витькино сообщение.

– Проходите, проходите, – говорил он минуту спустя в ответ на Маринино «Встречайте гостей». – Я уже вас дождался...

– Славы хочется? – поднявшись

следом за подругой, поинтересовалась Ольга.

– Конечно, хочется, – с неожиданной откровенностью признался Саша. – Всю жизнь, что ли, в папку писать? Давайте рассаживайтесь!

Глава 18

– «Яша, к нам прилетели два самолёта и сели на наши огороды. Был митинг колхозников. Того, кто внёс в помощь Красной армии свои сбережения, прокатили на аэроплане. Яша, тятенку тоже прокатили...» – закончил Саша чтение написанного мемората строками из письма, пришедшего старшине Седунову на фронт.

– Сколько там отец орденосца Седунова занял государству? – переспросил Витька.

– Двадцать тысяч, – заглянул Саша в Маринины записи. – Да ещё сам старшина полторы тысячи внёс...

– Так, – протянул Колесников. – Мы так вам верили, товарищ Сталин...

– Да брось ты, Витька, – Саша сложил в стопку исписанные листы, бросил их возле себя на одеяло и поднял глаза на однокурсника. – Что значили деньги для того, кто каждый день под смертью ходил? А для родственников этого человека?

– Для них – ничего, – согласился Колесников. – Но для государства значили. И значили очень много.

– Ладно. Бросили так бросили, – махнул он в следующее мгновение рукой. – Победили – и слава Богу. Хорошо, только двадцатью миллионами заплатили. Могли и больше...

– Больше и было, – вздохнула Марина.

– Давайте планы на завтра прикинем, – Саша резко сменил тему разговора. – Что делать-то будем?

– У меня, собственно, такое предложение, – подняла голову молчавшая до сих пор Ольга. – Давайте к могиле Цветаевой сходим...

– Давайте, – поддержала Марина. – А ещё у меня дата завтра...

– Неужели?! – оживился Захаров. – Ты договаривай, договаривай...

– Да, Саша, на этот раз ты угадал, – улыбнулась девушка, – завтра Арте-

ковский день... Но это вечером, когда с кладбища вернёмся.

– А потом сразу бросим пить, – опрометчиво заявил Колесников.

– Ты и завтра не разопьёшься, – успокоил Витьку однокурсник. – Там всего одна бутылка, а денег нет: до Новосибирска пешком далеко. Так что придётся ограничиться пионерским костром...

– Не ёрничай, Захаров, – посоветовала Марина. – Суть вожатского братства тебе просто недоступна...

– А это мы ещё посмотрим! – возразил Саша. Причём возразил с полным на то основанием, поскольку на следующее лето, в соответствии с программой обучения, им с Колесниковым предстояло проходить практику в качестве пионервожатых в одном из пионерских лагерей области.

Забегая вперёд, автор не преминёт заметить, что Марина, конечно же, оказалась права: работа пионервожатыми обоим не понравилась чрезвычайно. Причём нелюбовь оказалась взаимной, поэтому Захарова выгнали на третий день воспитательной деятельности, а приспособленца Колесникова – на пятый. Ещё неделю друзья пили водку в отдельной пустой палате у своего однокурсника, также пионервожатого одного из отрядов. Затем же, после исчерпания имеющихся финансов, Саша с Витей подхватили чемоданы, которые так и не успели толком разобрать, и вернулись обратно в город.

Зачёт же за прохождение летней педагогической практики студенты получили только год спустя, по знакомству, и то лишь для того, чтобы впоследствии получить диплом: без записи в зачётке его бы просто не дали. О стипендии я уж и не говорю! Саша, например, зарабатывал свою стипендию, охраняя по ночам различные никому не нужные учреждения...

Но это в будущем. Пока же Захаров действительно так далёк от проблем летнего отдыха подрастающего поколения и союза людей, это самое поколение воспитывающих, что ещё может позволять себе шутки относительно пионерской символики и ритуалов...

– Ладно, бросьте вы свои споры, – вмешалась Ольга в готовую вспыхнуть перепалку. – Может, из Захарова ещё первоклассный вожатый получится. Дожить нужно. Давайте о настоящем...

– Ну, а что о настоящем? – пожал плечами Колесников. – Сейчас пойдём попьём чаю – и на боковую: день тяжёлый был, а утро вечера мудренее...

– Так на кладбище-то пойдём завтра? – спросила Ольга, поднимаясь на ноги вслед за подружками. – Или за чаем решим?

– Да пойдём, конечно, – пожал Саша плечами. – Только будить утром не приходите...

– Точно-точно! – поддержал Витя. – Всех дел-то – на могилу Марины Цветаевой сходить и артековскую водку выпить, а поднимут ни свет ни заря...

– Ладно, – улыбнулась Марина. – Считайте, что договорились. Завтра можете спать, как дома в выходной.

Друзья, один за другим спустившись по лестнице, оказались во дворе. Дневная жара уже начала спадать, но до темноты было пока ещё далеко. Наступил вечер, то есть то время, когда городские старухи, высыпав из блочных и кирпичных многоэтажек, рассаживаются на стоящих у подъездов и ещё не сломанных мальчишками или самоопределяющейся подвыпившей молодёжью лавочках, деревенские же доят вернувшуюся с выпаса скотину.

Елабугу трудно было назвать как городом, так и деревней: в каждом доме имелась собственная веранда, что, понятно, значительно предпочтительней общественной «коммунальной» скамейки. Но проводить на ней вечера местным старухам, и в частности бабе Свете, было некогда: наступало время вечерней дойки возвращающейся домой коровы Марты. Дед Коля же, как правило, проводил вечер за просмотром телевизионных новостей. Поэтому и сегодняшнее чаепитие проходило без молчаливых, хотя и доброжелательных свидетелей, а роль хозяйки-распорядительницы по праву досталась уже начавшей привыкать к ней Ольге.

Глава 19

Утро, как и было предварительно обещано, для Саши с Витей (ну и, соответственно, Тимура) началось не с насильственного подъёма, а с косых солнечных линеек, пробивших чердачный сумрак через щели стенной обшивки. Вернее, Саша с Тимуром пока ещё спали, так

что постепенное расползание по углам остатков ночного мрака Колесникову некоторое время пришлось созерцать в одиночестве. Наконец, Витька осторожно, чтобы не разбудить соседей, вылез из-под стежёного одеяла (благо спал он с краю) и полез в сумку за сигаретами. Затем с пачкой в руках улёгся обратно.

– Ты уже на пути к язве? – осведомился, приоткрывая глаза, Захаров. – Счастливой дороги...

– А ты-то что проснулся? – удивился Витя. – Спи, время ещё – ни свет ни заря. Скажешь потом, что поспать не дали.

– Не будят, вот и проснулся, – объяснил Саша. После сел, потянувшись, взял сигареты с Витькиных коленей и тоже закурил.

– Посмотрим, что на белом свете делается, – сказал он и, поднявшись на ноги, направился к двери.

...На белом свете, то есть в одном из дворов городка Елабуга, наступило утро. Ступени ведущей вниз с чердака лестницы потемнели от выпавшей перед рассветом росы, но солнце уже поднялось над крышами соседних домов и осветило косыми лучами отсыревшую за ночь лестницу и доски обшивки сеновала, пробившись косыми линейками внутрь помещения. Из животного мира обращали на себя внимание несколько воробьёв, усыпавших забор, отделяющий двор от соседнего, и хозяйский петух, которого ещё не успели выставить за ворота, и который, пользуясь этим, разрывал ногой землю пока в ограде.

– И что там на белом свете? – поинтересовался продолжающий лежать Витька.

– На белом свете утро, – сообщил Саша. После сладко потянулся и, обернувшись к другу, предложил: – Ну что, пойдём умываться?

– Пойдём, – пожал Витька плечами. Затем ткнул горячей сигаретой в стоящую в изголовье консервную банку с окурками, поднялся на ноги и, наклонившись над стоящей у стены сумкой, вытащил из неё полотенце и зубную щётку.

...Саша, стоя возле приколоченного к стенке летней кухни умывальника, вытирал лицо своим домашним коричнево-бордовым полотенцем, когда на тропинке, ведущей от дома, показалась вереница отправившихся совершить утреннее омовение девиц.

Завидев девичью кавалькаду, Захаров принял подчёркнуто независимую позу и продолжал вытираться уже демонстративно, явно желая подчеркнуть сам факт своего более раннего пробуждения...

Естественно, что такое событие просто не могло пройти незамеченным. Сначала Ольга, а затем Марина с Наташей попеременно выразили своё удивление, а затем и восхищение Сашиней самостоятельностью. Захаров же принял девичьи похвалы и одобрение с деланным равнодушием: пожав плечами, он сообщил, что они с Витькой вообще жаворонки (что вызвало немедленные недоверчивые смешки), и что Колесников, видимо, уже и Тимура разбудил, и постель застелил, пока «некоторые только умываться собрались», и что «как только девушки приведут себя в надлежащий вид», они с другом, «ну, и с Тимуром тоже», уже будут готовы к утреннему чаепитию перед предстоящим посещением могилы опальной поэтессы...

...Кладбище находилось за городом, в сосновом бору. По сравнению с березняком или осинником сосновый лес всегда казался Саше каким-то величественным. И благодаря царящему у подножия деревьев сумраку, и по причине отсутствия частых зарослей разной кустарниковой мелочи вроде молоденьких осинки и топольков, и из-за самой почвы, усыпанной старыми шишками и сухой хвоей...

В этой части кладбища давно уже не хоронили, поэтому она скорее напоминала тенистый парк, куда можно зайти посидеть или прогуляться в солнечный летний день по одной из тенистых аллей. Впрочем, посидеть-то как раз на кладбище было особенно негде, разве что на какой-нибудь скамеечке возле одной из могил. Но подобное сидение, как правило, наталкивает на грустные мысли и, что интересно, именно по поводу смерти того человека, для посещения могилы которого родственниками и была вкопана в землю скамеечка. Хороший был, наверное, человек, если навещающим его могилу людям требуется место, на которое можно было бы присесть...

Впрочем, отсутствие кладбищенской скамейки тоже ещё ни о чём не говорит. Есть люди, которые живут на бегу, умирают на бегу и навещают которых тоже

на бегу. А есть такие, которых вообще не навещают...

Могилу Марины Цветаевой навещали. Вернее, однажды, наверное, одновременно с появлением мраморной таблички на доме, в котором прошли её последние дни, было сделано всё, чтобы навещали. Массивную мраморную плиту с именем, отчеством, фамилией и датами рождения и смерти поэтессы, а также само захоронение охватывала солидная стальная цепь, выкрашенная в серебристый цвет и крепившаяся по краям могилы к таким же серебристым столбикам. По низу могилу окаймляла невысокая узорчатая ограда, за которой к мраморному памятнику примыкала обложенная мрамором же клумба, на которой цветы почему-то не были посажены, но недавно срезанный букетик лежал...

Глава 20

Кладбище вообще мало располагает к болтовне. На кладбище люди обычно приходят или поправить родную могилку – вырвать выросшую на ней траву, или просто помолчать (для того и ставят возле могил скамеечки).

О последнем прибежище русской

поэтессы в Елабуге заботились и без случайно появившейся в городе группки приезжей молодёжи. Поэтому ребятам только второе и оставалось: прислонившись к стволу сосны, молча постоять напротив огороженного цепями памятника; задумчиво побродить по тропинкам кладбища, любопытствуя, кто нашёл свой последний приют и успокоение по соседству с опальной поэтессой; и, наконец, миновав проход в выложенной из отёсанных булыжников ограде, отправиться по засыпанной щебнем, но пока ещё не заасфальтированной дороге домой...

– Ну, и каковы дальнейшие планы? – обернулся Саша к девушкам, которые, болезненно морщась, перебрались наконец по камням на тропинку, тянущуюся вдоль противоположного края дороги, и теперь силилась догнать ушедших вперёд ребят.

– А планы прежние, – ответила чуть-чуть запыхавшаяся Марина. – Артековский день.

– Сейчас возьмём дома картошки, хлеба и пойдём на Волгу: костёр разожжём, искупаемся, – пояснила догнавшая подружку Ольга. – В Волге-то вы ещё не купались...

– В Волге – нет, – подтвердил Саша.

– Вообще, программа приемлемая, – заметил Витя. – Сто лет уже печёную картошку не ели. Только соль не забудьте...

– Ну вот и хорошо, – улыбнулась Марина. – Соль и бутылку я постараюсь не забыть...

– Да-да, – поддержал Витька. – Уж ты постарайся! Не отравляй праздник!

Тимур с Наташей, представив отравленный праздник, засмеялись. Саша же, получив дальнейшую жизненную установку, просто улыбнулся и подал тут же всеми принятую к исполнению команду:

– Шире шаг!

– Ну, вы можете пока полежать, – милостиво разрешила Ольга мужской половине коллектива, когда за последним участником кладбищенского похода закрылась калитка. – Нам всё равно нужно ещё переодеться, картошки набрать...

– И соли, – подсказал Колесников.

– И, конечно, соли, – подтвердила девушка и засмеялась.

– Хрен с ней, с солью, – заметил всегда отличавшийся конкретностью Саша, – стакан не забудьте...

– Не забудем, Саша, не забудем, – пообещала с улыбкой теперь уже Марина, – можешь на меня положиться...

– На Бога надейся, – проворчал Захаров. Потом махнул рукой в сторону сеновала: – Пошли, ребята, я, как они куда-то собираются, спокойно смотреть не могу: нервов не хватает...

– Вот и хорошо! Вот и правильно! – почти хором поддержали девушки. – Идите, мы вас позовём.

– Всё, можете расслабляться, – порекомендовал Саша Витьке с Тимуром после того, как они все трое поднялись по лестнице в своё жилище. – Женщины собираются на пляж так же долго, как и в театр. Вполне успеем поспать...

С этими словами Захаров улёгся на одеяло, которое в Елабуге служило заменителем новосибирского дивана, и действительно закрыл глаза. Витя Колесников, имея своё представление о дневном отдыхе, вернее о заполнении случайно возникшей паузы, потянулся к гитаре... Но концерта авторской песни не получилось. Буквально через несколько минут на лестнице послышались торопливые шаги и заглянувшая в дверь Марина сообщила, что к походу на Волгу всё готово и что девчонки ждут в ограде.

– Чудеса да и только, – заметил Саша, поднимаясь рывком на ноги и направляясь к стоящему у стены целлофановому пакету с блокнотом и сигаретами. – Умеют, если захотят...

– Нет, Захаров, в деревне ты таким наглым ещё не был, – заметила бывший заместитель руководителя фольклорной экспедиции.

– Гитару, наверное, тоже с собой возьмём? – полувопросительно предложила она другому бывшему подчинённому-стажёру.

– Так в деревне я зачёт зарабатывал!

– Конечно, возьмём! – одновременно откликнулись друзья, после чего все, включая Тимура, засмеялись.

– Ладно, пойдёмте, – предложила сквозь смех девушка.

– Саша, а пакет-то ты зачем взял? – спросила она, уже спустившись во двор. – На Волге-то что записывать?

– На Волге я буду записывать вас, – объяснил Саша Захаров. – Или себя, если скажу что-нибудь умное...

– Точно-точно, – поддержал Витька. – Захарова иногда просто конспектировать нужно...

– Для этих целей он с собой записную книжку и таскает? – уточнила Марина. – Понятно...

– Ты, Сергеева, чересчур понятливая, огрызнулся Саша. – Под ноги смотри, впереди труба – споткнёшься.

– Спасибо, Саша, ты чрезвычайно внимателен, – поблагодарила девушка.

– Ну всё, идите, – обратилась она к ожидающим у калитки подружкам. – А то Захаров меня комплиментами уже замучил...

Саша от Марининых слов несколько обалдел, поэтому не сразу нашёл, что ответить. Когда же, наконец, нашёл, время было упущено, так что ему оставалось только, махнув рукой, отобрать у Ольги сумку с картошкой и скомандовать приторно сердитым голосом:

– Дорогу показывайте!..

Глава 21

Дорогу показывать взялась Ольга. Просто потому, что никто, кроме неё и Тимура, этой дороги не знал.

Нет, напрягая память, сообразительность и расспросив пару встречных прохожих, приезжая молодёжь, конечно же, в конце концов оказалась бы на берегу реки. Но какой смысл был в подобных географических исследованиях? Смысла не было. Поэтому дорогу показывала Ольга, а ребята просто послушно шагали рядом со своим проводником незнакомыми переулками и через некоторое время короткой дорогой были выведены к Волге. Речной вокзал, с которого несколько дней назад началось их знакомство с городом, оказался чуть выше по течению – ребята

до него не дошли, сразу за причалами начинался городской пляж: песчаные барханы с несколькими деревянными грибками, призванными защищать загорающих граждан от солнца...

Ольга же привела своих друзей на зелёную лужайку, которая, начинаясь от крайнего на улице дома, пересекалась небольшой берёзовой рощицей и, сбежав к Волге, заканчивалась узкой песчаной косой. В общем, место, выбранное девушкой, казалось идеальным.

– Так, ну костром и все прочим займёмся после, – заявил Колесников, сбрасывая туфли и принимаясь расстёгивать рубаху. – Первым делам искупаемся! Давай, Саня, раздевайся.

– А почему только Саня? – то ли удивилась, то ли возмутилась Марина. – Остальные что, не люди, что ли?

– Марина, остальные разденутся сами, – принялся заглаживать свой промах Витька. – Но ты же знаешь, Захаров так часто бывает погружён в собственные таинственные мысли, что если его вовремя не вернуть на землю, он того и гляди залезет в воду одетым...

– Всё? – поинтересовался Саша, стягивая брюки и укладывая их на траву поверх снятых туфель. – Выкрутился...

– Ой, Саш, не говори, – тут же поддержала его Марина. – Ну просто как угорь...

– О! Уже и терминология водная пошла! – воскликнул Витька. – Ну, догоняйте!

Колесников решительной походкой направился к воде, но, ступив на прибрежную полосу намытого рекой песка, сбавил шаг и трусливо пощупал ногой накапывающую на берег волну речного прибоя. Саша, тоже уже к этому времени раздевшийся, некоторое время наблюдал за Витькиным недостойным поведением, наконец, не выдержав, разбежался, с силой толкнул того в спину и плюхнулся в воду следом за однокашником. Витька, неожиданно окунувшийся в реку и от неожиданности же хлебнувший воды, некоторое время возмущённо орал, отплёвываясь и награждая Захарова различными малоприличными эпитетами, после зашёл в воду чуть глубже, оттолкнулся от песчаного дна и поплыл короткими саженками поперёк течения, продолжая отфыркиваться и отплёвываясь, но уже

от той волжской воды, которая почему-то продолжала попадать в рот...

...Купались ребята, как все молодые люди, подростки и дети, едва ли не до синевы. Вернее, девушки, в какой-то момент почувствовав, что с водными процедурами пора бы уже и заканчивать, давно выбрались на берег, обтёрлись предусмотрительно захваченным из дома полотенцем и даже расстелили вытасенное из сумки покрывало, тогда как Витька, Тимур и Саша всё ещё продолжали полоскаться в волжской воде. Наконец Захаров, сообщив, что он купанием вроде бы уже удовлетворён, и пора приступать к следующей части намеченной программы, направился к берегу.

Выбравшись на узкую песчаную прибрежную отмель, Саша по-собачьи встряхнул мокрой головой, рассыпая вокруг себя тысячи брызг, и пошёл было к приготовившимся загорать девушкам, которые тут же отогнали его возмущёнными криками...

– Возьми, Саш, полотенце, – предложила было сжалившаяся Марина. Но Саша, протестующе махнув рукой и заявив, что вытираться нужно только дома после ванны, остановился возле воды, поджидая, когда Витька и Тимур, оба с посиневшими губами, тоже наконец выберутся на берег.

...Когда вся троица оказалась вместе, Захаров принялся было жаловаться на недостойное поведение женской половины коллектива, по поводу чего Витька заметил, что «с девицами надо разобрататься» и что он, пожалуй, займётся этим немедленно, пока ещё не успел обсохнуть... Тимур, охраняя покой кровной родственницы, высказал убеждение в том, что не могло быть не взято из дома ещё одно покрывало для лежания на нём у реки и что нужно просто проверить содержание женской сумки...

– Что мы сюда – загорать пришли? – поинтересовался в ответ на высказанную мальчишкой версию уже несколько обсохший, согретый и переставший жаловаться на жизнь Захаров. – Пойдёмте дрова собирать...

– Пойдёмте, – неожиданно согласился никогда не отличавшийся активной жизненной позицией Витя Колесников. – Только давайте обуемся.

– Да и рубахи можно надеть, – заметил

Тимур. – Мокрые-то только плавки в лесу и выжмем...

– Интересная мысль, – заметил Саша, направляясь к сложенной в кучу одежде. – Я что-то сразу и не подумал, как голому ветки таскать... Вот, Витька, учишь широте мышления – ребёнок ещё даже школу не окончил...

Глава 22

Облазив всю рощицу, ребята в конце концов насобирали по приличной охапке сушняка. Витька же даже умудрился выворотить из земли какой-то то ли пенёк, то ли обломок сгнившей берёзы. Впрочем, для пенька Витькина находка была, пожалуй, слишком велика, для обломка целого дерева, напротив, чересчур незначительна, поэтому сам Колесников называл свою находку просто корягой.

Вернувшись обратно на лужайку, ребята свалили собранные дрова в кучу, и Саша, присев на корточки, принялся выстраивать шалашик из сухих веточек. Через некоторое время вверх потянулась тоненькая струйка дыма, а ещё минуту спустя сквозь стенку шалашика пробился первый язычок пламени.

– Убери, убери свою дубину, – говорил Захаров, отводя в сторону Витькину руку с зажатой в ней находкой, – пусть хоть немного разгорится.

– Положим – быстрее и разгорится, – возражал Колесников.

Сообразив, что каждый участник мероприятия должен иметь какие-то свои, конкретные задачи, Саша наконец просто вырвал корягу из Витькиных рук, бросил её на сваленные в кучу ветки и с лёгкой угрозой посоветовал:

– Слушай, иди отсюда! Тебе заняться, что ли, нечем? Идите вон с Тимуром загорающую публику на спину переверните, чтобы не сгорела, или картошку принесите – скоро зола будет...

– Ты посмотри, начальник какой, – обиделся Витька. – Вот возьми сам и принеси, а я, может, хочу огонь подерживать!..

Захаров, представив, как Витька поддерживает огонь, усмехнулся, но промолчал, затем, вытащив из сваленных в кучу дров сухую толстую ветку, принялся разламывать её на части и подбрасывать

в разгорающийся костёр. Сердито надувшийся Колесников стоял подле и молча наблюдал за Сашиними действиями.

– Ну всё, – сообщил Саша некоторое время спустя. – Хотел – иди огонь подерживать... Ты теперь его даже своей дубиной не потушишь, – добавил он, усмехнувшись и поднимаясь на ноги, – вредитель.

– Пошли Тимур, за картошкой, – окликнул Захаров мальчика. – Этот индеец и без нас справится... Да обуйся, не хватало ещё на стекло наступить!

Лужайка, на которую привела Ольга друзей, чтобы отдать должное традиционному празднику вожакого знаменитого на всю страну пионерского лагеря, была не только удачным местом для проведения подобного мероприятия, но и местом достаточно чистым, без традиционных завалов мусора, оставляемых отдыхающими на подобного рода диких пляжах. Однако Саша, памятуя о возможных опасностях, которые могут подстергать в подобных местах желающего приобщиться к природе человека, на всякий случай перестраховывался...

...Девушки, которым уже успел надоесть в одиночестве приём солнечных ванн, после приближения Саши с Тимуром заметно оживились.

– Какие люди! – воскликнула Ольга, приподнимая голову. – И без охраны, – добавила она, поправляя приклеенную на носу бумажку.

– Мы вот сейчас картошку заберём, я вернусь вас на спину переворачивать, – пообещал Саша. – Сгорите...

– А что, уже сильно заметно? – заволновалась Наталья и протянула руку к лежащей невдалеке от покрывала кофточке.

– У тебя, Наташ, ещё не очень сильно, – успокоил Захаров, – а вот соседки скоро дымиться начнут...

– Кого ты, Наташка, слушаешь? – задиристо воскликнула подружка. – Это ж Захаров, трепло!..

– Вот сгоришь, тогда и увидим, кто трепло, – пообещал Саша.

– Кстати, смех-то смехом, – добавил он, переходя уже на деловой тон, – но костёр готов, сейчас уже картошку побросаем... А где обещанный праздник? Нету праздника!..

– Будет тебе, Саша, праздник, будет, – пообещала Марина. После, махнув рукой,

добавила с улыбкой: – Пеките картошку, мы придём скоро...

– Пошли, Тимур, – студент притворно вздохнул, – пускай лежат...

– Картошка испечётся, мы за водкой придём, – пообещал Захаров на прощание и направился обратно к костру.

...У огня хозяйничал Витька. Мало того, что в костёр была засунута знаменитая Витькина находка, для простоты именуемая им корягой, поверх своего бревна Колесников успел навалить изрядное количество веток, которые уже взялись огнём, так что к костру, собственно, подойти было невозможно.

– Обалдел? – поинтересовался Саша Захаров. – Ну и что теперь делать будем? Ты что, правда пионерское детство вспомнил?

– Ты, Захаров, ничего не понимаешь, – Витька как бы в подтверждение своих слов только махнул рукой.

– Что мы собрались делать? Печь картошку, – ответил он наставительным тоном на собственный вопрос. – Что для этого нужно? Зола и угли. Вот ветки прогорят, будет и то и другое. Ты, Сашка, когда умный, а когда дурак дураком...

– Ну-ну...

Саша в ответ усмехнулся, опустился поодаль на траву, поставил у ног сумку с картошкой и, соорудив на лице гримасу ожидания, посоветовал мальчику:

– Садись, Тимур, здесь командуют другие...

Глава 23

Как это ни странно, но Витя Колесников оказался по-своему прав. Наваленные в костёр дрова действительно вскоре прогорели, вернее, перегорели посередине, и Витька перебросил пока ещё не тронутые огнём концы веток ближе к центру кострища.

– Ну, давай картошку, что ли! – потребовал он у демонстративно усевшегося поодаль однокурсника.

– Всеми тебя учить, – проворчал Витька, вытаскивая из сваленных в кучу остатков собранных дров длинную толстую ветку, которой собрался разгребать образовавшуюся кучу золы, пересыпанную матово тлевшими углями.

Саша поднялся на ноги, сделал несколько шагов по направлению к остат-

кам недавнего «пионерского костра» и подчёркнуто вежливо поинтересовался, может ли он тоже принять участие в приготовлении столь сложного блюда, как печёная картошка.

– Можешь, – великодушно разрешил Колесников. – Но только не суетись, погоди, пока остатки прогорят.

– Как скажете, – Захаров с деланной покорностью склонил набок голову, поставил на землю сумку с картошкой и принялся выбирать среди дров подходящий прут для себя.

Костёр вскоре окончательно прогорел, Саша, перевернув сумку, высыпал картошку на траву, и они с Витькой, прутьями разгребая угли, побросали её в золу, потом засыпали сверху углями, а поверх углей снова накидали веток, правда, теперь уже значительно меньше, чем Витька набросал в костёр прежде, когда единолично руководил процессом приготовления золы.

– Сейчас огонь добудем, – пообещал он, наклоняясь над наваленными на костёр дровами, уже принявшими кое-где дымиться.

Витька попытался было раздуть пламя, но неудачно: над кострищем поднялось облако золы.

– Перестань ерундой заниматься, – посоветовал Захаров. – Сами разгорятся.

– Ну вот, будем ещё ждать! – не согласился однокурсник. – Тимур, дай рубаху!

– Тимур, не давай, – Саша закинул руки за голову и улёгся на траву, устремив взгляд в нежно-голубое небо, – охота ему – пусть своей машет...

– Вот смотрю я на Колесникова и не перестаю удивляться, – заметил Саша как бы самому себе секунду спустя. – Откуда только у людей энергия берётся? Витька, откуда у тебя энергия берётся? – приподнял Саша голову, переворачиваясь к однокашнику.

– У меня просто кровь горячая, – сообщил тот, снова присаживаясь на корточки. – Тебе не понять...

– А, – протянул Захаров, – забавно... Что же ты тогда полессеи завалил? Действительно не понять... Кстати, читал в институте возле деканата объявление? «Задолжники каникул не имеют».

– К нам гости, – сообщил молчавший до того времени Тимур.

– Ну вот, мы очень рады, – констатиро-

вал Саша, садясь и для чего-то запахивая га груди рубаху.

– Что там, огонь сегодня будет? – поинтересовался он в следующую минуту с таким видом, как будто до последнего мгновения не пытался отговорить друга от добывания этого самого огня...

– Ты ещё рубаху предложи, хамелеон! – посоветовал Колесников.

– Просто праздника хочется, – неожиданно признался Саша. – А без картошки праздника не будет...

– Ладно, сиди, будет тебе праздник, – Витька махнул рукой и принялся дуть на остатки своей сильно дымящей коряги.

В следующий миг наваленные сверху ветки лизнул первый язычок пламени, Колесников удовлетворённо откинулся в сторону и сообщил, что дело мастера боится...

– Ну, как успехи? – поинтересовалась, останавливаясь напротив Саши, Марина.

Юноша с деланным равнодушием пожал плечами, поднял голову и усмехаясь ответил:

– Я, Марин, не знаю, здесь Колесников командует...

– А, понятно! – засмеялась девушка. – Командные посты делите?!

– Да какая делёжка? – Захаров снова пожал плечами. – У меня вообще шансов не осталось, Витька только что огонь добыл, и теперь к нему на драной козе не подъедешь...

– Но-но-но! – предупреждая подал Витя голос от костра. – Ты не очень-то, да ещё при гостях... Располагайтесь, девчонки...

– Спасибо, отец родной, – поблагодарила Ольга.

Наташа засмеялась.

– Ладно, между собой сами будете разбираться, – Марина махнула рукой и, вытащив из сумки плёнку, бросила её на траву.

– Что сидишь-то? – обернулась она к деланно безучастному Захарову. – Иди помогай!

– Ещё один начальник! – проворчал Саша.

После, не поднимаясь на ноги, дотянулся до плёнки, прижал один край к траве и, вскинув глаза на замешкавшуюся Марину, недовольно спросил:

– Марин, долго помогать-то?

Глава 24

Соорудив подобие переносного обеденного стола, Марина опустилась на траву рядом с Сашей Захаровым, обхватила руками согнутые в коленях ноги и, прижавшись к коленкам щекой, с улыбкой спросила:

– Ну, что не поделили?

Саша пожал плечами, сказал, что делить им с Витькой, собственно, нечего, что само по себе хорошо, потому что после любой делёжки Колесников будет чувствовать себя обманутым...

– Ну, пока что чувствуешь себя обманутым ты, – проницательно заметила Марина.

– Не обманутым, а ущемлённым, – поправил Саша. После, секунду помолчав, то ли объяснил, то ли признался: – Витька костром покомандовал, пока мы с Тимуром за картошкой ходили...

– Так, понятно! – Марина засмеялась. – И теперь Саша Захаров не может простить Вите Колесникову посягательство на собственное лидерство. Какие же вы всё-таки ещё дети! Брось, Саш, Витька больше не будет, – пообещала она, продолжая улыбаться. – Я прослежу, ладно?

– Проследи, – пожал плечами Захаров. – Я вот сейчас пойду картошку выкатывать, а ты проконтролируй ситуацию...

– Проконтролирую, – пообещала Марина. – Только, Саш, можно Колесников будет с тобой картошку доставать, он ведь, наверное, тоже её туда бросал?

– Ладно, – согласился Саша со справедливостью Маринино предложения. – Только пусть молчит...

– Ну хорошо! – девушка снова засмеялась. – Я с ним поговорю...

– Витя! – окликнула она о чём-то оживлённо разговаривающего с Натасей Колесникова. – Подойди, пожалуйста!

Витька, закончив болтать с Ольгиной подружкой, направился к Саше с Мариной. Не доходя до друзей нескольких шагов, он остановился, выжидаяще склонил голову набок, посмотрел вопросительно на Марину и поинтересовался:

– Звали?

– Звали, – кивнула девушка. – Жалуются на тебя, Колесников...

– Кто? – в недоумении машинально переспросил юноша. Потом, уже сообщив, что число возможных жалобщиков

чрезвычайно ограничено, а с Тимуром он практически не общался, Витька взглянул на Захарова и поинтересовался уже более конкретизировано:

– Сашка, что ли?

– Говорят, ты власть захватил, командовать начал, – продолжала Марина, намеренно не отвечая на Витькин вопрос, – смотри, Колесников...

– С огнём играет, – поддакнул Саша из-за спины девушки, – доиграется...

– Слышишь, Витя, доиграешься!

– Всё? – спросил Витька, обращаясь к обоим «воспитателям» одновременно. – Или ещё пугать будете?

– Больше не будем, – пообещала Марина. – Но имей в виду...

– Ты предупреждён, – закончил Саша за девушку.

– Ладно, я учту, – пообещал Колесников. – Пойдём картошку доставать?

– Ну, если учтёшь, то пойдём, – поднялся на ноги однокурсник. – Давайте, Марин, доставайте еду, сейчас картошка будет...

...Пока девушки выкладывали продукты на расстеленную недалеко от костра клеёнку, Захаров с Колесниковым, разворошив золу, выкатили на траву два десятка обугленных картофелин.

– Иди, Витька, принеси сумку, – попросил Саша товарища. – Наверное, освободилась уже у девчонок, не в руках же картошку нести.

– Ладно, сиди, я сам, – Саша поднялся на ноги и направился в сторону будущего праздничного стола.

– Дай, Марин, пакет, – попросил он приблизившись. – Сейчас картошку принесём.

– Вот, как раз вовремя, – заметила девушка. Затем пошарила возле себя рукой и протянула Захарову чёрную капроновую авоську:

– Несите, да будем к столу садиться.

...Собрав картошку, Витя с Сашей уже вместе подошли к расстеленному на траве столу.

– Ну что, Оль, будем садиться? – предложила Марина.

– Да, занимайте места, – откликнулась подруга. – Всё готово, только картошку и ждали...

– Падай, Витька, – сказал Саша, опускаясь на траву, – сейчас праздник будет.

Колесников ещё секунду помялся, переступая с ноги на ногу, потом сел рядом с Сашей, взял помидорку из горки и вопросительно посмотрел на устройшуюся напротив Марину:

– А где?..

– Молчи – вообще не дадут, – построив серьёзную мину, посоветовал однокашник.

– Да дадим, Саша, дадим! – засмеялась девушка. – Не буду же я сама себе праздник отравлять!

– Оля, достань бутылку из сумки, – кивнула она подруге. – А то ведь они не успокоятся – всю душу уже вытянули.

– Нет, ты, Витька, только посмотри! – возмутился Саша. – Мы с тобой, можно сказать, проявили чудеса выдержки, ни разу не посягнули на эту пресловутую бутылку, и мы же всю душу вытянем. Чья бутылка-то? Кто народ спаивает?

– Лицемерка, – поддакнул Колесников. – А, теперь всё равно, – добавил он, притворно вздохнув. – Давай, Сашка, кружку: за пионервожатых – так за пионервожатых...

Марина, принимая протягиваемую Ольгой бутылку, снова засмеялась:

– Витя, Саша, я этого дня целый год ждала, а вы ворчите!

– Ладно, больше не будем, – пообещал Саша, тоже протягивая руку за помидоркой, – ты, главное, дело делай, а то мы всю закуску съедим.

Глава 25

– Да, больше разговоров было, – заметил Саша, отставив в сторону пустой стакан и прожевав отправленную в рот корочку хлеба. – Непонятно только, зачем посуду из дома тащили, – одного бы стакана хватило...

– Ну, давай, пей что ли, – повернулся он к однокурснику.

Колесников, вздохнув, поднёс стакан ко рту, прикрыв глаза, залпом выпил и, скривившись, потянулся за куском хлеба.

– Тёплая, гадость! – пожаловался он.

– Конечно, тёплая, – согласился Захаров. – Где ты летом на улице да ещё на солнце холодную водку видел?

Девчонки тоже наконец справились со своими порциями и теперь налегали на закуску.

– Ты, Саша, давай ешь! – посоветова-

ла Марина, откусывая от сооружённого из хлеба и сыра бутерброда. – Пьяный будешь...

– Не буду, – самоуверенно заявил Захаров. – Доза не та...

– Да ты уже пьяный, – заметила Ольга. – Хвастун!

– Знаете, давайте лучше споём! – прервала Марина готовую вспыхнуть перебранку. – Витя!

– Я – за, – сообщил Колесников и взял гитару.

– Только давайте что-нибудь народное, а не пионерское, – сказал он, подтягивая колки, – пионерское по радио надоело.

– Ну давай тогда Есенина, что ли? – предложила Ольга.

– Вот, пойдёт, – кивнул юноша. – Только петь вы будете. Наталья, не увливать!

Витька склонил на бок голову, тронул струны, и через минуту подруги своими звонкими голосами уже выводили под шум речного прибора: «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...»

...Песня кончилась. Некоторое время молчали, только Витька, настраивая народ на продолжение, перебирал струны. Наконец, не услышав новых предложений, запел сам, и тоже Есенина: «Сыплет черёмуха снегом...» Девчонки поддержали.

– Молодцы! – похвалил Саша, когда и эта песня закончилась. – Но вы знаете, всё как-то не ко времени: то осень, то весна. Давайте что-нибудь летнее!

– Я про лето только блатные знаю, – признался Колесников.

– Это потому, что летом все приличные люди работают, – объяснила Марина.

– Например, мы, – поддержал Захаров. – Ну, давай тогда «Дубинушку», что ли...

– Ты не ёрничай, – одёрнула Сашу девушка. – Работа работе рознь. Вы ведь тоже в Елабуге не только на сеновале валяетесь, так что не надо...

– Пойдёмте искупаемся, – предложил Тимур.

– Подожди, – возразила сестра. – Сейчас ещё споём что-нибудь, пока настроение есть, тогда купаться пойдём. Какие после песни? Ну, Вить, давай сыграй что-нибудь!

– Летнее!

– Ладно, – сдался Колесников.

– Ну, по заказу публики, – сообщил он, переходя на блатные аккорды. – Это,

так сказать, преддверие лета... Подпевай, Сашка!

– Я покурю. Голоса нет, – усмехнулся однокурсник.

Витьке, которому хорошо были известны захаровские музыкальные способности, если бы руки не были заняты гитарой, оставалось бы только махнуть одной из них. Поэтому, усмехнувшись, он самостоятельно затянул страдальческим голосом песню про «мальчишку-хулигана»...

...Закончив исполнение душещипательной истории любви молодого вора и девушки из благополучной семьи, Колесников склонил на плечо голову и замер одновременно со звуками последнего гитарного аккорда.

Саша же, демонстрируя свой восторг Витькиным песенным творчеством, разрился аплодисментами.

– Класс! – сообщил он, ещё не закончив аплодировать.

– Эх вы, фольклористы! – осуждающе воскликнула Марина. – По старухам ходите, а спеть-то ничего, кроме Есенина и пошлого приблатнённого шлягера, не можете... Ладно, пойдёмте купаться.

– Ну ты, Марин, даёшь! – возмутился Саша Захаров, вставая вместе с другими из-за «стола». – Мы что, песни записываем? У нас специализация-то какая? Несказочная проза. Легенды, предания, воспоминания... А ты чего требуешь?

– Стойте! – воскликнул Витька, снова опускаясь на место. Маринка права, наконец, давайте хоть одну нормальную песню споём!

– Ну, давайте, – поддержала Ольга, опускаясь на траву следом за Колесниковым.

– Нет, мы до воды, похоже, больше не доберёмся, – вздохнул Саша и тоже сел.

– Не ворчи, Сашка, – попросила девушка. – Сейчас споём и пойдём купаться...

И первая вздохнула:

– Ой, то не вечер, то не вечер,
Ой, да мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось
Да во сне привиделось...

Глава 26

Длинная, протяжная и грустная, как и

все русские народные, песня подошла к концу. Отзвенели девичьи голоса, смолкла Витькина гитара, но ребята некоторое время ещё продолжали находиться под впечатлением только что рассказанной истории молодого казака.

– Ну что? Купаться-то пойдём? – прервал наконец кто-то молчание. – А то Саша вон уговаривал-уговаривал, пока не надоело...

– А я от своих слов не отказываюсь! – заявил Захаров. После поднялся на ноги и, толкнув ногой Колесникова, поинтересовался: – Тебе особое приглашение нужно?

Витька, отложив в сторону гитару, тоже встал и, посмотрев исподлобья на Захарова, пообещал с нарочитой грустью в голосе:

– Я ведь тебя, Сашка, сейчас утоплю, чтобы не пинался.

– Топи, если догонишь, – засмеялся Захаров, повернулся и побежал к воде.

– Ребята, я предупреждал! – призвал Витька в свидетели продолжающую сидеть на траве компанию, затем притворно вздохнул и припустил вдогонку за другом.

– Дети, – улыбнулась Марина.

– Но устами младенца глаголет истина, – добавила она, поднимаясь на ноги. – Пошли купаться...

– Давно пора! – воскликнул Тимур, вскакивая следом. – Догоняйте...

– Тимка! – крикнула Ольга вдогонку брату. – Сашу спасай!..

...Вволю наплескавшись и наглотившись волжской воды, компания наконец выбралась на берег и собралась в кучку у расстеленного на траве покрывала.

– Оль, куда полотенце запропастилось? Всю сумку перерыла! – Марина, стоя на коленях, обернулась.

– Не знаю, им Наташка голову укрывала, – откликнулась подружка. – Наталья?!

– В головах, под покрывалом, – отозвалась девушка. – Ой, Маринка, у тебя все губы синие! Давай растирайся скорей!

– Растираться – это мещанство, – заметил Колесников, прыгая на одной ноге.

– И не надо, не надо возражать, – махнул Витька рукой в сторону пыгающей что-то сказать девушки. – Я тебя, Сергеева, всё равно не слышу – у меня вода в ушах. Ни тебя, ни Ольгу. А Захарова вообще слушать не желаю!

– А я что, разговариваю с тобой? – пожал Саша плечами. – Кончай прыгать по-козлячьи, пойдём плавки выжжем.

– погоди, дай хоть немного обсохнуть! – Витька перестал прыгать, покачал головой, проверяя наличие в ушах воды, и переменял ногу. – У тебя что, уши не заложены?

– Так это же ты меня топил, а не я тебя! – засмеялся Саша. – Ладно, кончай скакать, пойдём выжжемся! Пошли, Тимур.

– Давайте, потом мы сходим, – кивнула Ольга. – А дома уж переоденемся...

– Не нужно, не нужно интимных подробностей, – Витька предостерегающе поднял руку.

– Иди давай! – замахнулась на Колесникова девушка. – Я тебе сейчас дам интимные подробности...

...Спустя некоторое время молодёжь, уже одетая и заметно усталая (чтобы не сказать измученная), двинулась в обратный путь. Вот по причине этой усталости Саша никогда и не считал посещение пляжа отдыхом. Ничего себе отдых, если весь запас полученной в воде прохлады ещё в самом начале отнимается обратной дорогой! Не проще ли тогда дома в прохладную ванну залезть?

Тем не менее заменить пляж ванной Захаров никогда не пытался, хотя и начинал периодически ворчать по поводу предстоящего пути. И не пытался прежде всего потому, что в ванной лежишь один, как дурак, а на пляж идёшь в компании друзей или на худой конец с каким-нибудь одним другом, и лежать тебе просто не дадут...

– Ну, всё, пришли, – вздохнула Ольга, открывая калитку. – Давайте так: час отдыхаем и начинаем собираться домой.

– Давайте, – кивнул Саша, следом за Тимуром сворачивая на тропинку к «сенорезиденции». – Отдыхаем и начинаем собираться... к тебе домой.

Протопав по ступенькам, Саша с Тимуром нырнули в полумрак сеновала и в изнеможении попадали на расстеленное одеяло. Некоторое время спустя в дверях показался приотставший было Витя Колесников.

– Залегли уже? – поинтересовался он от дверей.

– Иди ложись, – откликнулся однокурник. – Места мало, что ли?

– Да лежите, – махнул Витька рукой.
– Я на пляже належаюся.

Затем опустился на корточки и принялся копать в стоящей в ногах у ребят сумке.

Часть III

Глава I

УХОДЯЩЕЕ

Повалилась девица
 батюшке во ноженьки:
«Государь мой, батюшка,
 погоди немноженько.
Пожалей лебёдушку –
 не кури вино!..»
Солнышко, как волюшка,
 в узкое окно.

«Не грусти, лебёдушка,
 не кручинься, девица,
От венца да посоха
 никуда не денешься...»
Приподнялся батюшка,
 проскрипел крыльцом;
Зарыдала тройка
 звонким бубенцом.

Ты весной, черёмушка,
 в сарафан оденешься.
Поклонишься полюшку,
 улыбнёшься девице,
Закидаешь радостно
 встречного метелицей –
Уж твоя-то волюшка
 никуда не денется.

* * *

Он смеялся так убедительно,
Так пиджак в чемодан швырял,
Так кричал, что теперь положительно
Окончательно «завязал»,
Что мне стало немножко боязно
И немножко грустно ещё,
А потом я стоял у поезда
С сигаретой и плащом.

А кругом носильщики бегали,
И какая-то женщина плакала,
И делилась старуха бедами
Со своей соседкой патлатою.
И всё было такое привычное
И чужое одновременно,
Что я только жевал «Столичные»
И ругался несовременно.

И подумалось вдруг с усталостью:
«Сами жизнь превращаем в роман.
Так и будем бросаться до старости
Из тумана опять в туман.
Так и будем писать без веры
И бежать, чтоб её найти.
На черта нам эти химеры
И исписанные листки?»

* * *

То ворую сюжеты у классиков,
То с претензией на современность
Кто в романтику, кто в солдатиков,
Кто в любовь со свечой, кто в ненависть...
Может, плюнем когда с усталостью,
Но обычно играют до старости.

* * *

Мы стояли на улице
 в Богом забытой деревне,
Где резьба на домах –
 как природой отточенный лист.
А весёлый старик
 нёс свои стариковские бредни,
Впрочем, сказка в цене:
 дорогой аметист.

И когда мы узнали,
что леший не сделает худа,
Что русалка – та ж баба,
 а черти лишь пьяным страшны,
Что вообще на земле
 самый лютой вражина – простуда,
Я достал сигарету
 и сдуру коснулся войны.

А потом,
 захлебнувшись спасающим дымом
И бросая
 косящие строчки в тетрадь,
Я поверил в стихи,
 в их жестокою необходимость,
И что сотня в начале атаки,
 в конце – двадцать пять.

ДОМ

Ольге и Виктору
Колесниковым

Здесь, наверное, не до поэзии: стол,
усыпанный хлебными крошками,
Ненасытная печка-голландка,
возле дверцы – ведёрко с углём.
Здесь не балует жизнь иллюзиями,
как не балует светом окошко.
Для того, чтоб хоть раз согреться,
нужно просто спалить весь дом.

Я бываю в холодном доме.
(Я сюда заезжаю часто.)

Мне дают подержать ребёнка:
«Это дядя Захаров пришёл».
Здесь хранятся в семейном альбоме
два стиха о борьбе с тунеядством
И моя фотография, только
я на ней что-то очень смешон.

Я сажусь возле самой печки,
я размахиваю руками,
Говорю, что всю ночь работал, –
мне со смехом суют альбом...
Я прикуриваю от спички,
я хозяев притворно ругаю.
Говорю, что на белом свете
это самый холодный дом...

Глава 2

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...
Анна Ахматова

Сначала Саша стоял в кузове грузовика, а ветер рвал отвороты его куртки, будто хотел схватить за грудки, сбивая с головы шапку, залепляя рот снегом, и гасил спички одну за другой. А юноша прятал папиросу в кулак и смеялся как ненормальный.

А потом он шёл пешком. Очень долго, часа четыре или пять, сколько – Саша точно не знал, потому что потерял ориентировку во времени. Весь мир сжался в узенькую колею, под сапогами чавкала грязь, а сверху – на дорогу, на шапку, на сапоги – в медленном вальсе, который Саша так и не научился танцевать, опускались снежинки.

Саша думал об этом вальсе, о том, что

осталось всего тридцать километров, что вообще дурак, что не взял у друга ракетницу, а здесь наверняка полно волков, что у его однокурсников кончается последняя лекция, а у него – последние спички.

Внизу, под насыпью, раскачивался сухой камыш и ещё какие-то цветы, похожие на ковыль, но только совершенно чёрные. Саша не знал, что это было на самом деле, но растения казались ему почему-то цветами. Юноша думал, как было бы здорово спуститься вниз, лечь возле маленького озерца, затянутого тонкой ледяной плёнкой, ударить по ней рукой и долго-долго пить. Перевернуться на спину, сорвать чёрный цветок и положить в карман.

...Но Саша очень устал, у него просто не хватило бы сил подняться назад по насыпи...

Захаров тащился по краю дороги и бормотал: «Мы сегодня играем в романтику, Саша, никакой лирики. Самые прекрасные цветы – розы, их дарят даже покойникам. А покойники дарят цветы? Чем бывшие влюблённые лучше покойников? А здорово было бы подарить чёрный цветок – как весть с того света».

Наконец, Саша поймал себя на том, что начал философствовать, и рассмеялся. Человек идёт по дороге, до ближайшего жилья 20 километров, сутки ничего не ел, спичек нет, рубаха и свитер мокрые насквозь, а он рассуждает о каких-то абстрактных материях. Хоть стой, хоть падай. Немного поразмыслив, Саша, естественно, выбрал последнее, то есть завалился на обочину и начал жевать снег.

Вскоре, однако, это занятие ему надоело. Захаров перевернулся на живот, помянул Джека Лондона и пополз навстречу теплу, уюту, горячему кофе и ещё Бог знает чему. За спиной послышался шум мотора...

ДОРОГА

Я вытираю грязь со лба
Своим шарфом;
Вон до того дойти б столба,
А что потом?..
Да я и слыхом не слыхал,
Чтоб снег, как слизь.
Но едет юзом самосвал:
– Давай садись.

Что? Вёрст пятнадцать отмахал?

– Да вроде нет.

– Наверно, здорово устал –

Я видел след...

Теперь уже недалеко...

Ах, мать твою...

Но я не слушаю его,

Я просто сплю.

...Я приезжал, стучал, входил.

– Откуда вдруг?

– Так, по дороге заскочил.

– Ну, здравствуй, друг.

Глава 3

Ехал как-то Саша из редакции газеты Бердска, рабочего городка-спутника Новосибирска. Сам-то он уже давно нигде не работал, а в редакцию шлялся просто так, для разнообразия жизни – имел удостоверение начальника отдела литературы и искусства, которого не было, сам же периодически развозил по небольшим частным организациям «Роспечати» женскую газету, которую бердский еженедельник выпускал, для того чтобы накручивать зарплату штатным сотрудникам.

На станции в ожидании электрички Саша какое-то время слонялся по перрону. Затем подошёл поздороваться со знакомой торговкой газетами. На дворе стояло лето, и знакомая газетчица на летний период переключилась на торговлю ягодами. Вот эту ягоду Саша и помогал ей погрузить в подошедший электропоезд.

Погрузившись, Саша с женщиной вошли в полупустой вагон и, чтобы не таскаться с грузом, присели на крайнее деревянное сиденье «для детей и инвалидов». Электричка тронулась, за окном всё быстрее и быстрее начали мелькать пристанционные строения Бердска, у нашего же героя завязался разговор со спутницей.

За что автор всегда любил дорогу – за непременно беседы. Непременность. Даже если в дороге один, если идёшь пешком, всё равно, хотя бы с самим собой, про себя разговариваешь, а уж со спутником!..

– Ну как ты, Саша? – задала традиционный по нынешнему времени вопрос соседка. – В редакцию ездил?

– В редакцию, – кивнул Захаров. – А вы как, Валентина Никифоровна? Бросили газеты на лето?

– Бросила, – махнула рукой женщина. – Сейчас нужно ягоду продать да сахара для варенья на зиму купить. Знаешь же, нельзя без варенья...

– Знаю, – кивнул Саша головой, – потому мать всё лето на даче и живёт.

А про себя подумал: «Без варенья – цинга. Сибирь не Европа».

– Ты знаешь, Саш, я в начале лета газетами торговала: и по электричкам, и у нас в городе, и в Новосибирске. В Новосибирске на главном мальчишку-студента с Украины подобрала, домой привезла. Месяц в гараже жил, пока за ним мать не приехала. У нас гараж капитальный, а машины нет. Ты меня слушаешь? – собеседница слегка наклонила голову, заглядывая спутнику в лицо.

– Конечно, слушаю, – кивнул Саша.

– Вот письмо получила, в гости осенью зовут. Пишут, чтобы только в один конец билет купила и ни о чём больше не беспокоилась, они меня месяц прокормят и обратно отправят, фруктов с собой дадут. Вот, мать написала, когда у них что поспекает. Как думаешь, поехать? Пятьсот тысяч нужно...

– Ну, деньги найдёте, – убеждённо возразил Саша. – А ехать нужно обязательно, когда ещё появится возможность на Украине побывать? Я вот у бабушки в Запорожье ещё студентом раза три был. Хорошо там: и тепло, и фрукты, и даже люди другие – это у нас, как собаки.

– Ой, Саша, о людях и не говори! – вздохнула Валентина Никифоровна. – Я пробовала мальчишку с собой брать газетами торговать, так милиция ему просто проходу не даёт – каждый наряд останавливает – на лицо-то он чернявый. «Вы что это, – говорю, – к мальчишке цепляйтесь? Племянник ко мне в гости приехал!» Нет. Бомж – и всё. Я уж потом письмо его матери написала, а самому говорю: «Знаешь что, вот живёшь в гараже – и живи, пока из дома не приедут. На улице тепло». Ты меня слушаешь?

– Да слушаю я, слушаю, – снова кивнул Саша. – Вы что думаете, мы в восемнадцать лет другие были?

– Ну вот, приехала мать, сидим мы у него в гараже, разговариваем. Она его и спрашивает: «Слушай, что тебя заставило убежать из дома?» – «Мир хотел посмотреть», – говорит.

Начал-то он со Средней Азии, да день-

ги, которые с собой были, ещё в поезде украли. Нанялся к одному старику овец пасти за то, что тот его домой отправит. А старик прокормил его месяц и выгнал: не нужен стал. Тогда мальчишка как-то до Новосибирска добрался и там при вокзале жил...

– Ну всё, Саш, сейчас «Речной вокзал».

– Знаете, Валентина Никифоровна, давайте я редактору записку напишу – зайдёте, Литаврину эту историю расскажете.

– Да не надо. Ты что, в самом деле? Я тебе рассказываю. Всё, давай беги, станция сейчас.

Саша махнул рукой на прощание, открыл дверь в тамбур и через минуту, спустившись по ступенькам вагона, зло сплюнул себе под ноги, вспомнив вчерашнее сообщение по радио о том, как работники вокзала Новосибирск-Главный вооружаются зимой дубинками, чтобы защищать зал ожидания от бомжей.

Эпилог

Торговал Захаров огурцами, компотом, чесноком, беседуя с соседями. Трезвый и спокойный. Третий день ничего не покупали.

Тут откуда-то свалились пьяные в дым Лёшка-афганец и ещё парень. Как оказалось, бывший циркач.

– Что, не берут? У нас здорово покупают. Давай свою сумку, составляй банки. Жди здесь, никуда не уходи.

Через час, отчитав Сашку, как пацана (а у него за плечами было уже пять лет улицы), трое дедов-друзей отправили его сначала к соседнему магазину, затем в обход на центральный рынок.

– У тебя точно сдвиг. Это же улица! Не будет ни банок, ни денег. Они же пьяные вдрызг: банки перебьют, а сами залетят в милицию или деньги пропьют. Поезжай, мы тебя дождёмся...

– Ну, бывает. Ладно.

Вернувшись, Саша увидел уже почти протрезвевших коммерсантов. Получил за одну проданную банку полтинник (половину цены), отдал Лёшке в долг ещё одну банку компота, выслушал наставление ни с кем, кроме своих соседей, больше не связываться, ставить в известность о предстоящих поступках и водку пить только с ними.

– Ты что так лопухнулся-то?

– Ну, я чего заканчивал? – пожал Захаров плечами.

– Водку пить не нужно с уличными знакомыми...

«Тут вообще началось, не опишешь в словах!..»

...Отдал Захаров знакомой женщине 30 рублей долга, купил в киоске дорогие сигареты и пошёл домой усталой походкой.

А как мирно всё начиналось! Восемь пустых бутылок на проспекте в этот вечер Сашка подобрал... Сообразил, зачем Лёшка свой орден на груди таскает... Да затем же, зачем он просроченное редакционное удостоверение в кармане! Кто-то холодную войну проиграл, а ты расхлёбывай!..

Апрель 1997 – 1998; март 2003